

Джеймс Коми

ВЫСШАЯ СТЕПЕНЬ ПРЕДАННОСТИ Правда, ложь и руководство

Моим бывшим коллегам, профессионалам из Министерства юстиции и ФБР, чья прочная приверженность правде сохраняет нашу страну великой.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Кто я такой, чтобы рассказывать другим, что такое этическое руководство? Любой, претендующий на написание книги об этическом руководстве может восприниматься самонадеянным, даже лицемерным. Тем более, если этот автор оказывается кем-то, кто был довольно запоминающимся и публичным образом уволен со своего последнего места работы.

Я понимаю порыв считать любую книгу, написанную о чьем-либо жизненном опыте, возможным упражнением в самолюбии, вот почему я долго сопротивлялся идее написания собственной книги. Но я передумал по важной причине. Мы переживаем опасное время в нашей стране, в политической обстановке, когда оспариваются основные факты, ставится под вопрос основополагающая истина, нормализовывается ложь, а неэтичное поведение игнорируется, оправдывается или вознаграждается. Это происходит не только в столице нашей страны, и не только в Соединённых Штатах. Это тревожная тенденция, коснувшаяся институтов по всей Америке и по всему миру — советов директоров крупных компаний, отделов новостей, университетских кампусов, индустрии развлечений, профессионального и олимпийского спорта. Некоторых жуликов, лжецов и преступников ждала расплата. Для других оставались извинения, оправдания и упрямая готовность окружающих смотреть сквозь пальцы или даже позволять плохое поведение.

Так что если и существовало время, когда было бы полезным исследование этического руководства, то это сейчас. Хотя я не эксперт, я изучал, читал и размышлял о этическом руководстве с тех пор, как был студентом колледжа, и многие десятилетия боролся с тем, как практиковать его. Нет совершенного руководителя, который мог бы преподать эти уроки, так что на всех остальных из нас, кого волнуют подобные темы, ложится задача

вести разговор и бросать вызов себе и нашим руководителям, чтобы справляться лучше.

Этичные руководители не бегают от критики, особенно самокритики, и они не прячутся от неудобных вопросов. Они приветствуют их. У всех людей есть недостатки, и у меня их много. К некоторым из моих, как вы узнаете в этой книге, относится то, что я могу быть упрямым, гордым, самонадеянным, и руководствоваться своим эго. Я всю свою жизнь боролся с ними. Есть множество моментов, на которые я оглядываюсь, и в которые хотел бы поступить по-другому, и несколько тех, за которые мне откровенно стыдно. У большинства из нас есть подобные моменты. Важно, что мы учимся на них и надеемся исправиться.

Я не люблю критику, но знаю, что могу ошибаться, даже когда уверен, что прав. Прислушиваться к другим, кто не согласен со мной и хочет критиковать меня, жизненно важно для преодоления искушения уверенности. Сомнение, научился я, это мудрость. И чем старше я становлюсь, тем меньше знаю наверняка. Те руководители, которые никогда не думают, что ошибаются, которые никогда не сомневаются в своих решениях или перспективах, опасны для организаций и людей, которыми руководят. В некоторых случаях они опасны для страны и мира.

Я научился, что этичные лидеры руководят, заглядывая за краткосрочность, за неотложность, и принимают все меры с целью достижения вечных ценностей. Они могут найти свои ценности в религиозных традициях, или моральном мировоззрении, или даже в оценке истории. Но такие ценности — как правдивость, честность, уважение к другим, и это лишь некоторые из примеров — служат внешними опорными точками для этичных руководителей, чтобы принимать решения, особенно трудные решения, в которых нет лёгких или хороших вариантов. Эти ценности важнее того, что может сойти за преобладающую мудрость или групповое мышления общества. Эти ценности важнее порывов боссов наверху и страстей работников внизу. Они важнее рентабельности организации и чистой прибыли. Этичные руководители выбирают высшую степень преданности этим основным ценностям над своей собственной личной выгодой.

Этичное руководство также заключается в понимании правды о людях и нашей жажде смысла. Оно заключается в создании рабочих мест, где стандарты высоки, а опасения невелики. Это те разновидности культур, где люди будут чувствовать себя свободно, говоря правду другим, в своих поисках совершенства в себе и людях вокруг них.

Без фундаментальной приверженности истине — особенно среди наших общественных институтов и тех, кто их возглавляет — мы проиграем. Как правовой принцип, если люди не говорят правду, наша система правосудия не может функционировать, и общество, основывающееся на верховенстве закона, начинает исчезать. Как организационно-руководящий принцип, если руководители не говорят правду или не слушают правду из уст других, то не могут принимать хорошие решения, не могут самосовершенствоваться, не могут вызывать доверие у следующих за ними.

Хорошие новости заключаются в том, что честность и правдивость могут быть моделированы весьма мощным образом, формируя культуры искренности, открытости и транспарентности. Этичные руководители могут формировать культуру своими словами и, что более важно, своими поступками, потому что за ними всегда наблюдают. К сожалению, обратное тоже верно. Нечестные руководители обладают той же способностью формировать культуру, демонстрируя своим людям лживость, коррупцию и жульничество. Приверженность честности и высшая степень преданности истине — это то, что отличает этичного руководителя от тех, кто по простой случайности занимает руководящие роли. Мы не можем игнорировать это различие.

Я провёл много времени, обдумывая название этой книги. В определённом смысле, оно родилось во время странной встречи за ужином в Белом доме, во время которой новый президент Соединённых Штатов потребовал моей преданности — ему лично — в ущерб моему долгу, как директора ФБР перед американским народом. Но в другом, более глубоком смысле, это название является кульминацией четырёх десятилетий в органах правосудия в качестве федерального прокурора, бизнес-адвоката, а также тесного сотрудничества с тремя президентами США. На всех этих постах я учился у окружавших меня и пытался донести до всех, с кем работал, что это высшая степень преданности во всей нашей жизни — не человеку, не партии, не группе. Высшая степень преданности — это вечным ценностям, и самое важное — правде. Я надеюсь, что эта книга окажется полезной в побуждении всех нас задуматься о ценностях, на которые мы опираемся, и искать то руководство, которое олицетворяет эти ценности.

ВВЕДЕНИЕ

Способность людей устанавливать законы делает демократию возможной, а склонность людей обходить законы делает демократию необходимой.

Рейнгольд Нибур

Между штаб-квартирой ФБР и Капитолийским холмом десять кварталов, и каждый из них

врезался мне в память за время бесчисленных челночных командировок вверх-вниз по Пенсильвания-авеню. Проезжать мимо Национальных архивов, где туристы выстроились в очередь, чтобы увидеть документы Америки, Музея журналистики и новостей «Ньюзеум» — с вырезанными на его каменном фасаде словами Первой поправки — и продавцов футболов и тележек с едой стало чем-то вроде ритуала.

Был февраль 2017, и я сидел на заднем ряду полностью бронированного «Субурбан» ФБР. Средний ряд сидений вынули, так что я сидел в одном из двух кресел сзади. Я привык наблюдать проносящийся мимо окружающий мир сквозь маленькое тёмное пуленепробиваемое боковое стекло. Я был на пути на ещё одно секретное слушание в Конгрессе по поводу вмешательства России в выборы 2016.

Появиться перед членами конгресса и в хороший день было непростым делом, и обычно обескураживающим. Создавалось впечатление, что практически все занимают какую-либо сторону, и, казалось, слушают лишь для того, чтобы найти крупиты, соответствующие тому, что они хотели услышать. Они привыкли спорить друг с другом через вас: «Господин Директор, раз кто-то сказал X, разве этот человек не идиот?» И ответ также последует через вас: «Господин Директор, раз кто-то говорит, что кто-то, кто сказал X, идиот, разве этот человек не является настоящим идиотом?»

Когда речь заходила о наиболее спорных на памяти выборах, дискуссия сразу же становилась ещё более злой, и лишь немногие желали, или были способны, отставить в сторону свои политические интересы и сосредоточиться на правде. Республиканцы хотели быть уверены, что русские не избрали Дональда Трампа. Демократы, которых всё ещё трясло от результатов состоявшихся несколько недель назад выборов, хотели прямо противоположного. Было мало точек соприкосновения. Это было словно присутствовать на ужине на дне Благодарения с семейством, которое ест вместе лишь по решению суда.

ФБР, со мной в качестве его директора, оказалось в центре узкопартийной желчи. Это было не совсем ново. Мы были втянуты в выборы, начиная с июля 2015 года, когда наши опытные профессионалы в ФБР начали уголовное расследование передачи Хиллари Клинтон секретной информации через свою личную электронную почту. Это было время, когда даже использование терминов «уголовное» и «расследование» являлось источником ненужных дебатов. Годом спустя, в июле 2016, мы начали расследование, были ли массовые российские усилия повлиять на голосование на выборах президента путём причинения ущерба Клинтон и помощи в избрании Дональда Трампа.

Это была печальная, хотя и неизбежная, ситуация для Бюро. Хотя и являясь частью исполнительной власти, ФБР призвано держаться в стороне от политики в американской жизни. Его миссия заключается в поиске правды. Для этого ФБР не может быть ни на чьей стороне, кроме страны. Конечно же, у членов Бюро, как и у всех других, могут быть свои собственные личные политические взгляды, но когда его люди встают в зале судебных заседаний или в Конгрессе, чтобы доложить о том, что они обнаружили, они не могут

рассматриваться как республиканцы, демократы или часть какого-либо сообщества. Сорок лет назад Конгресс создал десятилетний срок для директора ФБР, чтобы укрепить эту независимость. Но и в столице, и в стране, раздираемой партийным конфликтом, отстранённость ФБР одновременно являлась и непривычной, и сбивающей с толку, и постоянно подвергалась испытаниям. Это вызывало чудовищное напряжение у карьерных профессионалов в агентстве, особенно когда их мотивы постоянно подвергались сомнению.

Я взглянул на Грегга Брауэра, нового главу отдела ФБР по делам Конгресса, ехавшего со мной на Холм. Грег был пятидесятирёхлетним невадцем с волосами с проседью. Мы взяли его на работу из юридической фирмы. До этого он являлся главным федеральным прокурором Невады, а также избранным законодателем штата. Он знал правоохранительную деятельность, а также сложную и весьма отличающуюся политическую деятельность. Его работой было представлять ФБР в резервуаре с акулами Конгресса.

Но Брауэр не подписывался на подобные потрясения, которые лишь усилились после шокирующих результатов выборов 2016. Грег ещё не так долго был частью Бюро, так что я волновался, что эти безумие и стресс могут подействовать на него. Я был наполовину уверен, что он распахнёт дверь «Субурбан» и пустится наутёк в сторону холмов. Будучи моложе, ещё с малым числом появлений за свидетельским столом в Конгрессе, я мог бы подумывать о том же. Посмотрев на него, я предположил, что он думает о том же, о чём и я: «Как я здесь очутился?».

Я видел эту обеспокоенность на лице Брауэра, так что нарушил молчание.

— КАК ЖЕ ЭТО КРУТО, — громко произнёс я так, что, несомненно, привлёк внимание агентов на передних сиденьях.

Брауэр посмотрел на меня.

— Мы в ДЕРЬМЕ, — сказал я.

Теперь он выглядел удивлённым. Директор ФБР только что произнёс «дерьмо»?

Угу, произнёс.

«Мы по пояс в дерьме», — добавил я с преувеличенной улыбкой, показав руками как глубоко. — «Где ещё ты хотел бы быть?» — перефразируя Шекспира, речь на день святого Криспиана, я добавил: «Этой ночью люди в Англии в кровати хотели бы оказаться здесь».

Он рассмеялся и ощутимо приободрился. Я тоже повеселел. Хотя я уверен, что мысль

выпрыгнуть из несущейся машины всё ещё приходила Грегу на ум, напряжение спало. Мы вместе вздохнули. Мгновение мы были двумя путешественниками. Всё должно было быть хорошо.

Затем этот миг прошёл, и мы подъехали к Капитолию США, чтобы говорить о Путине, Трампе, голословных утверждениях о сговоре и секретных досье, и кто знает, о чём ещё. Это был просто ещё один напряжённый момент в том, что являлось одним из самых безумных, наиболее последовательных и даже образовательных периодов в моей жизни, и некоторые могут сказать, в жизни страны.

И неоднократно я ловил себя на том, что задавал себе один и тот же вопрос: как, чёрт возьми, я здесь оказался?

Глава 1

ЖИЗНЬ

Не думать о смерти, значит не думать о жизни.

Янн Арден

Жизнь начинается со лжи.

В 1992 году я был помощником прокурора США в Нью-Йорке, и это были слова, которые я услышал от старшего члена одного из самых печально известных преступных кланов в Соединённых Штатах.

Сальваторе «Сэмми Бык» Гравано был самым высокопоставленным американским гангстером, когда-либо становившимся федеральным осведомителем. Он переметнулся, чтобы избежать пожизненного заключения в тюрьме, а также потому, что услышал правительственные записи, на которых его босс, Джон Готти говорил о нём плохие вещи у него за спиной. Теперь арестованный нами Гравано посвящал меня в правила мафиозной

жизни.

Членство в Коза Ностра — «наше дело» — становится официальным лишь после клятвы, произнесённой перед боссом, «смотрящим» и консилиери семейства. После этой церемонии преступник станет известен как «сделанный». Первым вопросом тайного посвящения было: «Ты знаешь, зачем ты здесь?». Избранный должен был ответить: «нет», несмотря на тот факт, пояснил Гравано, что лишь идиот не поймёт, для чего лидеры семейства собрались вместе с ним в подвале одного из ночных клубов.

Почти на два десятилетия лидеры американской мафии заключили соглашение не принимать новых членов. В 1957 году они «закрыли книги» — термин, отражающий, что в этом процессе используется фактический обмен бумагами, в которых содержатся клички и настоящие имена их членов, среди семейств мафии — из-за серьёзной озабоченности контролем качества и проникновением информаторов. Но в 1976 году они договорились, что каждая семья может принять десять новых членов, а затем книги снова будут закрыты, и новые члены допускаются лишь для замены умерших. Для каждого семейства эти десять были самыми закоренелыми звёздными гангстерами, которых замораживали годами. Гравано пришёл в мафию как часть этого «высшего класса».

Принятие десяти новых членов после столь долгого закрытия очевидно легло бременем на преступное сообщество. В типичной церемонии посвящения ожидается, что новичок будет держать в сложенных в виде чаши руках горящее изображение католического святого, окрашенное кровью, капающей из его указательного пальца, и продекламирует: «Пусть моя душа сгорит, как этот святой, если я когда-либо предам Коза Ностру». Гравано вспомнил, что когда они дошли до драматического заключения его церемонии, ему пришлось произнести эти слова, держа взамен горящую пропитанную кровью бумажную салфетку. Семья Гамбино не позаботилась обеспечить достаточное количество портретов святых для сжигания.

Церемония посвящения Гравано не только началась со лжи, ею она и закончилась. Босс перечислил для него правила американской Коза Ностры: не убивать при помощи взрывчатки; не убивать сотрудников правоохранительных органов; не убивать других «сделанных» без официального разрешения; не спать с жёнами других «сделанных»; и не иметь дела с наркотиками. Как правило, мафия старалась следовать первым двум правилам. Американское правительство сокрушит любого, кто взрывчаткой причинит вред невинным людям или убьёт сотрудника правоохранительных органов. Но обещания не убивать «сделанных», не спать с их жёнами и не иметь дела с наркотой были ложью. Гравано и его подельники по мафии запросто делали все эти три вещи. Как объяснял это мой коллега-прокурор Патрик Фитцджеральд, они напоминали правила против драк в хоккее — на словах нет-нет, а по факту постоянная особенность этой игры.

У близкородственной сицилийской мафии было другое правило, подчёркивавшее центральное положение лживости самой сути всей организованной преступности по

обеим сторонам Атлантики. Вновь принятым членам говорили, что им запрещалось лгать другим «сделанным» — называемым на Сицилии «человек чести» — если только, и это было большое если только, это не являлось необходимым для того, чтобы заманить его на смерть. Я однажды спросил другого правительственного осведомителя, киллера сицилийской мафии Франческо Марино Маннойю, об этом правиле.

«Франко», — сказал я, — «это означает, что ты можешь верить мне, если мы не собираемся тебя убить».

«Да», — ответил он, удивлённый моим вопросом. — «Люди чести могут лгать лишь о самых важных вещах».

Жизнь во Лжи. Молчаливый круг согласия. Всё под полным контролем босса. Клятвы верности. Мировоззрение мы-против-них. Ложь о вещах, больших и малых, на службе у какого-то извращённого кодекса верности. Эти правила и стандарты были отличительными признаками мафии, но на протяжении своей карьеры я удивлялся, как часто они применялись вне её.

Начало моей карьеры в качестве прокурора, особенно моя роль в противостоянии мафии, усилило мою уверенность, что я правильно выбрал карьеру. Право не было очевидным путём для меня. В конечном итоге я выбрал карьеру в правоохранительных органах, так как считал её лучшим способом помочь другим людям, особенно страдающим от рук сильных мира сего, криминальных боссов, задир. Я не знал этого в то время, но возможно, что произошедший со мной в шестнадцать лет меняющий жизнь случай, когда пистолет был в буквальном смысле приставлен к моей голове, сделал этот выбор неизбежным.

* * *

Вооружённый бандит не знал, что той ночью я буду дома. Он наблюдал через окно подвала и видел, как мои родители попрощались с лежавшей на полу гостиной фигурой, освещавшейся лишь экраном телевизора. Вероятно, он решил, что этой фигурой была моя сестра Триш. Но на самом деле это был мой младший брат Пит (Триш вернулась в колледж после осенних каникул, а наш самый младший брат, Крис, был на собрании бойскаутов). Спустя несколько минут после того как уехали мои родители, он выбил входную дверь нашего скромного дома в сельском стиле и направился прямо по лестнице вниз.

28 октября 1977 года, день, изменивший мою жизнь, был пятницей. Для большей части

территории Нью-Йорка предыдущие несколько месяцев были известны как «лето Сэма», когда город и его пригороды терроризировал серийный убийца, охотившийся на сидевшие в автомобилях парочки. Но для северного Нью-Джерси это было лето — и осень — Насильника Рамси. Нападавшего прозвали так из-за дюжины нападений, начавшихся в городке под названием Рамси; наш городок, сонный Аллендейл, находился к югу от него.

Услыхав тяжёлые шаги по скрипучей лестнице подвала и низкое рычание нашей собаки, Пит вскочил и спрятался. Но вооружённый бандит знал, что он был там. Он навёл пистолет и велел моему брату выходить из своего укрытия. Он спросил, есть ли в доме кто-нибудь ещё. Пит солгал, что нет.

В то время я был старшеклассником и ботаником, имевшим мало близких друзей. Словно в доказательство этого, тем вечером я был дома, заканчивая статью для школьного литературного журнала. Это должна была быть блестящая социальная сатира о крутых ребятах, задирах, и подавляющем давлении со стороны сверстников в старших классах. Статья запаздывала, и ей не хватало яркости, но мне больше нечем было заняться в пятницу вечером. Так что я сидел за столом в своей маленькой спальне и писал.

Находившийся в подвале с Питом бандит потребовал, чтобы его отвели в хозяйскую спальню. Вскоре я услышал прямо у себя за дверью звук двойных шагов, направлявшихся к комнате моих родителей. Затем я услышал новые звуки, когда открывались и закрывались ящики шкафа и комода. Охваченный раздражением и любопытством, я встал и открыл раздвижную деревянную дверь в ванную, разделявшую мою комнату и комнату родителей. Их комната была ярко освещена, и сквозь ванную я видел лежавшего на краю кровати Пита, его голова была повернута ко мне, но глаза плотно закрыты.

Я шагнул в комнату, посмотрел направо и замер. Коренастый белый мужчина средних лет в вязаной шапке держал пистолет и копался в шкафу моих родителей. Время замедлилось так, как я не испытывал больше никогда в жизни. Я на мгновение потерял зрение; оно вернулось в странном тумане, всё моё тело пульсировало, словно моему сердцу стало тесно в груди. Заметив меня, бандит быстро подошёл к Питу, поставил колено ему на спину и левой рукой приставил ствол пистолета к голове моего пятнадцатилетнего брата. Он повернулся ко мне.

— Двинешься, парень, и я разнесу ему голову.

Я не шевелился.

Грабитель выругался на Пита: «Я думал, ты сказал, что дома больше никого нет».

Затем грабитель убрал ногу с Пита и велел мне лечь на кровать рядом с братом. Стоя у моих ног, он потребовал рассказать, где может найти деньги. Позже я узнал, что у Пита были деньги в кармане джинсов, когда мы лежали там, и он не отдал их. Я отдал всё. Я

рассказал ему обо всех местах, которые мог вообразить — свиньях-копилках, кошельках, долларах мелочью, полученных от дедушек с бабушками на особенные события, обо всём. Вооружившись моими указаниями, грабитель оставил нас лежать на кровати и отправился на поиски.

Вскоре он вернулся и просто стал над нами, направив на нас пистолет. Не знаю, как долго он направлял его, не говоря ни слова, но достаточно долго, чтобы этот момент изменил меня. Я был уверен, что находился на волосок от смерти. Меня душили отчаяние, паника и страх. Я начал молча молиться, зная, что находился на пороге смерти. В следующее мгновение меня окатила странная волна холода, и мой страх исчез. Я принялся рассуждать, что если он пристрелит первым Пита, я перекачусь по кровати и постараюсь схватить грабителя за ноги. А затем я начал говорить — лгать, если точнее. Ложь так и лилась из меня. Я рассказывал, как чужды мы были со своими родителями — фактически, ненавидели их — что нам было плевать, что он забрал у них, и что мы никому не скажем, что он был здесь. Я лгал снова, и снова, и снова.

Грабитель велел мне заткнуться, и приказал нам обоим встать. Затем он начал толкать нас по узкому коридору от комнаты моих родителей, задерживаясь, чтобы обыскать комнаты и шкафы, мимо которых проходил. Теперь я был убеждён, по крайней мере на время, что выживу, и начал стараться рассмотреть его лицо, чтобы суметь описать полиции. Он несколько раз пихал меня в спину стволом пистолета, велел отвернуться от него.

Я опять принялся болтать, снова и снова говоря, что ему нужно просто поместить нас куда-нибудь, и мы будем оставаться там, а он сможет уйти. Я начал ломать голову, пытаюсь придумать такое место в доме — место, где нас можно было бы запереть. Вопреки здравому смыслу, я предложил туалет подвала, сказав ему, что мы не сможем открыть маленькое окошко, потому что мой отец запечатал его на зиму. Это было правдой лишь отчасти: мой отец вставил в раму окна прозрачный пластик, чтобы уменьшить сквозняк, но окно открывалось простым поднятием нижней половины.

Он отвёл нас к туалету подвала, сделал знак войти и сказал: «Скажите своим маме и папе, что вы были хорошими маленькими мальчиками». Он подпёр чем-то дверь туалета, чтобы не дать нам сбежать.

Мы слышали, как открылась и закрылась дверь гаража, когда грабитель вышел. Я начал дрожать, когда спал адреналин. Сотрясаясь, я взглянул на маленькое окошко, и внезапно его запомнило лицо грабителя. Он проверял окно снаружи. От этого зрелища у меня перехватило дыхание. После того, как его лицо исчезло, я сказал Питу, что мы останемся здесь до возвращения домой мамы с папой. У Пита были другие идеи. Он сказал: «Ты знаешь, кто это. Он собирается навредить другим людям. Нам нужна помощь». В моём дрожащем состоянии я не думаю, что полностью осознавал, что говорил Пит, или как мог закончиться этот вечер, если бы наша девятнадцатилетняя сестра Триш действительно

была дома.

Вместо этого я сопротивлялся. Я был напуган. Пит недолго спорил со мной, а затем заявил, что уходит. Он вытащил пластик из окна, повернул защёлку в виде полумесяца и поднял окно. Он выбрался наружу ногами вперёд на задний двор.

Хотя, скорее всего, прошла лишь секунда-другая, в моей памяти осталось, что я долго стоял, глядя сквозь открытое окно в тёмную ночь. Мне следовало остаться на месте или последовать за братом? Я просунул ноги в окно. В то мгновение, как они коснулись холодной земли в саду моей матери, я услышал крик грабителя. Я упал на четвереньки и яростно пополз в густой кустарник позади дома. Грабитель уже схватил Пита и теперь кричал мне: «Выходи сюда, парень, или твоему брату не поздоровится». Я вышел, и грабитель принялся ругать меня за то, что я солгал ему. Наглый от ещё одной умной лжи, я ответил: «Мы вернёмся обратно», — и двинулся к открытому окну.

«Слишком поздно», — сказал он. — «К забору».

Второй раз за тот вечер я решил, что умру. Пока не услышал, как громадный сибирский хаски Санденс нашего соседа появился у нас на заднем дворе вместе с бегущим за ним вприпрыжку владельцем, Стивом Мюрреем, учителем немецкого в старших классах и футбольным тренером.

Следующие секунды размылись в моей памяти. Я помню как бежал от грабителя в свой дом вместе с Питом и тренером Мюрреем по пятам, и захлопнул за собой дверь. Мы заперли дверь, оставив грабителя снаружи терроризировать жену и мать тренера, последовавших за ним, услышав переполох у нас в доме — поступок, заставивший меня ощущать чувство вины даже десятилетия спустя.

Затем мы взбежали по лестнице, погасили везде свет и вооружились. У меня в руке был большой мясницкий нож. Тогда у нас не было службы 911, так что мы набрали оператора, и я попросил соединить меня с полицией. Я говорил с диспетчером, который не переставая повторял мне успокоиться. Я объяснил, что не могу успокоиться, что в нашем доме был человек с пистолетом, и что он вернулся, и нам немедленно нужна помощь. Мы ждали в темноте у входной двери и обсуждали, как напасть на грабителя. К моему дому подъехала полицейская машина. Мы моргнули наружным освещением, и машина остановилась. Мы распахнули входную дверь и побежали прямо к офицеру, я был босиком и держал в руке большой мясницкий нож. Офицер поспешно сделал шаг от своего автомобиля, и его рука метнулась к оружию. Я крикнул «нет, нет!», — и указал на дом Мюрреев. — «Он направился туда. У него пистолет!» — грабитель выскочил из входной двери Мюрреев и пустился наутёк в сторону соседнего леса.

Когда на нашу маленькую улицу стеклись полицейские автомобили многочисленных юрисдикций, я босиком вскочил на свой десятискоростной Schwinn и четверть мили

крутил педали до церкви, где мои родители брали уроки бальных танцев. Я спрыгнул с велосипеда, уронив его, рывком распахнул дверь церкви и что есть сил завопил «Папа!». Все остановились, и толпа двинулась ко мне, во главе с моими матерью и отцом. Увидев моё лицо, мама заплакала.

Полиция не нашла Насильника Рамси той ночью. Подозреваемый был арестован много дней спустя, но дело так и не открыли, и его отпустили. Но той ночью длинная череда ограблений и сексуального насилия прекратилась.

Моя встреча с Насильником Рамси принесла мне годы боли. Я как минимум на протяжении пяти лет каждую ночь думал о нём — не большинство ночей, каждую ночь — и гораздо дольше спал с ножом под рукой. В то время я не понимал этого, но этот страшный опыт явился, по-своему, невероятным подарком. Вера — понимание разумом — что скоро умру, а затем выживание, сделало мою жизнь чем-то вроде драгоценного, хрупкого чуда. Будучи старшеклассником, я начал наблюдать закаты, смотреть на почки на деревьях, и обращать внимание на красоту нашего мира. Это ощущение сохраняется до настоящего времени, хотя иногда оно проявляется способом, который может показаться банальностью для людей, которым посчастливилось никогда не измерять секундами оставшееся им на этой земле время.

Насильник Рамси с ранних лет научил меня, что многие вещи, которые мы считаем ценными, таковыми не являются. Когда я беседую с молодёжью, то предлагаю сделать им нечто, что может показаться несколько странным: «Закройте глаза», — говорю я. — «Сядьте и представьте, что вы в конце своей жизни. С этого наблюдательного пункта дым стремления к признанию и богатству рассеивается. Дома, автомобили, награды на стене? Кому это нужно? Вы на пороге смерти. Кем бы вы хотели быть?» — Я говорю им, что надеюсь, что некоторые из них решат быть людьми, использующими свои способности, чтобы помогать тем, кто нуждается в них — слабым, находящимся в бедственном положении, напуганным и запуганным. Что-либо отстаивающими. Небезразличными. Вот в чем истинное богатство.

* * *

Насильник Рамси не направил меня в правоохранительные органы каким-либо сознательным образом, по крайней мере, не сразу. Я всё ещё думал, что хочу быть врачом, и стал слушателем подготовительных курсов со специализацией в химии в колледже Уильяма-и-Мэри. Но однажды я направлялся в химическую лабораторию и заметил слово «СМЕРТЬ» на доске объявлений. Я остановился. Это было объявление о наборе в класс кафедры религии, делившей здание с кафедрой химии. Я записался на

курс, и всё изменилось. Тот класс позволил мне изучить вызывавший у меня большой интерес предмет и увидеть, как мировые религии рассматривают тему смерти. Я добавил религию в качестве второй основной специализации.

Кафедра религии познакомила меня с философом и богословом Рейнгольдом Нибуром, чья работа произвела на меня глубокое впечатление. Нибур видел зло в мире, понимал, что людская ограниченность делает невозможным любому из нас по-настоящему полюбить другого как себя, но тем не менее нарисовал захватывающую картину нашего долга стараться добиваться справедливости в неидеальном мире. Он никогда не слышал песню кантри-певца Билли Каррингтона «Бог — велик, пиво — хорошее, а люди — сумасшедшие», но оценил бы текст, и, хотя это и не сделало бы песню хитом, скорее всего, добавил бы: «А ты по-прежнему должен стараться достичь в какой-то мере справедливости в нашем несовершенном мире». А справедливости, считал Нибур, проще всего достигнуть с помощью инструментов правительственной власти. Постепенно до меня дошло, что в конце концов я не собирался быть доктором. Юристы намного больше напрямую принимают участие в поисках справедливости. Этот путь, думал я, может быть лучшим способом что-то изменить.

Глава 2

НАШЕ ДЕЛО

Держи друзей близко, а врагов ещё ближе.

Аль Пачино (в роли Майкла Корлеоне), «Крестный отец», Часть II

В Соединённых Штатах девяносто четыре федеральных округа, в каждом из которых председательствует окружной прокурор Соединённых Штатов, назначаемый президентом и утверждаемый Сенатом. Эти отделения сильно различаются размером и размахом. Отделение на Манхэттене, известном как Южный округ Нью-Йорка, одновременно и одно из самых больших, и с самой хорошей репутацией. Оно славится своей энергичностью и своим повышенным чувством собственной способности доводить дела до суда. Это

отделение долгое время обвиняли в том, что оно рассматривало лишь один вопрос в отношении претензий на юрисдикцию: «Это случилось на земле?»

Я приступил к работе в офисе окружного прокурора Соединённых Штатов на Манхэттене в 1987 году. Это было работой моей мечты. Я буду работать на человека, который уже становился легендарным: Руди Джулиани.

* * *

Когда я в 1985 году окончил юридический факультет Чикагского университета, я всё ещё не знал точно, в какой области юриспруденции хочу работать. После второго курса я подал заявление на должность секретаря федерального суда, одно- или двухлетнее обучение работе помощника федерального судьи первой инстанции. На последнем курсе юридического факультета я наконец получил её — у нового федерального судьи на Манхэттене.

Судья, Джон М. Уолкер-младший, поощрял нас присутствовать в зале суда и наблюдать, если слушалось интересное дело. Весной 1986 года правительство попыталось использовать новый федеральный закон для ареста обвиняемого без возможности освобождения под залог на основании того, что он был опасен для общества. Это был не просто какой-то обвиняемый, а Энтони «Толстый Тони» Салерно, босс криминальной семьи Дженовезе, одной из пяти банд итальянской мафии в Нью-Йорке.

Толстый Тони был прямо из фильмов про мафию. Он был с избыточным весом, лысый, ходил с тростью и держал во рту незажжённую сигару даже в суде. У него был скрипучий голос, которым он громко выкрикивал в суде, чтобы добавить что-то к сказанному его адвокату. — «Это возмутительно, хочу сказать», — извергал он со своего места. Его соответчик Винсент «Рыба» Кафаро с узким лицом и тёмными глазами действительно в моих двадцатипятилетних глазах был похож на рыбу. Чтобы доказать, что Салерно был опасен для общества, и в залоге следовало отказать, федеральные обвинители предложили плёнки с записями разговоров, сделанных с помощью жучка, помещённого ФБР под стол в общественном клубе Толстого Тони, «Палма Бойз», расположенном в итальянском анклав в Восточном Гарлеме. Было слышно, как Салерно говорит о заказах избиений и убийств, и вполне чётко озвучивает свою роль: «Кто я такой? Я — грёбанный босс».

Это дело показало, что в мафиозных семьях решения босса не подлежат сомнению. Его слова о жизни и смерти означали, что кто-то умрёт. И наихудшим грехом было предать семью, стать «крысой». В Мафии всё держалось на преданности, и вы покидали её, лишь

когда покидали эту землю, по естественным или каким-либо иным причинам. Лишь крысы покидали мафию живыми.

Я сидел там, замороженный, в то время как двое федеральных обвинителей, оба помощники окружных прокуроров Соединённых Штатов, вели дело против Толстого Тони. У них были плёнки и свидетельские показания, как Толстый Тони и Рыба заказывали «мокруху», переломы ног, запугивали профсоюзы и управляли мафиозным семейством. Защита спорила, что это всё были просто «мужские разговоры», но обвинители предоставили веские доказательства, опровергавшие это абсурдное утверждение. Эти двое обвинителей были лишь чуть старше меня. Они стояли прямо, говорили понятно и откровенно. Они не преувеличивали, они не позировали. Казалось, у них нет никакого другой мотивации кроме как устранить несправедливость и говорить правду. Меня как громом ударило. — «Вот чем я хочу заниматься в жизни», — подумал я. Я устроюсь в юридическую фирму в Нью-Йорке и получу дополнительный год опыта, который мне требовался прежде чем я смогу подать заявление на должность окружного прокурора. И это будет год, который я никогда не забуду, из-за одного человека.

* * *

Я был двадцатипятилетним юристом в нью-йоркской юридической фирме, оказавшей мне большую услугу, более чем на год отправив меня в Мэдисон, штат Висконсин, для работы над невероятно сложным и скучным страховым делом. И тем не менее, это был подарок, так как Ричард Л. Кэйтс являлся так называемым «местным адвокатом» в этом деле, рассматривавшемся в суде штата в Мэдисоне. Шестидесятиоднолетний Кэйтс был нанят для того, чтобы посвятить в местные реалии больших шишек, адвокатов из крупного города, собиравшихся вести это дело. Я видел в Дике доброту и жёсткость, уверенность и скромность. Мне потребовались десятилетия, чтобы понять, что эти пары являлись фундаментом великолепных руководящих качеств. Ещё я в этом человеке исключительных суждений видел страстную приверженность равновесию.

Дик скончался в 2011 году, прожив жизнь, начавшуюся в сиротском приюте Нью-Йорка, и проведённую в поисках радости от своей работы и своих взаимоотношений. Он женился на любви всей своей жизни, родил пятерых детей, поступал и увольнялся с государственной службы, включая два срока в Корпусе морской пехоты во время войны, и никогда не терял своё стремление, по словам его сына, «защищать слабых от подавления сильными». Он переехал с семьёй на ферму в окрестностях Мэдисона, чтобы его дети не размякли. Он ездил на работу несколько миль на велосипеде. Он без конца играл со своими детьми, а затем с их многочисленными детьми.

Несмотря на всё зло, которое он видел, Дик находил жизнь и людей бесконечно интересными, и смеялся над обоими. Он брал показания, ничего не имея перед собой, даже клочка бумаги, начиная заседание с того, что широко улыбался свидетелю и говорил: «Расскажите мне вашу историю». Его ум и память позволяли ему часами отслеживать сюжет и задавать дополнительные вопросы.

Не думаю, что Дик Кэйтс преподавал мне хоть один прямой урок за тот год, что мы работали вместе. По крайней мере, я не припомню таковых. Но на протяжении года будучи свежееиспечённым юристом и без пяти минут мужем я сидел рядом с ним и наблюдал за ним. Я наблюдал, как он смеётся над претензиями и над давлением. Я видел, как он принимает решения, руководствуясь здравым смыслом, когда адвокаты из большого города завязывались узлом чрезмерных раздумий и самонадеянности. Я наблюдал, как он оживляется при едином упоминании его жены, детей и внуков. Я видел, как он сдвигал горы, чтобы присутствовать на их событиях, их ужинах, их проектах. Я видел, что его не волновало, что он получает лишь крохи того, что платили адвокатам по делу из Нью-Йорка и Лос-Анджелеса. Он был счастливым человеком.

«Вот человек, которым я хочу быть», — думал я. Мои усилия в плагиате жизни были несовершенны, но эти уроки были бесценны. Вот что значит вести и поддерживать жизнь. — «Я так рад, что пошёл в большую юридическую фирму», — не то, что вы часто слышите, но для меня это так.

* * *

Помощник окружного прокурора Соединённых Штатов — это неполитическая должность карьерного юриста, на которой юрист представляет Соединённые Штаты в уголовных или гражданских делах в округе, в котором работает. В 1987 году меня назначили в уголовный отдел. Моей работой было помогать федеральным агентам — ФБР, УБН[1], АТО[2], Секретной службе и почтовым инспекторам Соединённых Штатов — в расследовании федеральных преступлений и, там, где нужно, выдвигать обвинения и выступать обвинителем в суде. На протяжении следующих шести лет я расследовал все виды преступлений, начиная с хищения почты, торговли наркотиками и ограбления банков до сложных мошеннических схем, экспорта оружия, рэкета и убийств. Моим первым делом было расследование попытки убийства федеральных агентов АТО бандой наркоторговцев во время исполнения ордера на обыск. Дилеры открыли по агентам огонь с пожарной лестницы, когда федералы попытались проникнуть в укреплённый наркопритон.

В попытке убедить невольного свидетеля дать показания против преступников главный агент по делу отвёз меня в жилой дом в северном Манхэттене — территорию,

контролируемую наркоторговцами. Он сказал, что если она поверит обвинителю, который будет говорить с ней в суде, это может убедить её дать показания. Мы поднялись шесть пролётов по лестнице к её квартире, и агент постучал в дверь. Свидетельница открыла дверь и впустила нас в небольшую квартирку. Она провела нас через гостиную, в которой на стуле спиной к стене сидел человек лет двадцати. Он не шевелился и ничего не говорил, лишь буравил нас взглядом. В задней комнате мы наедине тихо поговорили с женщиной. Я сделал всё возможное, чтобы она сотрудничала, но она не согласилась. Когда мы уходили, человек на стуле оставался неподвижным, снова только пристально глядел. Когда мы с агентом покинули здание и перешли тротуар, направляясь к машине агента, я сказал, что парень на стуле выглядел очень страшным, и предположил, что скорее всего у него сзади за поясом был пистолет.

— Хорошо, что тот парень знал, что мы вооружены, так что ничего не сделал, — сказал я. Помощники окружного прокурора Соединённых Штатов не носили оружия. Это было работой агента.

Агент обернулся. — «У вас был пистолет? Потому что свой я забыл под сиденьем». — Он добрался до машины и достал своё оружие.

Пройдёт немало времени, прежде чем я расскажу своей жене о той маленькой вылазке.

* * *

При работе в офисе Руди Джулиани существовало нечто вроде неписанного кодекса, как, полагаю, и в большинстве организаций. В его случае, месседж заключался в том, что Руди был звездой на вершине, и успехи офиса стекались к нему. Вы нарушали этот кодекс на свой страх и риск. У Джулиани была исключительная непоколебимость и, будучи молодым прокурором, я считал его жёсткий стиль захватывающим, что отчасти и влекло меня в его офис. Мне нравилось, что мой босс был на обложках журналов, стоя на ступенях здания суда, уперев руки в бёдра, словно он правил миром. Это воодушевляло меня.

Прокуроры практически никогда лично не встречались с этим великим человеком, так что я был особенно взволнован, когда как-то в начале моей карьеры, вскоре после того, как меня назначили на расследование, касавшееся одной нью-йоркской шишки, одевавшейся в блестящие спортивные костюмы и носившей на шее медальон размером с нобелевскую медаль, он остановился у моего кабинета. Штат Нью-Йорк проводил расследование в отношении Эла Шарптона[3] из-за подозрений в хищениях из его благотворительной организации, и меня назначили проверить, не попадает ли это дело под федеральную юрисдикцию. Я никогда не видел Руди на моём этаже, а теперь он стоял у самой моей

двери. Он хотел, чтобы я знал, что он лично внимательно следит за ходом расследования и убедиться, что я проделаю хорошую работу. Моё сердце билось от тревоги и волнения, когда он давал мне напутствия, стоя в дверном проёме. Он рассчитывал на меня. Он обернулся уйти, а затем остановился. — «О, и я хочу эту грёбаную медаль», — сказал он и вышел. Но мы так и не открыли федерального расследования. Власти штата выдвинули против Шарптона обвинение, но по окончании судебного процесса тот был оправдан. Медаль осталась у своего владельца.

Мне потребовалось время, чтобы понять, что непоколебимость Джулиани не замешивалась на избытке скромности. Ценой этой диспропорции являлось то, что для других оставалось очень мало кислорода. Первым звоночком стала моя первая пресс-конференция. Я работал с ФБР, чтобы арестовать преступную группу, которая угоняла внедорожники из гаражных стоянок на Манхэттене и помещала их в грузовые контейнеры в Бронксе. Затем эти контейнеры затапливали на корабли, направлявшиеся в Африку или на Карибы, где эти машины перепродавали. Следствию, возглавлявшемуся специальным агентом Мари Эллен Бикман, которая до того, как присоединиться к Бюро, была монахиней римско-католической церкви, удалось проникнуть в этот процесс и тайно сфотографировать процесс загрузки. Специализацией Мари Эллен являлись угоны автомобилей и убеждение закоренелых преступников стать правительственными информаторами. И хотя она не одобряла нецензурную брань, столь распространённую в правоохранительных органах, она была выдающимся следователем; со своей предыдущей карьеры она вынесла способность самым действенным образом использовать вину, чтобы растопить сердца головорезов. В данном случае воров были настолько умелыми, что автомобили уже были на пути из страны еще до того, как было заявлено об их угоне. Это было крутое дело, и ФБР с Джулиани решили устроить пресс-конференцию.

Мой руководитель велел мне стоять позади подиума, пока Джулиани, специальный уполномоченный департамента полиции Нью-Йорка и глава нью-йоркского отделения ФБР будут говорить с прессой. Я не должен был ни при каких обстоятельствах говорить или двигаться. Затем он повторил то, что я слышал и раньше: «Самое опасное место в Нью-Йорке — между Руди и микрофоном». — Я стоял замерев позади, выглядев, словно лишний в фильме про баскетбол, забредший не на ту площадку.

Хотя убеждённость Джулиани была захватывающей, она вскормила имперский стиль, основательно сужавший круг людей, с которыми он взаимодействовал, и лишь намного позже я понял, как это опасно: руководителю нужна правда, но император не всегда слышит её от своих подчинённых. Поведение Руди оставило за собой на Манхэттене шлейф обид среди дюжины федеральных судей, многие из которых работали в том самом офисе окружного прокурора. Они считали, что он строил офис вокруг одного человека, себя, и скорее использовал гласность вокруг своих дел в качестве способа подпитки своих политических амбиций, чем отправлял правосудие. Эта обида всё ещё ощущалась, когда я стал старшим федеральным прокурором на Манхэттене — и сел в кресло Джулиани —

дюжину лет спустя.

Одним из высших приоритетов Джулиани являлась организованная преступность, в действительности ставшая центром внимания задолго до того, как он вступил в должность. Его прокуроры возбуждали дела против отдельных боссов мафии, вроде Салерно, а также обвиняли предводителей пяти семейств Коза Ностры, восседавших в «Комиссии[4]», распределявшей криминальные деньги среди семейств и выступавшей в качестве арбитра в спорах. Что более важно, офис Руди возбуждал гражданские дела, чтобы позволить правительству взять под контроль большие профсоюзы — среди прочего водителей, электриков, плотников и портовых рабочих — чтобы лишить мафию её основного источника денег и влияния, шедших от использования профсоюзов для вымогательства денег у легального бизнеса. Эти успешные усилия по уничтожению Коза Ностры продолжались ещё в течение долгого периода после того, как Руди ушёл в отставку с поста окружного прокурора Соединённых Штатов, чтобы заняться политической карьерой.

Наиболее могущественной из пяти семей мафии была семья Гамбино. Как и остальные семейства, она уходит своими корнями к сицилийским эмигрантам в Соединённые Штаты, обрётшим богатство и власть, терроризируя сперва своих товарищей-эмигрантов, а затем полностью всех соседей и города. В первых попытках дать бой мафии, в 1946 году американское правительство депортировало знаменитого мафиози Чарльза «Счастливого» Лучано, отправив его обратно на Сицилию, где он быстро придал энергии и реорганизовал мафию на том острове, укрепив трансатлантическую связь между преступными организациями, что на десятилетия поспособствовало процветанию торговли героином. В центре той торговли наркотиками в 1970-х и 1980-х стоял человек по имени Джон Гамбино, влиятельный сицилийский представитель, служивший «каналом» или связью между семьями сицилийской мафии и семьёй американских Гамбино, в которой он был старшим руководителем.

Мне повезло поучаствовать в деле против этого «канала» и семьи Гамбино в качестве одного из двух обвинителей в деле «Соединённые Штаты против Джона Гамбино». Это дело начинали два других прокурора, которые отошли в сторону по личным причинам. К тому времени я поднялся в отделении до должности руководителя и привлёк к работе над этим делом ещё одного прокурора, Патрика Фитцджеральда, своего близкого друга со времён учёбы на юридическом факультете. Окончивший юридическую школу Гарварда, Пат был сыном ирландских эмигрантов и вырос в маленькой квартирке в Бруклине. Его отец работал швейцаром, и Пат иногда подменял его, когда возвращался домой из школы. У него были острый ум и полное отсутствие претензий, вот почему у него не было проблем с тем, чтобы валяться у нас на диване — позаимствовав наше пиво — в пляжном домике в Нью-Джерси, который я с несколькими друзьями арендовал на время летних каникул на юридическом факультете.

Фитцджеральд устроился на работу в офис окружного прокурора Соединённых Штатов в

1988 году, годом позже меня, и меня назначили присматривать за ним во время его первого федерального уголовного процесса с участием присяжных. Он был легендарным неряхой с поразительной памятью. В его судебной тележке — модифицированной тележке для покупок, используемой для перевозки документов и вещественных доказательств в суд и обратно — я увидел небрежную стопку ключевых документов по делу. — «Давай-ка разложи их по папкам», — наставлял я. Он кивнул. Вернувшись позже, я увидел, что он положил каждый документ в неименованную папку для бумаг и вернул их в стопку. Так или иначе, он всё ещё знал, где находился каждый документ.

К тому времени, когда подоспело дело Гамбино, мы оба уже были прокурорами-ветеранами и обсуждали по телефону возможных напарников для него, поскольку для дела Гамбино требовались два обвинителя. Я не входил в число кандидатов, поскольку моя семья планировала уехать из Нью-Йорка. Моя жена Патрис больше привыкла к кукурузным полям своей родной Айовы и зелёным пригородам северной Вирджинии, и годами лишь терпела Нью-Йорк. В начале нашего брака, когда подвернулась возможность поработать на Руди Джулиани, я изменил своему обещанию, что мы будем растить детей в Вирджинии. Так что Патрис и я шесть лет прожили в пригороде Нью-Джерси, сперва в квартирке размером с коробку для обуви над магазином по продаже велосипедов, затем в скромном арендованном доме на две семьи. С двумя нашими подраставшими дочерьми полдома стало слишком тесно.

Пока я стоял на кухне и беседовал с Фитцджеральдом, Патрис слушала конец моего разговора. Внезапно она вмешалась, попросив меня повесить трубку, поскольку ей нужно было поговорить со мной. Я сказал Пату, что перезвоню.

— Это звучит как дело всей жизни, — сказала она.

— Так оно и есть, — ответил я.

— Я останусь ради этого. Я останусь ради того, чтобы ты взялся за это дело вместе с одним из своих лучших друзей. Перезвони и скажи, что ты нашёл ему напарника. — Мы отложили наш переезд на год.

* * *

Пат и я провели месяцы, изучая это дело и мафию. Мы начали с того, что поговорили с одним человеком в Соединённых Штатах, лучше всех знавшим Коза Ностру. К счастью для нас, его кабинет находился дальше по коридору от нашего. Кеннет Маккейб являлся бывшим детективом полиции Нью-Йорка, устроившимся на работу в офис окружного

прокурора Соединённых Штатов на Манхэттене в качестве следователя в самом начале войны с мафией. Добрый гигант, ростом метр девяносто и весом более 113 килограмм, с грудным голосом и отчётливым нью-йоркским акцентом, Кенни знал каждого члена мафии по внешности, имени и кличке. И знал он всё это потому, что свыше двадцати лет в департаменте полиции Нью-Йорка, а затем офисе окружного прокурора Соединённых Штатов он руководил бесконечными наблюдениями за свадьбами, поминками и похоронами, а также провёл сотни опросов членов мафии и ренегатов.

По причинам, которых я никогда не понимал, подразделение ФБР в Нью-Йорке по борьбе с мафией долгое время не выражало особого желания «прикрыть» мафиозные похороны и свадьбы. Полагаю, что агенты не хотели выбираться из пригородов, чтобы накрыть не имевшие большого практического значения события, всегда проходившие по уикендам или по ночам. Маккейб смотрел на это по-другому и полагал, что там вы можете узнать больше, просто наблюдая. Так что он наблюдал и фотографировал, в любую погоду, по уикендам и по ночам, годами.

Мафия тоже знала Кенни Маккейба и, каким-то странным образом, уважала его как благородного противника. Кенни понимал специфическую потребность членов мафии верить, что они были «людьми чести», так что он обходился с ними так, что они рассматривали как уважение, никогда не пытаясь вручить повестку у них дома и никогда не смущая их арестами на глазах у их жён и детей. Как результат, подумывавшие о предательстве члены Коза Ностры часто сперва связывались с Маккейбом.

Кенни Маккейб преподавал нам азы Коза Ностры, а затем ездил с нами и агентами ФБР по этому делу на встречи со спрятанными по всей стране перебежчиками из мафии, которые должны были стать краеугольным камнем нашего дела. Одним из этих ренегатов был «Сэмми Бык» Гравано, бывший младший босс — номер два — криминальной семьи Гамбино.

Впервые я встретил Гравано, когда вместе с Патом и Кенни прибыли в специальную федеральную тюрьму для свидетелей в отдалённой части Соединённых Штатов в 1992 году. Помню, что я слегка беспокоился, ожидая, когда в комнату войдёт младший босс семьи Гамбино. Как всё пройдёт? Как он отреагирует на этих двоих молодых прокуроров? На что это будет похоже встретиться с человеком, совершившим, по его собственному признанию, девятнадцать убийств?

Миниатюрный Гравано вошёл в комнату в тюремном облачении и ботинках с резиновой подошвой без шнурков. Его острый взгляд обвёл комнату и остановился на громадном как гора Маккейбе. Тот не нуждался в представлении. — «Это честь», — сказал он Кенни, протягивая руку. Затем Гравано повернулся и заговорил со мной и Фитцджеральдом. Раз мы были с Маккейбом, значит всё в порядке.

Гравано являлся ключевым свидетелем. Правительство США взяло человека, ложью

поднявшегося до вершин мафии, и заставило его рассказать правду, чтобы уничтожить Коза Ностру по обеим сторонам Атлантики. Его жизнь лжеца и убийцы стала жизненно необходимой для поиска правды и правосудия. Когда он закончил сотрудничество, его отпустили жить под программой защиты свидетелей. (Неудивительно, что он снова оказался в тюрьме за новые преступления, совершённые под новой личностью).

Гравано изрядно просветил меня в отношении мафиозной культуры и того, как я уже упоминал ранее, как «жизнь начинается со лжи». Как и киллер сицилийской мафии Франческо Марино Маннойя.

Как и Гравано, Франко Маннойю сбивала с толку система правосудия США. Он не понимал зачем, к примеру, Фитцджеральд и я настаивали на том, чтобы знать обо всех актах насилия, в которые он был вовлечён, прежде чем мы представим его в качестве свидетеля в американском суде. Конечно же, американское законодательство обязывало нас раскрыть информацию, которая может поставить под вопрос надёжность нашего свидетеля. Хотя и сбитый с толку, он, по соглашению об иммунитете с итальянским правительством, также должен был сотрудничать с американцами, поэтому детально описал все двадцать пять убийств, в которых лично принимать участие.

Многие мафиозные убийства на Сицилии в 1980-х годах включали в себя завлечение в удалённое место обречённого «человека чести», и удушение его. Мы часами сидели, слушая подробный обыденный рассказ Маннойи о детально проработанных уловках и жестоких последних минутах его работы. Он верил, что удушение, требовавшее помощи четырёх других крепких мужчин, являлось благородным способом убийства, в отличие от трусливого использования оружия с расстояния.

Маннойя объяснил нам сложное правило, гласившее, что членам мафии запрещалось напрямую раскрывать себя как членов Коза Ностры. Как и в американской мафии, личность должна была оставаться тайной, и один член мог быть представлен другому члену лишь третьим членом, знавшим их обоих. Это правило против раскрытия однажды сыграло странную роль в двойном убийстве, в котором принимал участие Маннойя.

Он рассказал, как ему вместе с другими членами его мафиозной семьи поручили расследовать некие несанкционированные преступления, произошедшие на территории его семьи. Они исполнительно очертили круг обычных подозреваемых и остановились на двоих людях. Они забрали этих двоих в удалённое место и допросили каждого по отдельности. Даже после использования классических приёмов вроде «дилеммы заключённого» — убеждение каждого подозреваемого, что другой собирался впутать его — члены мафии не добились признаний. Две группы допроса посоветовались и, по рассказу Маннойи, пришли к выводу, что эти двое преступников в действительности были невиновны в злодеяниях, о которых шла речь. Мы спросили его, что случилось дальше.

«Мы задушили их», — последовал его обыденный ответ.

«Почему?!» — воскликнул Пат Фитцджеральд. Они были невиновны.

«Потому что своими вопросами мы обнаружили свою принадлежность к Коза Ностре. Мы не могли позволить им жить с этим знанием».

«Так в чём же в первую очередь был смысл опроса?» — вмешался я.

Маннойя нахмурил обрамлявший грустные глаза безмятежный лоб и ответил: «Я не понимаю. Это было нашим долгом».

* * *

Маннойя был первым киллером мафии, вызванным нами для дачи показаний против Джона Гамбино. За ним мы представили ещё одного киллера сицилийской мафии, Гаспаре Мутоло, также ставшего сотрудничающим свидетелем. Наши итальянские коллеги прятали его в пустом женском монастыре в итальянской провинции, и, прежде чем он даст свидетельские показания, Фитцджеральд и я, совместно с агентами ФБР, полетели в Рим, чтобы опросить его. Пока мы ели домашнюю пасту, приготовленную для нас этим профессиональным убийцей, Мутоло излагал свою жизнь в качестве «человека чести» Коза Ностры.

Хотел бы я сказать, что чувствовал что-то особенное, находясь в присутствии серийного убийцы, протягивавшего мне чашку с эспрессо в пустом женском монастыре. В фильмах в этот момент на фоне может играть какая-то тревожная музыка или может тускнеть свет. Но ничего этого не было. У зла обычное лицо. Оно смеётся, оно плачет, оно отвлекает, оно оправдывает свои действия, оно делает отличную пасту. Эти убийцы были людьми, пересёкшими несмываемую черту в человеческом жизненном опыте, умышленно забрав чужие жизни. Все они сочинили своё собственное изложение, чтобы объяснить и оправдать свои убийства. Никто из них не считал себя плохими людьми. И все до единого они говорили одно и то же: первый раз было очень, очень тяжело. После этого, не настолько.

Мутоло убил так много людей, что не мог вспомнить их всех. После того, как назвал почти тридцать человек, он добавил, что, надо полагать, было ещё семь или восемь. В определённый момент он вспомнил, как убил человека по имени Галатало. Затем он вспомнил, как тесаком для мяса ударил ещё одного человека по имени Галатало, но тот человек не умер. Стоя на свидетельской трибуне, он вспомнил, что на самом деле убил ещё одного человека по имени Галатало, в сумме убив двоих Галатало, и одного Галатало

просто ударив в грудь тесаком для мяса.

В течение дня я был в суде, пока Мутоло давал показания, раскрывая секреты мафиозного царствования смерти и преступности, в то время как мои вечера были заняты встречами с «Сэмми Быком» Гравано в убежище, контролируемом Службой маршалов Соединённых Штатов. Гравано перед этим давал показания против босса семьи Джона Готти в федеральном суде Бруклина, где адвокаты защиты акцентировали внимание на его вовлечённости в девятнадцать убийств. «Сэмми Бык» не знал этого, но частью нашей стратегии было представить киллеров мафии таким образом, чтобы присяжным фактически уже наскучили детали мафиозных убийств к тому моменту, как Гравано, наш звёздный свидетель, предстал перед ними. Мы надеялись, что это выставит Гравано в более благоприятном свете перед присяжными.

Однако Гравано отчасти рассматривал это как профессиональный позор. Однажды вечером я вошёл в конференц-зал убежища. Гравано со взглядом отвращения швырнул передо мной на стол нью-йоркский таблоид. Он читал статью с мрачным подсчётом количества жертв нашего свидетеля, сицилийского киллера, которое было намного выше его собственного. Указывая на газету, Гравано рявкнул: «Боже, Джимми, из-за тебя я выгляжу долбаной школьницей».

Благодаря работе дюжин следователей и прокуроров, хватка Коза Ностры на профсоюзах была разрушена, её лидеры заключены в тюрьму, и её господство по обеим сторонам Атлантики уничтожено. Присяжные по делу Джона Гамбино фактически не смогли прийти к согласию 11-1 по всем самым серьёзным обвинениям, при весьма подозрительных обстоятельствах, но он, не дожидаясь повторного слушания, признал себя виновным, был приговорён к пятнадцати годам в федеральной тюрьме и впоследствии скончался. В Нью-Йорке всё ещё есть люди, называющие себя итальянской мафией, но это пёстрое сборище мелких преступников, за которое было бы стыдно «Счастливику» Лучано. Это скорее напоминает «Клан Сопрано» без терапевта.

Глава 3

ЗАДИРА

Мужество — это огонь, а запугивание — это дым.

Бенджамин Дизраэли

Члены мафии могут одеваться и говорить специфическим образом, но все они являются частью довольно распространённого вида — задир. Все задиры по большей части одинаковы. Они угрожают слабым, чтобы подпитывать некую бушующую внутри них неуверенность. Я знаю. Я видел это вблизи.

Когда люди видят меня, первой реакцией они всегда обращают внимание на мой рост. С моими метр восемьдесят меня трудно не заметить. Но когда я был ребёнком, я был чем угодно, только не внушительным. На самом деле, когда мы с родителями переехали из Йонкерса, штат Нью-Йорк, в Аллендейл, штат Нью-Джерси, я был в пятом классе, и быстро перешёл из разряда всеобщих любимцев в разряд всеобщей мишени для задир.

С рождения я жил в скромном доме, плотно стоявшем с другими скромными домами, в Йонкерсе. Практически все мои родственники были из Йонкерса, городка синих воротничков[5] в северной части Бронкса, одного из пяти районов Нью-Йорка. Мои прадеды были частью волны ирландской эмиграции в эту область в конце 1800-х. Мои мама с папой выросли в кварталах друг от друга на «холме», ирландском анклав в северо-западной части города. Мой дедушка бросил школу в шестом классе, пойдя на работу, чтобы поддержать свою семью после того, как его папа был погребён во время промышленной аварии. Позже он стал офицером полиции и поднялся до главы Департамента полиции Йонкерса.

Наш дом располагался сразу за государственной школой номер 16, школой, где я счастливо провёл свои ранние годы детства. Моя мама ходила в 16-ю школу. Один из лучших друзей моей бабушки был её директором. И к моменту нашего переезда я был одним из любимчиков в своём пятом классе.

Йонкерс и школа номер 16 являлись центром моего мира. Я видел эту большую школу из красного кирпича сквозь высокий сетчатый забор, отделявший мой задний двор от школьного двора. Моя старшая сестра, два младших брата и я каждый день ходили в школу, огибая квартал, так как забор был слишком высоким, чтобы перелезть. Я знал всех, и насколько я знал, все считали меня прикольным пятиклассником. Я вписывался. Я чувствовал себя там в своей тарелке. Это было великолепное ощущение. Но оно закончилось, когда отец принёс нам новости, изменившие мою жизнь.

Мой отец, Брайан Коми, работал на большую нефтяную компанию. Он начал с продажи канистр с моторным маслом операторам АЗС, а перешёл к поиску мест для новых станций. Последующие десятилетия он мог кататься по всему району большого

Нью-Йорка и показывать уголки, которые он пометил, «его» АЗС. В 1960-х бизнес и автомобилей, и заправок были на подъёме.

Когда мой отец устроился на новую работу в компанию на севере Нью-Джерси в 1971 году, это означало, что мы должны были переехать — в место, которое до данного момента существовало у меня в голове лишь в виде высоких скал, называемых Палисадом[6]. Йонкерс расположен на восточном берегу в милю шириной реки Гудзон. В пространстве между домами на своей улице я мог видеть Палисад, образовавший тёмную каменную стену на западном берегу. Не думаю, что я когда-либо полагал, что мир заканчивается у этой гигантской стены, так как мы однажды ездили в Индиану, но он вполне мог бы. Мы переезжали по другую сторону этой стены, где новый мир ожидал самого клёвого парня в пятом классе школы номер 16.

Довольно быстро я выяснил, что не был самым клёвым парнем в своей новой школе, начальной школе Бруксайд в Аллендейле, штат Нью-Джерси. Мои родители всегда старались экономить деньги, так что моя мама подстригала своих мальчиков собственной электрической машинкой и одевала нас в одежду, которую покупала в аутлете «Sears». Мои штаны были слишком короткими, и я носил белые носки и чёрные ботинки на толстой подошве для исправления плоскостопия моих громадных ног. Я не знал этого, но выяснилось, что мой нью-йоркский акцент отличается от ребят Аллендейла. Я выделялся как синяк под глазом.

Вскоре это стало не просто метафорой. В один из первых дней на школьной площадке пятого класса меня окружила группа мальчиков, насмехавшихся надо мной и моим видом. Не помню, что я сказал им, но, скорее всего, что-то сказал, так как был самоуверенным ребёнком с языком без костей, хотя и не был достаточно сильным, чтобы подкрепить свои слова. Они свалили меня на землю.

Задиры постоянно приглашали своих жертв после школы в ближайший парк для драки. Меня звали множество раз, но я никогда не приходил, делая изрядный крюк, чтобы избежать парка. Помню, однажды я попытался убедить одного из задир, когда тот сказал, что хочет драться со мной. — «Если я тебе не нравлюсь, а ты не нравишься мне, и мы постучим друг другу кулаками по головам, то что изменится?» — спросил я. Аргументированный подход лишь разозлил его. Возможно, если бы я позволил одному из них избить меня, они бы переключились на другую мишень, но у меня не хватало храбрости попробовать.

Большая часть последующих трёх лет была проведена в попытках избегать задир. Я часто сносил их устные оскорбления, но был сообразительным, чтобы избегать драк. Я просто не был крепким или сильным. Так что ни с кем не общался, в основном играя со своими двумя братьями, и ходил по городку странными эллиптическими маршрутами.

Аллендейл делил среднюю школу с другим городком, так что девятый класс предоставил

возможность встретить задир из совершенно другого муниципалитета. И снова они быстро нашли меня. Я не совсем уверен, почему. Я не был большим — и не буду, пока не окончу среднюю школу — но был умным и многословным, что могло привлечь их внимание. Хотя я пробовался на футбол, я также был в хоре. Может, потому что они выглядели такими культурными, или просто другими, мальчики из хора, похоже, были главной мишенью для оскорблений.

В отличие от крепких парней в моей средней школе, у меня всё ещё была детская припухлость, и я с самого первого дня был главной мишенью для насмешек касательно моего тела. Быть впечатанным в шкафчик больно, но с этим можно было справиться; более опасным было «натянуть трусы на голову». Если память не изменяет, трусы другого мальчика при этом выдёргиваются из штанов путём хватания за трусы сзади и резким рывком вверх. В нападении обычно участвуют двое, и в девятом классе мне несколько раз пришлось вынести это.

Когда началось жестокое обращение, я ничего не сделал. Я никому не сказал. Так что оно продолжилось. Задиры хватали, щипали и выкручивали кожу у меня на груди или руках, проходя мимо меня по коридору. Или если не могли достаточно приблизиться, чтобы ущипнуть, то сильно толкали в плечо. Я научился замечать их приближение и убираться с дороги.

Так что ещё раз, я старался избегать конфронтации. Это было сложнее сделать в раздевалке, переодеваясь для спортзала или на протяжении трёх недель моей футбольной карьеры. Я пробовался в футбольную команду, но после нескольких недель побоев (до того момента, когда я сильно повредил копчик — часть моего тела, которая до того момента была мне неизвестна) моя мама наконец решила, что достаточно. Без моего ведома, она перешла через дорогу к тренеру Мюррею и попросила моей отставки. Я одновременно испытал унижение и, в глубине души, облегчение. Моя мама видела правду, которую я не видел, и она поставила её выше беспокойства в отношении моего разочарования. Я не был ещё достаточно крепок, чтобы играть в футбол. Всё же, хотя односторонние действия моей мамы, возможно, спасли мне жизнь, они не остановили жестокое обращение со стороны других ребят. Я начал переодеваться для спортзала в пустой раздевалке.

Это были тяжёлые времена. Но, к счастью, у меня была пара близких друзей и взрослые, на которых я мог равняться, люди, напоминавшие мне, что я что-то значу. Что легко позабыть, когда ты являешься мишенью для оскорблений. Для начала, это мои родители. Мои родители были строгими, но добрыми. Они были приклеивающими-табеля-успеваемости-на-холодильник людьми, со слабыми табелями успеваемости всегда на самом видном месте, чтобы твои братья и сестры могли их видеть. Они побуждали нас, но также постоянно поддерживали нас. Моя мама, Джоан, почти каждое утро открывала жалюзи в моей спальне с одной и той же коронной фразой: «Пора просыпаться и петь, и показать миру, из чего ты сделан». — Когда несколько

десятилетий спустя я стал заместителем генерального прокурора, мои родители подарили мне снежный шар с весами правосудия внутри и выгравированным на основании «Проснись и пой». Он по-прежнему стоит у меня на столе.

В школьные годы я приходил из школы домой и сидел с мамой, рассказывая о своём дне; когда она умирала от рака в 2012 году, мы говорили о тех часах. С самого детства она говорила, что от меня многого ждут. Незадолго до смерти мама показала мне записку, которую я написал ей, будучи отосланным в свою комнату в возрасте семи или восьми лет. — «Прошу прощения», — гласила записка. — «Однажды я стану великим человеком». — Она хранила её в своём комодке почти пятьдесят лет.

* * *

У меня также было несколько замечательных учителей, с которыми я сблизился, особенно с учителем английского Энди Данном, консультантом школьной газеты, в которой я был начинающим журналистом. Каким-то образом, хотя у меня была пара хороших друзей, в своей средней школе я лучше ладил с учителями, чем с учениками.

И ещё был человек по имени Гарри Хауэлл.

В младших и старших классах средней школы я работал на Гарри в большом продуктовом магазине возле Аллендейла. Я не много зарабатывал, выкладывая товар на полки, возвращая тележки и работая за кассой, может, четыре доллара в час, но я любил свою работу. Во многом это было связано с тем, каким он был руководителем.

Гарри был приятным белым парнем среднего роста с очень коротко постриженными волосами, большую часть времени носившим белую рубашку с коротким рукавом с пришпиленной к нагрудному карману табличкой с именем. На нём были чёрный ремень и чёрные начищенные до блеска туфли с крыловидным мыском, вне зависимости от того, какого цвета были его брюки. Каким я вижу его в своих воспоминаниях, он имел поразительное сходство с сорокапятилетним Робертом Дювалем.

Оглядываясь назад, даже после работы на президентов и других выдающихся руководителей внутри и вне правительства, я по-прежнему считаю Гарри Хауэлла одним из превосходных боссов, которые у меня когда-либо были. Отчасти потому, что он любил свою работу и гордился своим делом. Гарри знал продуктовый бизнес, проложив себе путь до менеджера магазина. Он настаивал, чтобы его магазин был самым чистым, самым эффективным во всей фирменной сети.

Складские клерки, большинство из нас тинейджеры, были группой комиков-любителей. Мы смеялись во время работы, большая часть которой осуществлялась после закрытия магазина, устраивали розыгрыши и маниакально трудились, чтобы проходы, за которые мы отвечали, выглядели безупречно. Всё это было заслугой Гарри. Каким-то образом он создал атмосферу, которая была одновременно и требовательной, и невероятно весёлой. Он сдерживал улыбку при виде наших глупостей — просто уголок его рта слегка приподнимался, чтобы мы увидели, что ему забавно — и резко выговаривал, когда наша работа была недостаточно хорошей. Мы любили его. Но мы и боялись его, в хорошем смысле. Он заставлял нас ощущать свою важность, он так явно заботился о том, что делал, и о нас, что мы отчаянно хотели угодить ему. Гарри Хауэлл заставил меня полюбить вид и ощущение проходов в продуктовом магазине, которые мастерски «блокированы» — или «облицованы», как называют это в некоторых магазинах — когда каждая банка или упаковка выдвинута вперёд к краю полки, так чтобы проход выглядел опрятным и непо потревоженным для покупателей, словно они первые люди, обнаружившие его.

В до-штрих-кодovou эпоху мы использовали ручные чернильные штампы, чтобы проставлять цены на продаваемые в магазине товары. Это был медленный процесс, требовавший огромного внимания для установки правильной цены на штампе. Ошибка в цене будет навсегда вытатуирована чернилами.

Во время моей работы в магазине компания инвестировала в новую «технологию» — этикетировочный «пистолет» из твёрдого пластика для нанесения на товары стикеров с ценами. У нас было лишь два или три опытных образца тех этикетировочных пистолетов, потому что, как нам сказали, они были очень дорогими. С ними следовало обращаться с чрезвычайной осторожностью.

Однажды вечером я был занят своей работой, выкладывая товар на полки в проходе с бумагой — бумажные полотенца, туалетная бумага, бумажные носовые платки, салфетки. Я был где-то на трети прохода от входа в магазин, открывая резакom коробки и пользуясь этим необычным этикетировочным пистолетом для маркировки каждого товара, прежде чем поставить его на полку. Я был пятном непревзойдённого мастерства выкладки. Затем я услышал голос одного из своих товарищей по выкладке, стоявшего в конце прохода. В срочном порядке он позвал, — «Коми, одолжи пистолет. Мне он нужен на секунду», — и вытянул перед собой обе руки, чтобы поймать пистолет. Не раздумывая, я бросил его.

В тот момент, как пистолет покинул мою руку, парень быстро повернулся и исчез. Я всё наблюдал, как этот дорогой экспериментальный этикетировочный пистолет описывает в воздухе дугу; в памяти осталось, как он крутится задом наперёд, переворачиваясь, пока медленно пролетает те шесть-девять метров к тому месту, где больше не стоял мой коллега. В памяти осталось, как я как в замедленной съёмке кричу «не-е-е-е-е-е-т», но сомневаюсь, что у меня было на это время, прежде чем тот дорогой пистолет приземлился к ногам Гарри Хауэлла, весьма кстати повернувшего в мой проход. Пистолет

разлетелся на куски. Мой коллега видел, как он входит, и отлично рассчитал время.

Есть много руководителей, и я встречал некоторых в своей жизни, которые стали бы терять его, метая ругательства и обвинения в глупого ребёнка. Когда Гарри опустил взгляд на разбросанные вокруг его туфель с крыловидным мыском пластиковые детали, он лишь сказал, — «Убери тут», — и ушёл. Не помню, чтобы он просил объяснений или когда-либо снова упоминал об этом. Моя шестнадцатилетняя натура пришла к выводу, что Гарри сразу понял, что меня развели; своим стоическим с подавленной улыбкой образом он понял, что я стал жертвой подловатой шутки, и пожалел меня.

Возможно, на самом деле эти пистолеты не были такими дорогими, возможно, Гарри заставил моего коллегу заплатить за брошенный мной. Но прощение Гарри оставило неизгладимое впечатление и заставило меня ещё сильнее полюбить его. Я работал ещё усерднее, превращая проход с бумагой в щедро наполненный рай. И я снова проверил его.

Однажды вечером меня назначили на выкладку витрины с молочкой, что являлось уровнем сложности, намного превосходящим бумагу. Это была высшая лига. Я потянул на себя и открыл громадную дверь в молочный холодильник в дальнем конце здания, чтобы достать галлоны молока. Они стояли высокими штабелями, по четыре галлона[7] в пластиковом ящике. Во времена до пластиковых молочных бутылок эти делались из бумаги и выглядели как гигантские версии молочных пакетов, которые вы покупали со своим школьным обедом. Я взял ручную тележку и стал загружать её ящиками. Самоуверенный новичок, я загрузил её большой стопкой из шести ящиков — содержащих двадцать четыре[8] галлона молока. Моя мама назвала бы это «загрузкой лентяя». Я наклонил назад двухколёсную ручную тележку, отметив впечатляющий вес, и направился из холодильника, толкая правым плечом спинку ручной тележки, а левую руку положив на верхушку стопки. Я вломился сквозь распашные двери задней комнаты и покатился вдоль витрин с молочкой. Тяжесть заставляла идти меня всё быстрее и быстрее, так что я набрал быстрый шаг, чтобы не дать стопке рухнуть на меня. У витрины с молоком я резко остановился и сильно толкнул ручную тележку вверх, невнимательный к основным физическим законам. Вселенная и молоко, конечно же, не были столь же невнимательны.

Когда я резко остановился и поднял вертикально ручную тележку, ящики продолжили движение, сохранив импульс, и рухнули, словно высокое дерево, в том самом направлении, в котором я их толкал, прежде чем резко остановиться. Дерево из пластиковых ящиков ударилось о пол, жёстко. Мгновенно верхушки бумажных галлонов лопнули в унисон, выливая в одно место больше молока, чем я когда-либо видел в своей жизни. Двадцатичетырёхгаллонное озеро молока начало растекаться вдоль витрины с молочкой и по проходам с хлопьями, консервами и импортной едой. Это была катастрофа, которую не описать словами.

Я побежал назад, схватил швабру с ведром и начал яростно собирать Молочное озеро, выжимая тряпку при помощи механизма сверху ведра. Всё было настолько тихо. Бумажные молочные галлоны не разбились. Они просто открылись. Если потороплюсь, думал я, то смогу всё убрать, прежде чем кто-нибудь увидит этот бардак.

Я промокал уже несколько минут, когда появился Гарри. Он стоял на другом конце Молочного озера, уперев руки в бёдра, и стараясь, чтобы ничего не попало на его крыловидные мыски. Полюбовавшись озером целую вечность, он спросил: «Тебя это чему-нибудь научило?»

— Да, сэр, — ответил я.

— Отлично, — сказал он. — Убери здесь всё. — И ушёл.

Я был слишком молод, чтобы ясно осознавать это, но в шестнадцать лет я получил урок великолепного руководства. Я знал, что хотел быть больше похож на Гарри, чем на ребят, что мучили меня на спортивной площадке. И, возможно, Гарри был достаточно открыт, чтобы увидеть это во мне. Возможно, он даже инстинктивно знал, чем для меня была школа, что я был подростком, который просто хотел быть полезным и что-то представлять из себя.

Быть аутсайдером, быть объектом для издевательств, это очень болезненно, но, оглядываясь назад, я понимаю, что это научило мне лучше разбираться в людях. За свою жизнь я проведу много времени, прикидывая угрозы, оценивая интонации голоса и выясняя изменение динамики в коридоре или толпе в раздевалке. Выживание задиры требует постоянного обучения и адаптации. Вот почему задиры так сильны, потому что намного легче быть подражателем, идти с толпой, просто слиться с толпой.

Эти годы издевательств складывались, незначительное унижение за унижением, чётко указывая последовательность власти. У Гарри Хауэлла была власть, и он обладал ей с состраданием и пониманием. Не всегда для него это было легко, так как ему приходилось иметь дело с множеством незрелых юнцов. У других была власть, как у задир в школе, и они решили, что намного проще обратить её против тех, кто беззащитен, и просто идти вместе с группой, чем противостоять ей.

Я тоже выучил этот урок во время одной из больших первых ошибок в своей жизни.

* * *

В 1978 году я посещал Колледж Уильяма-и-Мэри. Я был одним из многих неуверенных, тоскующих по дому, перепуганных подростков, впервые живущих вдали от дома, хотя мы не признались бы в этом ни друг другу, ни даже себе самим. Из-за перенаселённости я был среди семнадцати первокурсников, без куратора или какого-либо местного надзора живших в отдельной пристройке к одному из больших общежитий. Меня бросает в дрожь, когда я сквозь линзы зрелости оглядываюсь назад; мой колледж непреднамеренно создал Повелителя мух[9] пристройки к общежитию.

В этой пристройке был слегка раздражавший мальчик. Он был немного заносчивым и чопорным, и в родном городе у него была девушка, о которой он практически непрестанно говорил. Он выращивал цветы в горшочках в своей безупречно чистой комнате общежития. Большую часть времени он шёл своим путём. Но как-то группа мальчиков решила, что этого слегка раздражавшего мальчика не следует терпеть. Так что эта группа портила его вещи, устраивала погромы в его комнате, записывала голоса поверх частей его любимых аудиокассет и совершала другие идиотизмы, которые я уже не могу вспомнить. Я был частью той группы. Что-то я делал сам, что-то помогал делать, над чем-то я смеялся после их проделок. Я причинял боль кому-то другому.

Четыре десятилетия спустя мне всё ещё стыдно за себя. Как же я мог принимать участие в издевательствах над другим мальчиком? Но я участвовал. В конце концов, все это делали. Может, я опасался, что если буду несогласен, то стану новой мишенью. А, возможно, потому, что так много лет провёл вне группы, в которой хотел быть. Я был одним из этих парней. Наконец, я стал частью.

Мои родители вырастили меня, постоянно подчёркивая важность сопротивления группе. Тысячи раз, во многих контекстах, моя мама говорила: «Если кто-то выстроился в очередь, чтобы спрыгнуть с моста Джорджа Вашингтона, ты собираешься просто стать в очередь?» — На выпуске из средней школы я выступил с речью о вреде давления со стороны сверстников. С шестнадцати лет я носил в кошельке цитату Ральфа Уолдо Эмерсона: «Не составляет труда жить в мире, следуя за мнением мира; не составляет труда в одиночестве жить сам по себе; но великий человек — это тот, кто среди толпы с безупречным добродушием сохраняет независимость одиночества». (Я просто набрал это по памяти).

Несмотря на всё то воспитание, все те мысли, и перед лицом какой бы то ни было вины или колебаний, которые я ощущал, я сдался громкому смеху и ощущению товарищества группы, а также, возможно, чувству облегчения, что не я был мишенью. Я притеснял и травил другого мальчика, который не слишком сильно отличался от меня. Я был робким лицемером и дураком.

Я был живым примером того, что знал уже тогда, и ещё лучше узнал десятилетия спустя. У всех нас есть склонность отказаться от собственного морального авторитета в пользу «группы», утихомирить свой собственный голос и притвориться, что группа справится с

любой трудностью, с которой столкнётся. Мы воображаем, что группа принимает продуманные решения, и если толпа движется в определённом направлении, следуем за ней, словно группа — это некое моральное существо, большее, чем мы сами. Перед лицом стада мы склонны промолчать, и позволить групповым разуму и душе справляться с делами. Конечно же, группа не обладает разумом или душой, отдельными от каждого из нас. Но, воображая, что у группы есть эти стержни, мы отказываемся от ответственности, что позволяет самому громкому голосу, человеку, который знает, как на самом деле безмозгла группа, и пользуется этим в своих целях, узурпировать группу.

Если бы моя семья осталась в Йонкерсе, где я был клёвым парнем, где я был частью группы, не знаю, что за человеком я был бы сейчас. Являться аутсайдером, являться объектом для издевательств, это было очень болезненно, но сделало меня лучше. Это на всю жизнь вселило в меня ненависть к задирам и сочувствие к их жертвам. Одной из самой приятной работы, которую я выполнял в качестве прокурора, в действительности, было отправлять в тюрьму всевозможных задир, освобождая от их тирании хороших людей. Получив опыт в колледже, я никогда больше не собирался сдаваться группе просто потому, что так было проще. И я собирался сделать так, чтобы моя жизнь что-то значила, потому что уже видел, как скоротечна может оказаться жизнь.

Глава 4

СМЫСЛ

Я всегда верил, и верю до сих пор, что, независимо от того, удача или неудача сопутствует нам в пути, мы всегда можем придать ей смысл и превратить в нечто ценное.

Герман Гессе

Я многие годы работал с великими людьми, но двое из самых важных моих учителей жизни и лидерства были женщинами.

В 1993 году, когда закончилась моя работа над делом Гамбино, я сдержал своё обещание

Патрис, и мы с семьёй переехали в Ричмонд, место, с которым нас мало что связывало, но где мы с меньшими затратами и более комфортно могли растить детей.

Поработав недолго в юридической фирме, я вернулся к работе в качестве помощника окружного прокурора Соединённых Штатов, на этот раз в столице штата Вирджиния. Та юридическая фирма была замечательной, оплата хорошей, а люди умными, но я скучал по государственной службе, даже с её неудачной мебелью и низкой оплатой. Я не мог сказать этого своим коллегам по юридической фирме, но я жаждал снова быть полезным, делать что-то хорошее для своей общины и быть представителем жертв, которые действительно во мне нуждались.

Моим новым боссом была Хелен Фейхи. Она являлась окружным прокурором Соединённых Штатов, руководителем всех федеральных прокуроров восточной половины штата. Восхождение Фейхи к вершине было необычным и вдохновляющим. Она оставалась дома со своими маленькими детьми, пока те подрастали, затем работала на различных должностях в Министерстве обороны, начиная с машинистки. Всё это время, на протяжении семнадцати лет, она занималась своим образованием, как она однажды сказала в интервью газете: «одна работа, один месяц, один класс одновременно». На самом деле, она так и не отучилась в колледже, но всё равно была принята на юридический факультет благодаря высоким результатам тестов и послужному списку.

Мне было тридцать пять, когда я приступил к работе на Хелен в 1996 году. Я был руководителем отделения в Ричмонде, одного из четырёх подконтрольных Фейхи, и мечтал вдохнуть в него новую жизнь, внося более существенный вклад во все сферы деятельности, особенно в отношении насильственных преступлений и коррупции в государственном секторе. Побыв помощником окружного прокурора Соединённых Штатов на Манхэттене и партнёром в большой юридической фирме Ричмонда, я считал себя «горячей штучкой», как говаривала моя мама — отнюдь не в качестве комплимента. Возможно неосознанно перенимая характерные черты Руди Джулиани, я был в городе повсюду, и стал в Ричмонде лицом федеральных правоохранительных органов, представляя отделение в местных правоохранительных органах, сообществе и СМИ. Бесплатная еженедельная ричмондская газета вышла с моим лицом на первой полосе, назвав меня «Один из хороших парней» и неверно идентифицировав меня как «окружного прокурора» вместо помощника. Я позировал для этой фотографии в своём офисе в Ричмонде. Хуже того, я ничего не сказал об этом своему боссу. В офисе Руди Джулиани подобный фокус закончился бы очень плохо. Моей первой мыслью при виде газеты со мной во всю первую полосу было, что я покойник, если не завладею каждой копией в городе. Затем я вспомнил, на кого работал. Фейхи была вполне уверена в себе, чтобы желать мне успеха. Она посмеивалась надо мной, что было обоснованно и заслуженно, но чаще она смеялась вместе со мной.

Хелен Фейхи уютно чувствовала себя в собственной шкуре, как, в некотором смысле, мало кто из руководителей. Думаю, что некоторые у неё за спиной высмеивали её как

слабую — «она позволяет Коми захватить Ричмонд» — но она точно знала, что делала. Она позволяла мне расти, время от времени мягко похлопывая меня за ушами, чтобы я придерживался курса, и в процессе добиваясь хороших результатов. И её также не особо волновало, что говорили о ней введённые в заблуждение люди, урок, который я очень оценю, когда стану старше. Она ставила интересы команды и важную работу, которую нам приходилось делать, выше своих собственных чувств или беспокойства о репутации.

Наши усилия по уголовному преследованию преступлений с огнестрельным оружием и снижению показателя числа убийств в Ричмонде встречали ожесточённое сопротивление некоторых федеральных судей Ричмонда, считавших дела такого рода неподобающими «федеральному» залу суда. Мне было всё равно, и моей команде в Ричмонде было всё равно. Мы старались спасти жизни, так что с трудом продвигались вперёд, приводя в бешенство одного старшего судью. Он отреагировал, выпустив ордер в отношении Хелен Фейхи, нашего окружного прокурора, за неуважение к суду из-за некоей мелкой административной ошибки: неподачу запроса Службе судебных marshалов США на доставку заключённого к назначенному слушанию. Фейхи не имела никакого отношения к маленьким клочками бумажек, которые мы заполняли для назначения перемещения заключённых. Она типично появлялась в Ричмонде раз в месяц, и не было достаточных оснований для привлечения её лично. Но судья сделал это, чтобы припугнуть нас и её.

Он не знал Хелен Фейхи.

В день слушания по её неуважению к суду, зал суда, коридоры здания суда и улицы снаружи были забиты дюжинами офицеров полиции и федеральных агентов, включая полицейских лошадей и мотоциклы на улице. Фейхи спокойно подошла к столу «обвиняемого» в зале суда и принялась ждать. Судья появился и был так перепуган при виде подобной поддержки правоохранительного сообщества, что принялся разглагольствовать о том, какой проблемой я являлся, совершенно игнорируя Фейхи и выплёскивая свой яд на зрителей, среди которых сидел и я. Затем он закрыл дело против неё. Она считала, что это было весело, сказала нам, что мы поступали правильно, и велела продолжать.

Я обязан всей своей карьерой руководителю вере Хелен Фейхи, не только в меня, но и в себя. Она сияла от достижений своих людей — которые, в свою очередь, любили ей — и мы расцветали от её сияния. У неё хватало уверенности, чтобы быть скромной.

* * *

Но человек, больше всего научивший меня лидерству, это моя жена, Патрис.

Все мы на протяжении жизни встречаемся со смертью. Это неизбежно. У меня были свои встречи, даже после того, как Насильник Рамси остался лишь в моих кошмарах. Так было, например, в то время, когда я навещал Патрис, которая в то время была ещё просто моей девушкой, и в составе Корпуса Мира находилась в отдалённой деревушке в Сьерра-Леоне, в Западной Африке, и едва не умер от малярии. Если бы она не отвезла меня посреди ночи на заднем сидении мотоцикла и буквально не затащила в отдалённый госпиталь, я бы не выкарабкался. Но порой не тогда, когда мы сами встречаемся со смертью, а, скорее, когда смерть забирает тех, кого мы больше всего любим, мы по-настоящему начинаем понимать, как коротко наше время на земле, и почему то, как мы проводим это время, имеет значение.

* * *

Летом 1995 года мы с Патрис жили в доме в колониальном стиле с пятью спальнями на тупиковой улице в планированном микрорайоне[10] Ричмонда. Это было то местечко, где местная пожарная компания пришлёт к вашему дому машину на день рождения ребёнка, где все соседи знают друг друга, где дети проводят бесконечные часы на тихой улице, рисуя мелом дорожки для игр на велосипедах. Наши две маленькие дочки счастливо росли в новом доме, а в 1994 году к ним присоединился младший братик. А затем появился Коллин.

Коллин Эдвард Коми родился 4 августа 1995 года. Он родился здоровым, три четыреста весом, и, как и все дети Коми, длинным. Патрис кормила его в больнице, а наши трое детей навестили и поддержали его. Это был замечательный день, который переживали многие родители с новорождёнными. Но к концу дня Патрис почувствовала какую-то перемену в нём. Он стал необычно раздражительным, так что она несколько раз говорила персоналу больницы, что что-то не так. Они заверили её, что с ним всё в порядке, и всё хорошо. Одна медсестра снисходительно сказала этой матери четырёх детей: «У вас просто никогда не было колик у ребёнка».

С ним было не всё в порядке. Мы ещё не знали этого, но маленькое тельце Коллина боролось со смертельной инфекцией. Примерно четверть всех женщин являются носителями бактерий под названием стрептококк группы В. Эти бактерии безвредны для матерей, но могут убить их малышей. Они могут быть достоверно диагностированы ближе к концу беременности и легко вылечены пенициллином во время родов. Но в 1995 году этот протокол проверки и лечения ещё не был обычной американской медицинской практикой. Хотя некоторые больницы и некоторые доктора проверяли на эти бактерии, медицинская ассоциация акушеров ещё не рекомендовала эту практику, и советы штатов

по медицине не сделали её стандартом осмотрительности.

На следующее утро у Коллина была высокая температура и острое бактериальное заражение крови, называемое сепсисом. Под специальным уходом в неонатальном отделении интенсивной терапии он боролся девять дней. Вскоре его поместили под искусственную вентиляцию лёгких, аппарат, снова и снова наполнявший воздухом его маленькую грудь. Патрис практически не спала, и часто отключалась, сидя в кресле рядом с ним. Она поясняла, что он девять месяцев слышал и касался её, и нуждается в этом голосе и этом прикосновении больше, чем когда-либо. Так что она сидела рядом с ним, час за часом, день за днём, держа его маленькие пальчики и пел ему колыбельную.

Затем доктора показали нам катастрофические снимки головного мозга. Инфекция уничтожила огромные отделы его мозга. Они сказали нам, что теперь лишь искусственная вентиляция лёгких поддерживала в нём жизнь. Ваш сын умер. Но они не говорили нам, что делать; они хотели, чтобы мы сказали им, отключать ли Коллина от аппарата искусственной вентиляции лёгких. Как мы могли это сделать? Он был там, живой, прямо перед нами, и нас просили сдаться, и дать ему умереть.

Я отправился домой провести остальных детей. Мои родители оставались в нашем доме. Как обычно в состоянии стресса, я был спокоен, даже немного холоден. Но рассказав маме и папе, что произошло, и какой у нас был выбор, я разрыдался. Не думаю, что они знали, что делать.

Когда я вернулся в больницу, мы с Патрис приняли решение. Посреди неопишуемого горя она каким-то образом знала, что ещё необходимо было сделать. Другому нашему сыну ещё не было и двух лет, и он не мог понять, что происходит, но наши старшие девочки могли. Ради них Патрис решила, что они заслуживают, им необходимо знать правду. Когда они узнают правду и смогут принять её, у них появится шанс в последний раз увидеть Коллина. Девочки держали нашего крошку в первые минуты его жизни, рассуждала Патрис. Они должны поддержать его и в конце. Его смерть не следовало скрывать от них, иначе горе станет слишком огромным, когда они подрастут. Мне никогда не хватило бы мудрости увидеть это. Показать пяти и семилетней их умирающего новорождённого брата? Кто так поступит? Мудрая женщина, и она сделала подарок нашим дочерям. У них появился шанс попрощаться.

Чтобы подготовить наших дочерей к этому, мы взяли их на пикник и, сквозь потоки слёз, объяснили, что происходит, и почему. Затем моя мама привела девочек в отдельную палату вскоре после того, как отключили аппарат. Патрис держала Коллина и передавала каждой из его сестёр. Девочки по очереди баюкали его и говорили с ним, прощаясь, а затем возвращали. После ухода девочек, я какое-то время поддержал малыша, а затем Патрис взяла его. Его мама пела для него, пока он не перестал дышать, и ещё долгое время после этого. Даже теперь для меня трудно описать ту сцену, как мать с разбитым сердцем баюкает своего малыша до конца его короткой жизни.

Мы были очень злы. Если бы Коллин родился у другого доктора или в другой больнице, требовавшей проверку, скорее всего, он был бы жив, потому что Патрис бы проверили в конце беременности и применили лечение во время родов. Но так как он родился у доктора, не поддерживавшего проверку, и в больнице, не требовавшей, чтобы все доктора предписывали её, он умер. Это была какая-то бессмыслица. Патрис углубилась в науку и познакомилась с исследователями из Центров по контролю за заболеваниями и хорошими людьми из Ассоциации стрептококка группы В, созданной теми, кто потерял своих малышей. По всей стране без нужды умирали младенцы, пока медицинское сообщество медленно поворачивалась и меняло свои практики.

«Я не могу вернуть нашего сына», — сказала Патрис, — «но не могу вынести мысль о других матерях, чувствующих ту же боль, что и я. Я должна что-то сделать». — Она обрамила это религиозными терминами, исходя из одной из своих любимых строк из Нового Завета. В послании к римлянам Павел пишет: «Притом знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу».

Она не могла объяснить, почему любящий Бог позволил умереть Коллину, и отвергала лёгкие объяснения вроде «Божьей воли». Она отвечала, зачастую мне, после того как действовавший из лучших побуждений человек скрывался из зоны слышимости: «Что за любящий Бог хочет убить моего малыша? Не верю этому». Но она верила, что должна была сделать что-то хорошее из своей утраты. Этим хорошим, заявила она, станет спасение малышей других матерей, вынудив всех докторов проводить проверку. Так что она приступила к делу, направив своё горе в национальную кампанию.

Патрис публично написала о нашем сыне и ездила по стране, поддерживая усилия по изменению стандарта осмотрительности. Она приложила усилия к тому, чтобы поговорить с законодательным органом Вирджинии, и ей удалось получить законодательные положения, охватывавшие всеобщее тестирование и лечение стрептококка группы В. Она не делала ничего в одиночку, но её голос, наряду с голосами многих других хороших людей, изменил нашу страну. Сейчас всех матерей проверяют, и их малыши живут. За невообразимо плохим последовало кое-что хорошее. Другие матери никогда не узнают, что могло быть, и так и должно быть.

Устремления Патрис — постараться всё исправить для других — несомненно повлияли на мои собственные взгляды на предназначение закона и системы правосудия, которым я посвятил большую часть своей взрослой жизни. В последующие после смерти Коллина годы я видел много плохих вещей, случавшихся с хорошими людьми, и меня просили помочь объяснить их, и придать этим потерям некий смысл. В 2002 году, когда я вернулся на службу в качестве федерального прокурора Соединённых Штатов на Манхэттене, я стоял в свежевырытой яме на Граунд-Зиро[11], месте, где погибли тысячи, включая сотни тех, от кого не осталось и следа. Я пригласил на это место девяносто двух старших федеральных прокуроров страны. Я объяснил, что те потерянные невинные граждане

повсюду вокруг нас, хоть мы их и не видим. Это было место удушающей потери. Это была священная земля.

Цитируя Патрис, я сказал им, что не знаю, почему плохие вещи случаются с хорошими людьми. Я напомнил, что для тех из нас, кто придерживается иудео-христианских традиций, книга Иова осуждает даже саму постановку такого вопроса. Голос сквозь бурю по сути ответил: «Как ты смеешь?» Истина заключается в том, что я не могу объяснить роль Бога в истории человечества. Для этого потребуется понимание, выходящее далеко за рамки потери моего сына, и охватывающее страдания и потери бесчисленных невинных сыновей и дочерей. Я просто не знаю, и я терпеть не могу тех, кто заявляет, что знает. Что я знаю, так это то, чему научила меня Патрис: есть смысл и цель не сдаваться, столкнувшись с потерей, а трудиться над тем, чтобы перевязать раны, облегчить боль и поделиться с другими тем, что ты видел. Наш долг, наша обязанность сделать так, чтобы из страдания вышло что-то хорошее, чтобы в прощении мы обрели своего рода дар. Не то, чтобы каким-то извращённым образом перевести потерю в разряд «того стоило». Ничто никогда не послужит оправданием каких-либо потерь, но мы можем пережить, даже преуспеть, если направим скорбь в цель, и никогда не позволим злу одержать верх. В этой миссии лежит красота и гениальность нашей системы правосудия.

* * *

Мы с Патрис планировали навсегда остаться в Ричмонде. У нас были хорошие государственные школы, и милый и относительно недорогой дом в безопасном районе. После смерти Коллина у нас в 1996 году родилась здоровая девочка, а за ней и другая в 2000. Мы бы растили пятерых детей в Ричмонде. Я бы занимался любимой работой. Мы осели. Затем, 11 сентября, страна была атакована, и мой телефон зазвонил.

Однажды в октябре 2001 года я находился дома после работы и присматривал за двумя младшими девочками. Патрис была в церкви на учредительном собрании женской группы, которую она собирала. Она вдохновенно рассказывала женщинам о том, как состариться вместе. Но оттуда она не могла слышать, как звонит наш телефон. Я услышал его дома и ответил. Человек на другом конце провода сказал, что звонит из Белого дома, потому что президент хотел бы знать, желаю ли я вернуться на Манхэттен в качестве окружного прокурора Соединённых Штатов, старшего федерального прокурора. Я решил, что это один из моих весёлых друзей, так что, было, ответил, — «Ага, почему бы тебе не поцеловать меня...» — когда тот человек оборвал меня и сказал, что это не шутка. Президенту Джорджу У. Бушу нужно назначить нового окружного прокурора Соединённых Штатов, верхушка Нью-Йорка находилась в чём-то вроде политического тупика, и они решили, что я — подходящая кандидатура: я работал в том отделении, я вёл дела по

терроризму, и я устраивал и демократов, и республиканцев. Не соглашусь ли я?

Трудно на таком расстоянии уловить ощущение осени 2001 года, времени единства, целеустремлённости и тревоги в стране. Я ответил, что конечно, соглашаюсь, — «Но моей жены сейчас нет дома. Я перезвоню вам, если она будет против». — Я повесил трубку, забыв про свои обязанности по присмотру, и с готовым выпрыгнуть из груди сердцем вышел на подъездную дорожку к дому дожидаться Патрис.

Спустя какое-то показавшееся часами время, она подъехала на нашем красном минивэне Форд. Она вышла, только взглянула на моё лицо, и спросила: «Что не так?»

«Всё так», — ответил я, стоя на дорожке без своих маленьких девочек. — «Позвонил парень из Белого дома и попросил меня стать окружным прокурором Соединённых Штатов в Нью-Йорке».

Её глаза округлились. — «Ты не можешь сказать нет».

— Я не ответил нет. Но сказал им, что перезвоню, если ты будешь против.

Она заплакала, закрывая лицо раскрытыми ладонями. — «Я возвращаюсь в Нью-Йорк. Боже мой, я возвращаюсь в Нью-Йорк».

Мы возвращались в Нью-Йорк, где всё-ещё дымилась площадка Всемирного Торгового Центра. Я возглавлю 250 прокуроров с сотнями дел, начиная с терроризма и насильственных преступлений, до корпоративного мошенничества, включая то, что станет одним из самых громких дел за мою карьеру.

Патрис открыла боковую дверь минивэна и большая керамическая тарелка с рогаликами, которую она брала в церковь, выскользнула. В мгновение, которое было сложно не воспринять как пророческую метафору, она разбилась вдребезги о дорожку.

Глава 5

ЛЁГКАЯ ЛОЖЬ

Кто позволяет себе солгать один раз, обнаруживает, что во второй и третий раз это

сделать намного легче, пока, в итоге, это не становится привычным; он лжёт, не обращая на это внимания, и говорит правду, которой никто не верит. Эта ложь на языке ведёт к лжи в сердце, и со временем извращает все его благие намерения.

Томас Джефферсон

Когда Марту Стюарт[12] в марте 2005 года выпустили из тюрьмы, пресса акцентировала внимание на том факте, что её собственный капитал вырос за время нахождения в заключении. Словно целью прокуроров было уничтожить её, а не наказать за ложь во время расследования и не послать меседж, что люди, независимо от их положения, не могут препятствовать отправлению правосудия.

Я произносил речь в Лас-Вегасе и знал, что СМИ постараются получить от меня на камеру «реакцию из засады», так как я был окружным прокурором Соединённых Штатов, предъявившим ей обвинение, и в результате получившим огромное внимание СМИ и огромный поток критики. Как и ожидалось, подошли телеоператор и местный репортёр с микрофоном. Репортёр сунул мне в лицо микрофон и произнёс взхлёб: «Мистер Коми, Марта Стюарт сегодня выходит из тюрьмы, и у неё на две сотни миллионов долларов больше, чем когда она попала туда. Как вы себя при этом чувствуете?». (По какой-то причине, он произнёс «чувствуете» как «чууууувствуете»).

Я выждал паузу, посмотрел в камеру и, стараясь не улыбаться, выдал строчку, которую дюжину раз репетировал в голове. — «Ну», — медленно произнёс я, — «все мы в Министерстве юстиции заинтересованы в успешном возвращении в общество наших заключённых. Возможно, мисс Стюарт справилась лучше, чем большинство наших осуждённых, но, конечно же, это не повод для беспокойства». С каменным лицом я кивнул и ушёл. Тот репортёр понятия не имел, что я дурачился, но оператор — они, как правило, более приземлённые члены коллектива СМИ — так сильно смеялся, что камера прыгала вверх-вниз. Кадр был слишком дёрганым, чтобы его использовать.

Марта Стюарт не совершила преступления века. Сперва я посчитал его досадной неприятностью в сравнении с теми, которыми мы занимались ежедневно — делами, оказывавшими большее влияние на жизни людей. Но что-то заставило меня поменять своё мнение. В конечном счёте, это дело было о чём-то более значимом, более важном, чем о богатом человеке, попытавшемся продать несколько акций перед тем, как те рухнули. И во многих отношениях я не мог тогда представить, что оно окажет значительное воздействие на всю мою оставшуюся карьеру в правоохранительных органах — преподав уроки, которыми я ещё долго буду пользоваться впоследствии.

* * *

Все лгут в определённые моменты своей жизни. Важные вопросы — где, в отношении чего, и как часто?

Один из неизбежных вопросов, которые задают всем моего роста, особенно незнакомцы в лифте, не играл ли я в колледже в баскетбол. Ответ отрицательный. Но это была долгая история, почему, включая позднее подрастание, операцию на колене и различные затраты времени. Я понял, что никто не хочет выслушивать всё это, а даже если и слушал, то это был слишком длинный рассказ для поездки на лифте. Так что на протяжении нескольких лет по окончании колледжа я выбирал лёгкий путь и просто кивал или отвечал «угу» всем задававшим мне этот вопрос незнакомцам. То же самое я сказал друзьям, с которыми играл в баскетбол, когда поступил на юридический факультет. Не знаю, почему я так поступил. Возможно, я сомневался. Возможно, так было проще. А, возможно, мне нравилось, когда люди считали меня колледжским спортсменом. По-видимому, это была маленькая и безобидная ложь, сказанная глупым подростком, но, тем не менее, это была ложь. И она съедала меня изнутри. Так что по окончании юридического факультета я написал друзьям, что солгал, и поведал им правду. Кажется, все они поняли. Один из них ответил — как сделал бы лишь настоящий друг, — «Мы знали, что ты не играл в колледже, и нам было всё равно. Ты отличный друг и отличный игрок. Конечно же, в остальном ты отстой».

Полагаю, больше всего в той маленькой лжи меня волновала опасность, что это войдёт в привычку. Много раз на протяжении лет я видел, как лжецы становятся столь искусны во лжи, что теряют способность различать, что правда, а что нет. Они окружают себя другими лжецами. Этот круг становится всё теснее и меньше по мере того как из него изгоняют тех, кто не желает отказываться от своих моральных компасов, а те, кто терпим к обману, теснее сплываются вокруг центра власти. Тем, кто готов лгать и терпеть ложь, предоставляются привилегии и доступ. Это создаёт культуру, которая становится образом жизни. Лёгкая, привычная ложь — очень опасная вещь. Она открывает дорогу к большей лжи, в более важных местах, где последствия не столь безобидны.

* * *

Каждый год небольшому числу людей предъявляются обвинения в инсайдерской

торговле. Несколько человек в хороших костюмах и наручниках выставляются напоказ перед камерами и отправляются в залы суда, но обычно их дела проходят, не привлекая особого внимания за пределами финансовой прессы. Но в январе 2002 года всё должно было измениться, когда на мой стол окружного прокурора Соединённых Штатов на Манхэттене легло дело одной малоизвестной биотехнологической компании с одним хорошо известным акционером.

В конце 2001 года Сэм Уоксол, владелец компании «ИмКлон» в панике продал свои многочисленные акции компании, узнав, что регулирующие органы собирались отказать в лицензии на новое чудодейственное лекарство «ИмКлон». Проблема для мистера Уоксола заключалась в том, что широкая общественность ничего не знала в отказе на лицензию. По закону, генеральный директор не имеет право просто продать свои акции, когда узнаёт что-то важное, чего не знают обычные акционеры. Это инсайдерская торговля. Поведение Уоксола напоминало самоподжог на глазах у представителей правоохранительных органов. Было очевидно, что он виновен, и что ему нужно предъявлять обвинение; у следователей оставался вопрос, кто-нибудь ещё, из продавших акции «ИмКлон» после Рождества 2001 года, не сделал ли это, исходя из материалов, относящихся ко внутренней информации.

Так как эти транзакции осуществлялись на Манхэттене, входившем в мою юрисдикцию, я собрал звёздную команду из помощников окружного прокурора США для помощи в проведении расследования. Моим заместителем был Дэвид Келли, государственный обвинитель, и мой близкий друг. Начальником криминального отдела, руководившим всеми уголовными обвинителями в офисе, был ещё один старый друг и бывший прокурор, Карен Сеймур. Я убедил её оставить партнёрство в юридической фирме на Уолл-стрит, чтобы помочь мне в руководстве отделением. Мы втроём обсуждали все трудные решения, словно старые друзья, каковыми мы и являлись — смеясь, поддразнивая, споря. Я ценил их за то, что они всегда говорили мне правду, даже когда я был несносен.

В каждой организации, особенно имеющей иерархическую структуру, существует опасность, что вы создадите окружение, которое будет отсекают особые мнения и препятствовать честным отзывам. Это может быстро привести к культуре иллюзий и обмана. А у руководителя склонность к чрезмерной вере в покорность болота может привести к опасному потаканию себе в ущерб другим. Это стало ключевым фактором в падении мафии в Нью-Йорке. И, по иронии судьбы, это являлось существенным недостатком офиса окружного прокурора Соединённых Штатов, сокрушившего мафию при Джулиани. Я очень старался иметь это в виду сейчас, когда занял бывшее место Руди Джулиани.

Теперь моей ответственностью было выстроить свою собственную культуру внутри офиса окружного прокурора Соединённых Штатов, которая позволит извлечь из нашей команды самый максимум, опираясь, по-разному, на уроки Джулиани и Фейхи. Я старался заниматься этой задачей с самого первого дня. Я нанял около пятидесяти новых

прокуроров за время нахождения на посту окружного прокурора Соединённых Штатов, и сидел с каждым из них, когда их приводили к присяге в офисе. Я приглашал их привести свои семьи. Я говорил им, что когда они встанут и скажут, что представляют Соединённые Штаты Америки, произойдёт нечто удивительное — совершенно незнакомые люди поверят в то, что они скажут следом. Я объяснял, что хотя и не собирался лопать их воздушные шары, это случится не из-за них. Это произойдёт благодаря их предшественникам, которые путём сотен сделанных и сдержанных обещаний, и сотни раз произнесённой правды и мгновенно исправленных ошибок выстроили кое-что для них. Я называл это водоёмом. Я говорил им, что этот водоём истины и доверия был построен для вас и заполнен для вас людьми, которых вы никогда не знали, теми, кто давно ушёл. Водоём, давший возможность сделать так много хорошего учреждению, в котором вы служите. Замечательный дар. Я объяснял этим талантливым молодым юристам, что как и все великие дары, он так же налагает ответственность, священный долг оберегать и защищать этот водоём, и передать его последующим поколениям столь же полным, каким получили его вы, а может даже ещё более полным. Я объяснял что основная проблема водоёмов заключается в том, что их очень долго наполнять, но может осушить одна единственная дыра в плотине. Действия одного человека могут уничтожить то, что годами строили сотни людей.

* * *

В деле Уоксола правительственные следователи, включая агентов и аналитиков ФБР, пробежались по самым основам: они взяли список всех, продавших акции «ИмКлон» в одно время с Уоксом. Одним из этих имён была Марта Стюарт. Она сбросила свои акции в тот же день, что и Уокс, до того, как общественность узнала, что FDA[13] отказало новому лекарству, избежав потери примерно пятидесяти тысяч долларов. Такая потеря была в пределах погрешности округления для богатого человека вроде Стюарт с состоянием в сотни миллионов долларов, но следователи проявили бы халатность, если бы как минимум не допросили её и не задали вопрос, почему она продала их именно в тот момент.

Стюарт была другом Уоксола, и следователи ожидали, что она скажет им, что когда узнала, что Сэм продаёт акции, то продала и свои. Конечно, она бы сказала им, что не знала, что в этой продаже было что-то незаконное, и что она очень сожалеет, если это было так. В этом случае она получила бы строгое предупреждение, возможно, незначительный штраф, и жизнь каждого потекла бы своим чередом.

За исключением того, что это было не то, что сделала Марта Стюарт.

Вместо этого, она сказала следователям, что у неё было постоянное соглашение с брокером, что он немедленно должен продать её акции «ИмКлон», если они упадут ниже определённой цены, «дна». Стюарт сказала, что ничего не знала заранее о том, что Уоксол продаёт свои акции. Возможно, его продажа вызвала падение цены, запустившее её распоряжение на продажу, но всё это было большим совпадением. Не на что тут смотреть.

Федеральные следователи обычно не очень верят в совпадения. Ответ Стюарт подсказал им копнуть глубже. Среди множества странностей они обнаружили, что у Стюарт и Уоксола был один и тот же брокер. Они также выяснили, что брокер звонил Стюарт тем утром, когда продавал Уоксол. Она в то время находилась вне зоны доступа, так как летела на частном самолёте на мексиканский курорт, так что брокер оставил секретарю Стюарт сообщение, гласившее, что ему срочно необходимо поговорить с ней о Сэме Уоксоле.

После начала расследования федералы получили от брокера рукописные заметки. Эти заметки отражали наличие предварительно согласованного «дна» для продажи акций «ИмСток», как и сказала Стюарт. Но эти заметки были написаны двумя разными чернилами. Всё было написано одним видом чернил, за исключением той части, что поддерживала заявление Стюарт.

Затем следователи изучили остальные странные детали. Они допросили секретаря Стюарт и узнали, что после начала федерального расследования продажи «ИмКлон» Стюарт попросила своего секретаря открыть на компьютере телефонное сообщение от брокера. Затем Стюарт попросила своего секретаря встать, после чего Стюарт заняла её место за компьютером. Она выделила ту часть, в которой говорилось, что её брокер звонил по поводу Сэма Уоксола, а затем перепечатала её, чтобы удалить ссылку на Уоксола. Затем Стюарт сделала паузу. Вероятно, получше подумав о препятствовании правосудию таким неуклюжим способом на виду у потенциального свидетеля тяжкого преступления, Стюарт резко встала и велела секретарю восстановить слова, которые только что стёрла.

Мне с самого начала не нравилось дело Марты Стюарт. Это был отвлекающий манёвр, блестящий предмет, когда у нас было так много более важной работы. Пузырь высоких технологий конца 1990-х лопнул, и резкие колебания на рынке обнажили удивительный объём корпоративного мошенничества. Перефразируя памятные слова Уоррена Баффета, когда рынок обрушился, быстрый отлив выставил напоказ множество обнажённых купальщиков. На пляже оказались мошенники из компаний Энрон, УорлдКом, Адельфия, а также множество других — тех, кто обанкротил компании, уничтожил бесчисленные рабочие места, и обманом лишил инвесторов миллиардов. Мы работали как сумасшедшие в офисе окружного прокурора Соединённых Штатов в Нью-Йорке, чтобы выстроить эти крупные дела. И их было очень трудно построить, потому что все они касались содержимого сознания людей. В делах о торговле наркотиками, которыми я

занимался много раз, задачей правительства было просто связать обвиняемых с действием. Если федеральные агенты врываются в комнату отеля и обнаруживают кило героина кучкой посреди стола, все сидящие за тем столом отправляются в тюрьму. Никто из них не может сказать, что им никогда не приходило в голову, что эта деятельность являлась незаконной, или что их бухгалтеры и адвокаты изучили героин и пришли к выводу, что он законен и уместен в соответствии с действующими правилами и предписаниями. Нет. Все отправляются в тюрьму.

В делах о корпоративном мошенничестве проблема заключалась в обратном. К концу дня правительство будет полностью понимать все действия. Мы будем знать, кто сидел за столом, и что это была за сделка. Но все за столом скажут, что они абсолютно не имели понятия, что эта запутанная, ипотечная, с обратной сделкой «репо», с обменом иностранной валюты сделка была нелегальной. Они неизменно скажут, что очень, очень сожалеют, что люди потеряли свои сбережения, но совершение преступления было последним, о чём они могли бы подумать.

На следователей и прокуроров легла обязанность вне всяких разумных сомнений доказать содержимое разума человека двенадцати присяжным, которые единогласно должны согласиться, что правительство выполнило свой долг. Очень тяжело. Не невозможно, благодаря великому дару двадцатого века правоохранительным органам — электронным средствам связи — но всё же, сложно. Иногда электронная почта предлагает доказательства вида «кило на столе». В одном случае я столкнулся с тем, как финансовый директор пишет в электронном письме: «Я лишь надеюсь, что Комиссия по ценным бумагам не выяснит, чем мы тут занимаемся». Его коллега-управленец отвечает: «Забудь про Комиссию по ценным бумагам, когда придёт ФБР, я выпрыгну в окно». Хорошенькое дело.

Но чаще всего правительство заходило в тупик в попытках доказать преступные намерения, даже перед лицом огромных финансовых потерь. Криков людей, что генеральный директор «должен был знать», или что ему «следовало знать», было недостаточно. Где доказательства вне всяких разумных сомнений, что он знал, что совершает преступление? Старшие должностные лица были шокированы, шокированы, что сотрудники низшего звена могли нарушить закон.

Среди всех этих крупных дел, над которыми мы так упорно трудились, чтобы предъявить обвинения, какое мне было дело до Марты Стюарт? Это было незначительное дело о лжи богатой личности, продавшей немного акций, потому что так сделал её друг. У нас были некоторые доказательства, которые можно было добавить к инсайдерской торговле, если бы мы заняли агрессивную позицию с точки зрения закона, и у нас было умышленное воспрепятствование осуществлению правосудия, но это было далеко не плёвое дело, особенно, раз оно проходило с участием присяжных, и касалось симпатичной личности самой любимой телеведущей Америки. Все чему-то научились у неё. Я сам однажды заталкивал листья базилика под кожу индейки на День благодарения по совету Марты

Стюарт. Зачем было так напрягаться? Какая разница?

Но это дело перестало быть незначительным, когда однажды днём ведущий расследование помощник окружного прокурора Соединённых Штатов ворвался в мой большой кабинет с видом на манхэттенскую часть Бруклинского моста и Департамент полиции Нью-Йорка. Я мог целый день наблюдать людской поток в Бруклин и обратно, и в полицию и обратно. С широкой улыбкой и вытянутыми над головой обеими руками, словно сигнализируя тачдаун[14], он сказал мне, что получил требуемое.

Последний кусочек дела неожиданно пришёл от лучшей подруги Марты Стюарт, Марианны Пастернак. Спустя несколько дней после якобы случайной продажи акций, они вдвоём сидели на балконе отеля в Кабо-Сан-Лукас, Мексика, наслаждаясь выпивкой на новогодних каникулах. Пока они болтали, любуясь чистым как драгоценный камень Тихим океаном, рассказала следователям Пастернак, Стюарт сказала, что беспокоится насчёт Сэма Уоксера. Стюарт пояснила, что продала все свои акции «ИмКлон», потому что узнала через своего брокера, что так сделал Уоксер. Она добавила: «Разве не здорово иметь брокеров, которые рассказывают вам такое?»

Другими словами, Марта Стюарт бессовестно солгала нам, и теперь мы могли доказать это вне всяких разумных сомнений. Тьфу. Сказанная ею ложь была совсем излишней. Она могла бы предложить возместить сохранённые ею пятьдесят тысяч долларов, мелочь для неё, выразить раскаяние, и поклясться больше никогда не торговать на основе инсайдерской информации. Вместо этого она принялась усердно лгать, а затем вовлекать в это других, пытаясь замести следы.

Вдобавок к поддерживавшим её поклонникам, у Стюарт были агрессивные адвокаты. Одним из основных их аргументов было, что смешно думать, что человек с состоянием в сотни миллионов долларов лично подключится — направляясь на частном самолёте в Мексику — к продаже акций, чтобы просто избежать потери пятидесяти тысяч долларов. Они говорили, что её время слишком ценно для такой мелочи. Столкнувшись с подобным аргументом, я задал её адвокатам вопрос: если мисс Стюарт в своём загородном поместье одним воскресным утром идёт по извилистой подъездной дорожке за New York Times — с дымящейся чашкой кофе в руке — и видит лежащие на земле рядом с её газетой пять долларов, то поднимет она их или не станет беспокоиться ради подобной мелочи? Они не ответили. Конечно же, она поднимет их. Конечно же, она сделает единственный телефонный звонок своему брокеру, чтобы сохранить свои пятьдесят тысяч долларов. Как и большинство из нас, особенно если мы не знакомы с законодательством об инсайдерской торговле.

Я попросил Карен Сеймур, начальника криминального отдела, подумать о том, чтобы предложить сделку о признании вины. Карен не нравилась эта идея, так как теперь у неё были веские доводы, и она беспокоилась, что мы подадим сигнал о своей слабости, ища сделки, но попыталась. Сперва адвокаты Стюарт сказали, что она пойдёт на сделку о

признании, а затем ответили отказом. Полагаю, они либо проверяли нашу решимость, либо не смогли убедить своего клиента признать вину в деле, которое она не могла выиграть. Если мы хотели, чтобы Стюарт заплатила за своё преступление, то должны были предъявить ей обвинение и передать в суд это дело против хорошо известной и пользующейся всеобщим уважением публичной фигуры. Хотя с этим делом всё было и ежу понятно, я всё ещё колебался. Я знал, что защитники Стюарт в СМИ скажут то же самое, на что намекали её адвокаты, когда боролись против обвинений — что я возбудил это дело, чтобы стать известным. Что я охотился на знаменитость — склоняя чашу весов правосудия и делая показательный пример из кого-то, кто был на глазах у публики. Что я был просто ещё одним Руди Джулиани, делавшим себе имя на спинах других. Я провёл долгие часы, глядя на Бруклинский мост, не решаясь вызвать волну критики и цирк, который я знал, последует за этим. Затем, пока беспокоился о себе и своём имидже, я вспомнил одного молодого чернокожего священника.

Он был помощником пастора и молодым священником в исторической «Четвёртой Баптистской Церкви» в Ричмонде, штат Вирджиния, в то время, как я был надзорным федеральным прокурором в том городе в конце 1990-х. Главным пастором той церкви был харизматичный мэр Ричмонда Леонидас Б. Янг. К сожалению, мэр Янг был слегка слишком харизматичным для его же блага. Хотя он был женат и имел детей, у него одновременно было амбициозное количество интрижек с другими женщинами. Чтобы поддерживать эти отношения, столкнувшись с некоторыми проблемами с половой деятельностью, Янг установил дорогой механический имплант пениса, который затем катастрофически отказывался работать, что приводило к дополнительным процедурам и тратам. Со своими медицинскими счетами и покупками подарков, путешествий и отелей для многочисленных любовниц, Янг столкнулся с нехваткой финансов. Прискорбно, но он решил воспользоваться положением в городских властях, чтобы заработать наличных, и обратился к своему помощнику пастора для помощи в этом деле.

В то время в Ричмонде обсуждалась приватизация городских кладбищ. Руководители одной компании на встрече с Янгом заинтересовались участием в тендере на кладбища. Мэр сказал им, что их шансы выиграть тендер существенно повысятся, если они наймут в качестве «консультантов» определённых людей, таких как его младший священник в «Четвёртой Баптистской». Впоследствии компания выписала чеки на тысячи долларов, среди прочих, тому младшему священнику. Банковские записи показали, что священник обналичил чеки, а затем передал деньги мэру.

Мы с моим коллегой прокурором Бобом Троно встретились с тем молодым священником. В нём было что-то, вызвавшее у меня желание помочь ему. Я посмотрел ему прямо в глаза и сказал, что верю, что он хороший человек, что он сделал что-то в качестве услуги своему наставнику и главному пастору его церкви, мэру Леонидасу Янгу. Из чего мы могли сказать, что молодой священник не оставил себе сколько-нибудь денег из тех, что помог присвоить мэру Янгу. Признай это, сказал я ему, и с тобой будет всё в порядке. Солги, и я стану преследовать тебя за это в уголовном порядке. Однажды мэр Янг сдаст тебя, сказал

я ему. Он покрылся потом, но настаивал, что кладбищенская компания наняла его ради его экспертной оценки, и что он не давал каких-либо денег Янгу.

Я ощущал глубокую грусть, когда встреча закончилась, так как мог заглянуть в будущее, чем оно обернётся для молодого пастора из Ричмонда, которого впереди ждала многообещающая карьера. Леонидасу Янгу было предъявлено официальное обвинение, он признал свою вину в вымогательстве, и был приговорён к заключению в федеральной тюрьме. В рамках усилий по снижению длительности этого заключения, он назвал помощника пастора как одного из своих сообщников в отмывании денег. Молодому священнику предъявили обвинение и признали виновным во лжи во время следствия. В ходе судебного разбирательства, на котором в качестве обвинителя выступил Боб Троне, Леонидас Янг свидетельствовал против него. Молодого пастора приговорили к пятнадцати месяцам заключения в федеральной тюрьме за ложь. Я не упоминаю в своей книге его имя, потому что надеюсь, что у него после тюрьмы сложилась хорошая и счастливая жизнь.

Глядя в окно своего кабинета на Манхэттене и вспоминая того молодого священника, мне стало за себя стыдно. Он не был знаменит. Возможно я был единственным человеком за пределами Ричмонда, знавшим его имя. И вот я, окружной прокурор Соединённых Штатов на Манхэттене, мешкаю предъявить обвинение Марте Стюарт, так как это вызовет волну критики. Я действительно подумывал отпустить её, потому что она была богатой и знаменитой. Что за ошибка правосудия. Каким же я был трусом.

Я попросил Дэйва Келли выяснить, как много людей в Соединённых Штатах осудили за предыдущий год за ложь федеральным следователям. Сколько «обычных людей» солгали и затем дорого заплатили за это? Ответ был две тысячи. Келли сказал, что мне нужно перестать заламывать руки; это было правильно, и мне следовало продолжать. Он был прав. Я сказал своим сотрудникам предъявить официальное обвинение Марте Стюарт и решил, что Карен Сеймур поведёт это дело в суде.

Обвинение Марты Стюарт стало моим первым опытом в получении потока ненависти и ярости в ответ на внимательно и вдумчиво принятое решение. Люди просто не могли, ради всего святого, понять, как я мог раздуть из мухи слона в попытке уничтожить Марту Стюарт. Очевидно, я вышел из-под контроля, принимая решения, которые не поддержит ни один разумный человек. Натиск был мощным, но я был спокоен, что мы приняли правильное решение правильным образом. Это также окажется хорошей практикой на будущее, которое я не мог даже представить тогда. Стюарт была признана виновной и приговорена к пяти месяцам заключения в федеральной тюрьме в Альдерсоне, штат Западная Вирджиния.

Случай со Стюарт напомнил мне, что система правосудия — это система доверия. Мы действительно не можем каждый раз сказать, когда люди лгут или прячут документы, так что когда можем доказать это, то просто должны так и поступать в качестве послания

каждому. Люди должны опасаться последствий лжи системе правосудия, или эта система не будет работать.

Было время, когда большинство людей боялись попасть в ад, если нарушат клятву, данную именем Господа. То божественное устрашение незаметно ушло из нашей современной культуры. Его место должен занять страх оказаться в тюрьме. Люди должны бояться, что их жизни перевернутся с ног на голову. Они должны бояться, что их фотографиями будут пестреть газеты и вебсайты. Люди должны бояться, что их имя навечно станет ассоциироваться с преступным деянием, если мы хотим, чтобы у нас была страна с верховенством закона. Марта Стюарт откровенно солгала системе правосудия. Чтобы защитить институт правосудия и укрепить культуру установления истины, ей следовало предъявить обвинение. Я полностью уверен, что если снова так сложатся обстоятельства, Марта Стюарт больше не солжёт федеральным следователям. К сожалению, многие другие из встречавшихся на моём пути продолжали совершать те же самые дурацкие поступки.

* * *

В качестве окружного прокурора Соединённых Штатов на Манхэттене я докладывал заместителю генерального прокурора в Министерстве юстиции в Вашингтоне. Заместитель генерального прокурора — часто называемый ЗГП[15] — был должностным лицом номер два, главным операционным директором министерства. Все в этой организации, за исключением небольшого личного штата генерального прокурора, докладывали ЗГП, который уже докладывал генеральному прокурору. Это была безумная организационная структура, которую вы можете найти лишь в правительстве. Но я подумал, что это, вероятно, было сделано для того, чтобы работа была интересной.

Летом 2003 года Ларри Томпсон, служивший тогда на этом посту, пришёл ко мне на Манхэттен. Он выдохся, и сказал мне, что осенью уходит. Он собирался рекомендовать Белому дому Джорджа У. Буша, чтобы я сменил его на посту заместителя генерального прокурора. Было ли мне интересно?

Ответ был положительным. Мне нравилось быть окружным прокурором Соединённых Штатов, но Нью-Йорк, как и прежде, был не из лучших для меня и моей семьи мест. По причине стоимости жизни мы жили в пятидесяти милях к северу от моего офиса. Постоянное мотание туда-сюда сделало для меня очень сложным видаться с Патрис и детьми так часто, как мне бы хотелось. Оно означало множество пропущенных концертов, игр и родительских собраний. Я однажды покинул офис в 4 часа дня, чтобы успеть на игру Младшей лиги в 6 часов, и из-за жуткого трафика пропустил почти всю игру. Такие вещи

причиняли мне боль. Не тем я хотел быть. Если бы мы перевезли детей в Вашингтон, я знал, что у меня была бы работа, на которой я был бы очень занят, но ещё я знал, что смог бы избежать трёх или четырёх часов на дорогу каждый день. Конечно, была опасность в переезде ближе к политическому сердцу страны. Один нью-йоркский журналист высказал мнение многих моих коллег, написав статью под названием «Мистер Коми перебирается в Вашингтон», написав, что я, несомненно, сохраню своё чувство юмора, когда перееду в Вашингтон; более сложный вопрос заключался в том, не потеряю ли я свою душу. Признаю, я разделял эту озабоченность, но этот переезд будет лучше для моей семьи. И как это может быть плохо?

Так что я отправился в Вашингтон на встречу с советником президента Джорджа У. Буша Альберто Гонсалесом. Мы встретились в его кабинете на втором этаже Западного крыла[16]. Это был не первый мой визит в служебные помещения советников Белого дома. В 1995 году я недолгое время работал на сенатский комитет, расследовавший инвестиции Билла и Хиллари Клинтон в арканзасского застройщика «Уайтуотер» и ряд связанных с этим вопросов. Один из тех вопросов касался самоубийства заместителя советника Белого дома президента Клинтона Винца Фостера и последующей работы с оставленными в его офисе документами. Во время пяти месяцев в юридическом персонале комитета мне поручили посетить второй этаж Западного Крыла, чтобы проверить служебные помещения, в которых работал Фостер. Одним из вопросов комитета было, не посещала ли Первая леди Хиллари Клинтон или кто-то, действовавший по её поручению, офис Фостера после его смерти, и не забирала ли оттуда документы. Я покинул расследование задолго до того, как были сделаны какие-либо выводы, но могу вспомнить, как шёл от кабинета Хиллари Клинтон на втором этаже к служебным помещениям советников Белого дома.

Ещё я был в Западном крыле весной 2001 года. В качестве помощника окружного прокурора Соединённых Штатов в Ричмонде я вёл дело о терроризме, и рассчитывал на обвинительное заключение в деле по обвинению Ирана в финансировании и руководстве разрушительным нападением в 1996 году на казармы ВВС США в Саудовской Аравии, в котором погибли девятнадцать американцев, и сотни были ранены. Такое обвинение будет иметь внешнеполитические последствия, и новая администрация Буша собрала руководителей системы национальной безопасности, чтобы выслушать объяснения генерального прокурора Джона Эшкрофта, почему обвинения против Ирана были обоснованы. Сотрудники Эшкрофта решили, что я буду сопровождать его в Белый дом, но сидеть снаружи заседания в Ситуационном Центре, на случай, если я ему понадоблюсь в качестве источника подробностей. Я расслабился и наслаждался своим первым визитом в Ситуационный Центр, так как у меня не было роли со словами, и даже не был на заседании. Я мог просто глазеть по сторонам и выпить. Впитывание продлилось недолго. Вскоре я оказался под водой.

Спустя несколько минут после того как дверь в защищённый зал заседаний закрылась, она снова открылась, и там стоял государственный секретарь, Колин Пауэлл.

— Кто здесь прокурор? Вы прокурор? — рявкнул он, и его взгляд остановился на мне.

— Да, сэр, — заикаясь ответил я.

— Входите, — приказал он. Очевидно, заседание началось не очень хорошо.

Генерал Пауэлл проводил меня в небольшой зал заседаний, и указал на место за столом прямо напротив него и министра обороны, Дональда Рамсфелда. Советник по национальной безопасности, Кондолиза Райс, сидела во главе стола. Я сел между слегка покрасневшимся генеральным прокурором и директором ФБР Луисом Фрих. На протяжении последующих двадцати минут эти двое волевых министров расспрашивали меня о моём деле и моих доказательствах, да так, что мой костюм стал насквозь мокрым от пота. Когда у них закончились вопросы, они попросили меня покинуть заседание. Я вышел на негнущихся ногах, в то время как заседание продолжилось. Несколько недель спустя я получил одобрение на включение обвинения, что Иран стоял за нападением на Хобар Тауэрс.

И вот, я снова был здесь. На первом этаже Западного Крыла находятся большие кабинеты с высокими потолками, включая, конечно же, Овальный кабинет[17]. Мне всегда казалось, что архитекторы забрали пространство для этих высоких потолков у верхнего и нижнего уровней, особенно у подвала. Там внизу, где я за свою последующую карьеру проведу так много времени на совещаниях по национальной безопасности, дверные проёмы имели высоту два метра. Чтобы передвигаться, я во время ходьбы всё время осмотрительно пригибал голову, как бы кивая невидимому спутнику. Я понятия не имел, насколько тонко были откалиброваны мои наклоны головы, пока не получил новые подошвы и каблуки на пару парадных туфель во время администрации Джорджа У. Буша. По всей видимости, эта отремонтированная обувь сделала меня примерно на полтора сантиметра выше, чем обычно. Спеша, чтобы не опоздать на совещание с президентом в Ситуационном Центре, я пригнулся, как обычно, и так сильно впечатался головой, что ошеломлённо отшатнулся назад. Агент Секретной службы спросил, в порядке ли я. Я ответил да, и продолжил движение, со звёздочками в глазах. Сев за стол с президентом и руководством национальной безопасности, я почувствовал какую-то жидкость на коже головы и понял, что у меня идёт кровь. Так что я поступил очевидным образом: всё время наклонял голову в разных направлениях, чтобы тёкшая кровь оставалась внутри линии волос. Бог знает, что подумал президент Буш, что со мной не так, но моей крови он не увидел.

Верхний этаж, где находился кабинет Гонсалеса, был лишь немного менее клаустрофобным, с маленькими окнами, зажатыми под низким потолком. Я испытал облегчение, когда мы сели. Гонсалес, советник Белого дома, работавший на Буша, когда тот был губернатором Техаса, был радушным, дружелюбным и почти мучительно тихо говорящим человеком. Большинство разговоров с ним включали в себя неловкие паузы. Я не помню, чтобы он много расспрашивал меня во время «интервью» на заместителя

генерального прокурора. Он сказал, что Белый дом ищет кого-то «достаточно сильного, чтобы противостоять Джону Эшкрофту». Он хотел знать моё мнение, справлюсь ли я.

Это показалось мне странным вопросом в отношении выбранного президентом генерального прокурора. Но, как я быстро узнал, Вашингтон был городом, в котором кажется все ставили под вопрос лояльность и мотивацию других людей, и чаще всего, когда тех не было в комнате. Эшкрофт был консерватором, рассматривавшим возможность участия в президентских выборах 2000 года, тогда, когда был избран Джордж У. Буш. Хотя я не мог видеть этого со своей должности на Манхэттене, между Белым домом и Эшкрофтом существовало напряжение из-за ощущения, что генеральный прокурор готовил своё собственное политическое будущее, и что его интересы не полностью совпадали с интересами президента Буша. Я не знал, что из этого было правдой, но заверил советника Белого дома, что меня никто не запугает, и что я всегда постараюсь поступать правильно. Казалось, этот ответ удовлетворил его, по крайней мере, тогда. Гонсалес и политические шишки в Белом доме Буша одобрили меня на этот пост; у меня состоялась короткая встреча с Эшкрофтом, который уже хорошо меня знал; и в декабре 2003 года я въехал в кабинет в штаб-квартире Министерства юстиции, и начал перевозить семью в пригород Вашингтона.

Должность заместителя генерального прокурора шла вместе с персоналом из примерно двадцати юристов, чтобы справляться с большим объёмом работы и различными запросами сотен других, докладывавших напрямую мне. Хотя я уже пятнадцать лет был в федеральных правоохранительных органах, пост ЗГП стал моей первой возможностью на практически ежедневной основе работать с членами кабинета. Моим непосредственным начальником, конечно, был Джон Эшкрофт, которого, несмотря на намёки Гонсалеса, я нашёл радушным, порядочным и приверженным работе, которую он ставил выше своих собственных амбиций. Мы были подчёркнуто любезны друг с другом, но никогда не сближались, что я относил на восемнадцатилетнюю разницу в возрасте и наши очень разные стили. Хотя он непринуждённо смеялся и любил командные виды спорта — однажды я грубо сыграл против него в баскетболе, и не смог, несмотря на все усилия, сбить его с ног — Эшкрофт во многих отношениях был строгим. Глубоко религиозный человек, он не танцевал, не пил, не ругался, и презирал некоторые из цветистых речевых оборотов, которые мне нравилось использовать.

Однажды он задержал меня после совещания в его кабинете, чтобы мягко пожурить за язык, который я использовал на только что закончившейся встрече. Он пояснил, что рассматривает офис, в котором сидит, как нечто, находящееся в доверительном управлении для американского народа. Я ответил, что полностью согласен. Он продолжил: «Учитывая это, я попрошу вас быть внимательным к своему языку».

Я озадачено посмотрел на него, потому что не мог припомнить, чтобы использовал какие-либо эпитеты на только что закончившейся встрече. Я не особо сквернословил, но делал это время от времени для большей выразительности и эффекта.

— Что я сказал? — озадаченно спросил я.

Ему явно было неуютно от перспективы повторить сказанное мной. Я рассуждал, что это должно было быть какое-то матерное слово. Как же я мог этого не помнить?

— Оно созвучно со словом ‘бельмо’, — наконец ответил Эшкрофт.

Я покопался в памяти в поисках шестибуквенных слов, подходящих под его описание. А затем вспомнил. В определённый момент обсуждения дела я использовал слово ‘дерьмо’, как во фразе ‘ложка дерьма в бочке мёда’. Стараясь не улыбаться, я извинился, и сказал, что в будущем буду осторожнее.

Моя должность также периодически давала мне привилегию посещения Овального кабинета. Мой первый визит состоялся в конце 2003 года, когда я замещал генерального прокурора Эшкрофта на ежедневном брифинге президента Буша по террористической угрозе. Все годы после 11 сентября, каждое утро, когда президент Буш находился в городе, он встречался с руководителями контртеррористических агентств — включая ФБР и Министерство юстиции. Я нервничал из-за этих совещаний по паре причин. Очевидно, я не хотел поставить в неудобное положение себя или своё министерство, произнеся какую-либо глупость. Но я также собирался на встречу с президентом Соединённых Штатов в кабинете, являвшемся священной землёй в жизни моей страны. И в 2003 году, спустя два года после атак 11 сентября, не было повестки для с более высоким приоритетом, чем та, которую мы обсуждали.

Это была моя первая встреча с лидером свободного мира. Когда я сидел там, то не мог справиться с удивлением, насколько ярко освещалось то место. Кольцо встроенных ламп освещало его, словно полуденное солнце. На той встрече мне не надо было говорить, если только меня не попросят, так что я позволил своим глазам скользить по знакомым по телевизору лицам — президента, вице-президента Дика Чейни, директора ФБР Боба Мюллера, советника по национальной безопасности Кондолизы Райс и министра внутренней безопасности Тома Риджа.

В тот момент меня поразило: это просто мы. Я всегда думал, что в этом месте найдётся кто-кто получше, но именно эта группа людей — включая меня — пыталась во всём разобраться. Я не хотел оскорбить никого из участников, которые были талантливыми людьми. Но мы были просто людьми, обычными людьми на выдающихся ролях в сложные времена. Не уверен, чего ожидал, но я встретился с вершиной пирамиды, и это были просто мы, что было и утешительно, и немного пугающе. Внезапно у меня в голове зазвучала песня Боба Дилана: «Что выглядит большим на расстоянии, крупным планом не бывает столь большим».

* * *

Одним из первых дел, в которое я включился в своей новой роли в Министерстве юстиции, снова было дело о лжи системе правосудия. В июне 2003 года, спустя пару месяцев после вторжения в Ирак, в статье корреспондента Роберта Новака было раскрыто имя сотрудницы ЦРУ под прикрытием. Раскрытие произошло через несколько дней после того, как муж этой сотрудницы ЦРУ написал авторскую статью в газете с нападка на одно из основных обоснований администрацией Буша войны в Ираке, что якобы Саддам Хусейн пытался обзавестись ядерными материалами. Ширились слухи, что члены администрации Буша незаконно раскрыли Новаку имя этой сотрудницы ЦРУ в отместку за отрицательную статью.

Новак приписывал свои сведения двум источникам в администрации Буша. По мере того, как разрастался скандал, вскоре стало очевидно, что по меньшей мере трое, а то и шестеро чиновников Буша рассказали репортёрам о сотруднице ЦРУ под прикрытием. Ричард Армитидж, заместитель государственного секретаря, был одним из чиновников, прямо признавшемся, что упомянул Новаку имя той сотрудницы ЦРУ. Фактически, он позвонил в Министерство юстиции вскоре после начала расследования. Он пояснил, что не собирался раскрывать секретную информацию; он просто сплетничал с Новаком, и не осознавал, что делал. Личностью второго источника Новака являлся старший политический советник президента Буша Карл Роув. У Роува состоялся разговор с Новаком, в котором Новак упомянул, что автор критической статьи об Ираке был женат на сотруднице ЦРУ. Роув ответил что-то вроде: «А, вы тоже слышали об этом». Хотя это не кажется большим журналистским искусством, Новак воспринял эти слова как подтверждение того, что узнал от Армитиджа.

Но были также доказательства, что третий чиновник, руководитель аппарата вице-президента Льюис «Скутер» Либби, беседовал со многими репортёрами о той сотруднице ЦРУ. К тому времени, как я стал заместителем генерального прокурора, ФБР допросило Либби, и тот признался в этом, но сказал, что узнал о сотруднице ЦРУ лишь от репортёра. Как и Армитидж, Либби настаивал, что лишь передавал слухи, а не заблаговременно распространял имя агента под прикрытием. К несчастью для Либби, репортёра, которого назвал Либби, шефа вашингтонского бюро NBC News Тима Рассерта, ФБР тоже допросило, и тот сказал, что Либби лгал. Рассерт не передавал Либби имя агента под прикрытием. Три года спустя присяжные придут к тому же заключению: Либби солгал ФБР.

Это был один из первых моих опытов в Вашингтоне, когда мотивы принятия решений людьми основывались на их партийной преданности. Для демократов было очевидно, что ключевые члены республиканской администрации подрывали справедливость, чтобы

разрушить и покарать своих критиков. Для республиканцев почти столь же было очевидно, что это была охота на ведьм, направленная против людей, совершивших несущественную ошибку. Моей работой являлось сделать по меньшей мере одну из этих групп, или одну из этих группировок, очень недовольными.

Закон, запрещающий раскрытие личности агента разведки под прикрытием, требует наличия конкретного злого умысла. На основании соответствующего статута, было недостаточно продемонстрировать, что раскрывшие личность агента люди были глупыми или беспечными. Нам нужно было доказать, что эти люди знали, что сотрудница ЦРУ находилась под прикрытием, а также, что они знали, что раскрытие её имени являлось нарушением закона. Основываясь на том, что нам было известно к тому моменту, казалось маловероятным, что мы сможем доказать, по крайней мере, вне всяких разумных сомнений, что Армитидж или Роув действовали с требовавшимся преступным умыслом, когда беседовали с Новаком и другими репортёрами. Новак подтверждал их рассказ, что это были сплетни или ошибка, и, скорее всего, было недостаточно доказательств обратного.

Это поставило Министерство юстиции в трудное положение. Хотя расследовавшие это дело люди были профессионалами, я знал, что в условиях нехватки доказательств было бы очень сложно для возглавляемого республиканцем Джоном Эшкрофтом министерства убедительно закрыть расследование против своих коллег в той же администрации, не порекомендовав обвинения. Мы также не собирались выдвигать обвинения, лишь чтобы избежать упреков в конфликте интересов. Ситуацию осложнял тот факт, что Карл Роув руководил одной из политических кампаний Джона Эшкрофта в его родном штате Миссури до того, как Эшкрофт стал генеральным прокурором. В довершение всего, Скутер Либби, в чьём поведении всё ещё нужно было разобраться, был старшим должностным лицом Белого дома, с которым часто взаимодействовали Эшкрофт и старшие должностные лица Министерства юстиции.

Способность Министерства юстиции внушать доверие является его краеугольным камнем. Американский народ должен видеть, что отправление правосудия не зависит от политики, расы, класса, религии или какой-либо из множества других причин, делящих людей на группы. Мы должны были сделать всё, что могли, чтобы защитить честную и беспристрастную репутацию министерства, его водоём истины и доверия. Эшкрофт понимал это, и когда я встретился с ним, чтобы обсудить мою рекомендацию ему сделать самоотвод от участия в деле, он согласился. Я тотчас назначил Патрика Фитцджеральда, тогда служившего окружным прокурором Соединённых Штатов в Чикаго, специальным советником по надзору за ходом расследования. Хотя Фитцджеральд был политическим назначенцем и моим близким другом, у него была прочная независимая репутация, и, будучи окружным прокурором США в Чикаго, он находился достаточно далеко, чтобы не считаться частью руководства исполнительной власти. Я пошёл даже на один шаг дальше: так как я также был старшим политическим назначенцем президента Буша, то делегировал Фитцджеральду все свои полномочия исполняющего обязанности

генерального прокурора. Я оставался его руководителем, но ему не нужно было спрашивать у меня разрешения предпринимать в деле какие-либо шаги, подчёркивавшие независимость расследования.

В декабре 2003 года я провёл пресс-конференцию, чтобы объявить об этом назначении. Министерство юстиции регулярно делало заявления для прессы о важных событиях в своей работе, включая решения о предъявлении обвинений или подаче исков, а также об урегулировании тех дел. В вопросах, представлявших значительный общественный интерес, министерство уже давно подтверждало результаты расследований, а также сообщало о результатах расследований без предъявления обвинений. Всегда, когда назначается специальный прокурор для наблюдения за деятельностью президентской администрации, это большая новость, и, предсказуемо, моё решение не пользовалось большой популярностью в Белом доме Буша. Спустя неделю после этого объявления, я замещал генерального прокурора на заседании кабинета с президентом. По традиции, госсекретарь и министр обороны сидели по бокам от президента за столом в Зале заседания в Западном Крыле Белого дома. Министр финансов и генеральный прокурор располагались на противоположном конце стола, по бокам от вице-президента. Это означало, что, замещая генерального прокурора, я находился по левую руку от вице-президента Дика Чейни. Я, человек, только что назначивший специального прокурора, чтобы вести расследование в отношении его друга и самого старшего и доверенного советника, Скутера Либби.

Пока мы ждали президента, я подумал, что следует проявить вежливость. Я повернулся к Чейни и сказал: «Господин вице-президент, я — Джим Коми из Юстиции».

Не поворачивая ко мне головы, он ответил: «Я знаю. Я видел вас по телевизору». Затем Чейни устремил взгляд вперёд, словно меня тут не было. Мы молча ждали президента. Мой вид на Бруклинский мост ощущался очень далёким.

Я в самом начале заверил Фитцджеральда, что скорее всего это назначение продлится пять-шесть месяцев. Требовалось проделать кое-какую работу, но это будет проще пареной репы. На протяжении следующих четырёх лет под яростными нападками республиканцев и правых СМИ, словно маниакальных капитанов Ахабов[18], он много раз напоминал мне об этом, расследуя проигрышное с самого начала дело. Фитцджеральд поступил в точности, как я ожидал, когда взялся за него. Он провёл расследование, чтобы просто понять, кто из правительства разговаривал с прессой о сотруднице ЦРУ, и о чём они думали в тот момент. После тщательного изучения, он остановился на том, что не удивило меня в отношении Армитиджа и Роува. Но часть, касавшаяся Либби — по общему признанию, основное слабое звено, когда я передал ему это дело — оказалась сложнее.

Либби не только солгал о своём взаимодействии с Тимом Рассертом, заявив, что от того услышал имя агента под прикрытием, но восемь чиновников администрации Буша дали

показания, что обсуждали с Либби имя агента под прикрытием. Вскрылись новые факты, свидетельствовавшие о том, что Либби активно обсуждал с репортёрами эту сотрудницу ЦРУ, по просьбе вице-президента, чтобы «задвинуть» истории, критиковавшие обоснование администрацией вторжения в Ирак. Почему Либби — адвокат, окончивший юридический факультет Колумбийского университета — солгал, не совсем понятно. Может, не захотел признаться, что утечка началась в офисе вице-президента, что вызвало бы политические проблемы, либо не захотел признаться разгневанному президенту Бушу, что был среди источников утечки.

У Фитцджеральда ушло три года судебного разбирательства на то, чтобы добраться до точки, где Либби было предъявлено обвинение, он предстал перед судом и был признан виновным в даче ложных показаний во время федерального расследования, лжесвидетельствовании и препятствовании правосудию. Сторонники республиканцев завывали, что он преследовал Либби, так как прокуроры не смогли доказать основное преступление — преднамеренную утечку имени агента под прикрытием с осознанием незаконности этих действий. Конечно, это были те самые республиканцы, которые страстно верили, что ложь президента Билла Клинтона под присягой по поводу романа со стажёром просто обязана была быть расследована, так как препятствование правосудию и лжесвидетельствование наносят удар в самое сердце нашей системы. В то же самое время демократы, которые шестью годами ранее нападали на дело против Билла Клинтона, как на глупую ложь о сексе, в случае с Либби обнаружили, что серьёзно озабочены преступлениями, связанными с препятствованием правосудию — когда препятствовавшие оказались республиканцами.

В предстоящие месяцы я обнаружу, что желания изменить правила и сделать удобные исключения из законов, когда те мешают повестке дня президента, очень заманчивы. И это было искушение, подпитывавшееся актуальностью вопросов и природой людей вокруг президента, людей, не заглядывавших далеко вперёд, и не понимавших важности для страны делать всё правильно, как бы это ни было неудобно. Это станут болезненные, утомительные уроки важности институциональной преданности над целесообразностью и политикой. И дополнительная подготовка к будущему, которое я ещё не мог предвидеть.

Глава 6

НА ПУТЯХ

О, если ты спокоен, не растерян, Когда теряют головы вокруг...

Редьярд Киплинг, «Если»

Было уже 7 часов вечера 10 марта 2004 года. Ещё один долгий тяжёлый день в качестве исполняющего обязанности генерального прокурора Соединённых Штатов, пост, который я временно занял от имени заболевшего Джона Эшкрофта, поставившего меня в центр отвратительной борьбы с Белым домом Буша. И она должна была стать ещё отвратительнее.

Моя служба безопасности везла меня в бронированном чёрном “Субурбан”, направляясь на запад по Конститушн-авеню мимо музеев, по работе Монумента Вашингтона и Южной лужайки Белого дома. Старшие правительственные должностные лица обеспечиваются охраной на основе оценки угроз. Когда я был окружным прокурором Соединённых Штатов на Манхэттене, у меня её не было, но после 11 сентября заместителя генерального прокурора перевозили в бронированном “Субурбан” в сопровождении вооружённых заместителей федерального маршала.

К концу долгого дня я устал, и готовился отправиться домой. Затем зазвонил мой мобильник. На линии был Дэвид Айрес, руководитель аппарата генерального прокурора Джона Эшкрофта. Айрес был одним из тех редких людей, которые, кажется, лишь становятся спокойнее посреди бури. И в переносном смысле этого слова разразился ураган, так что его голос был холоден, как камень. Айрес только что закончил телефонный разговор с Джанет Эшкрофт, дежурившей у постели своего мужа в Университетской клинике Джорджа Вашингтона. Генерального прокурора Эшкрофта госпитализировали с острым панкреатитом, столь сильным, что тот обездвижил его от боли в отделении интенсивной терапии.

Несколько минут назад, сообщил Айрес, оператор Белого дома попытался переключить звонок президента Буша на больного генерального прокурора. Я знал, что всё это означает. Как и Айрес. Как и сообразительная Джанет Эшкрофт, которая, как и её муж, являлась умным и опытным адвокатом.

Джанет Эшкрофт не приняла звонок. Она сказала, что её муж слишком болен, чтобы беседовать с президентом. Настойчивый президент Буш тогда сказал ей, что направляет в больницу своего советника Альберто Гонсалеса и руководителя своего аппарата Эндрю Карда, чтобы обсудить с её мужем жизненно важный вопрос, касавшийся национальной безопасности. Она тотчас предупредила Айреса, который позвонил мне.

Закончив разговор, я необычайно резким голосом сказал водителю Службы маршалов Соединённых Штатов: «Эд, мне немедленно нужно в клинику Джорджа Вашингтона». Настойчивость в моём голосе — всё что ему было нужно, чтобы включить мигалки и начать вести бронированную машину так, словно её забросили на трассу NASCAR[19]. С этого момента я участвовал в гонке — в буквальном смысле этого слова, гонке с двумя самыми высокопоставленными должностными лицами президента, в один из самых бурных, самых невероятных моментов за всю свою карьеру.

* * *

Работа заместителя генерального прокурора, особенно в годы сразу после 11 сентября, была невероятно напряжённой. Чем напряжённее была эта работа, тем настойчивее я всегда старался помочь своей команде получать радость от нашей работы. Смех является внешним проявлением радости, так что я полагал, что если делаю всё правильно, и помогаю людям обрести смысл и удовольствие от их работы, то на рабочем месте будет звучать смех. Смех также является хорошим показателем, что люди не воспринимают себя слишком серьёзно.

Когда я был заместителем генерального прокурора, то как часть того поиска радости и удовольствия, иногда организовывал нечто вроде туризма для персонала. К примеру, если я направлялся на большое совещание в Белом доме, то стремился взять одного из своих сотрудников, которые там ещё не бывали. Обычно для них это было весёлым развлечением. Однажды всё чуть не пошло ужасно не так.

Одной из главных инициатив президента Буша был поиск не противоречащих закону путей предоставления различными министерствами и агентствами грантов группам верующих. В большинстве агентств, таких как Министерство юстиции, было управление, посвящённое этой религиозной инициативе. В 2004 году президент Буш созвал руководителей этих министерств, чтобы те дали ему отчёт о своих успехах. Я должен был присутствовать от имени Юстиции. Незадолго до этого совещания я узнал, что каждый «основной» участник совещания — каковым я являлся — мог привести «плюс одного», что означало, сотрудника для своей поддержки.

Я хорошо знал нашу религиозную работу, так что мне не нужен был плюс один, но мне пришло в голову, что Боб Троно, один из моих наиболее ценных сотрудников, никогда не был на совещании в Белом доме. Боб был федеральным прокурором вместе со мной в Ричмонде, и вёл дело Леонидаса Янга, включая судебное преследование молодого священника, солгавшего ради мэра Янга. Я предложил ему переехать в Вашингтон и помочь мне в надзоре над Службой маршалов Соединённых Штатов и Федеральным

управлением тюрем. Они были принципиально важными частями Министерства юстиции, но редко привлекали внимание Белого дома. Я подумал, что ему будет приятно получить шанс оказаться там.

Однако, когда я предложил эту идею, Боб её не прочувствовал. Он ничего не знал об этих религиозных усилиях — буквально, ничего — и ему было неуютно отправляться на брифинг с президентом Соединённых Штатов на эту тему. Я ответил, что говорить буду я, и мне не нужна была его помощь. После дополнительных протестов и заверений, он с неохотой согласился. «Не волнуйся», — сказал я. — «Я разберусь. Я не собираюсь поиметь тебя».

Боба, кроме меня, поимели две вещи. Во-первых, перед самым началом совещания на религиозную тему, меня неожиданно вызвали в Белый дом на заседание в Ситуационный центр, продлившееся дольше, чем я ожидал. Во-вторых, президент Буш, которого не было со мной в Ситуационном центре, продолжил свою тревожную тенденцию начинать совещания раньше времени. Это было не столь разрушительным, как пресловутые опоздания президента Клинтона, но то, что президент иногда начинал раньше, означало, что всем приходилось появляться сильно заранее. Вскоре после того, как стал заместителем генерального прокурора, я пропустил утренний брифинг с президентом по терроризму, потому что прибыв за пятнадцать минут, решил сходить в уборную прямо рядом с Овальным кабинетом (известную в моей семье как «самый высокий в стране горшок»), а когда вернулся, дверь Овального кабинета уже была закрыта, и совещание было в разгаре. Я понятия не имел, каков протокол для входа на идущее в Овальном кабинете совещание, а я был новеньким, так что не стал пробовать. Я ушёл.

Нервничавший Боб нашёл стул у стены в комнате Рузвельта, подальше от действия. Он видел пустое место за столом, где на обеих сторонах треугольной «палаточной карточки» было написано моё имя. И верный себе Джордж У. Буш с нетерпеливым видом раньше срока вошёл в комнату. Бедный Боб.

Буш мог быть нетерпеливым, и меня сводило с ума, что он всё начинал раньше срока, но меня поражало его острое, а иногда дьявольское, чувство юмора. В тот 2004 год он находился в самой гуще борьбы за переизбрание с демократом Джоном Керри, долбившем его за осуществление того, что Керри называл «безработным» экономическим подъёмом.

В одно из наших ежедневных утренних заседаний по терроризму с президентом, директор ФБР Боб Мюллер рассказал ему, что подозреваемый агент Аль-Каиды по имени Бабар, за которым мы внимательно следили, только что получил в Нью-Йорке вторую работу.

Мюллер, не обладавший славой комика, затем выждал паузу, повернул ко мне голову и произнёс: «И тогда Джим сказал...»

Буш посмотрел на меня, как и вице-президент Чейни. Я замер. Перед заседанием мы с Мюллером обсуждали вторую работу Бабара, и я сказал директору ФБР шутку, которую не ожидал, что придётся повторять президенту, который иногда проявлял вспыльчивость.

Время замедлилось. Я не отвечал.

Президент подтолкнул меня: «Что ты сказал, Джим?»

Я выждал паузу, а затем испуганно нырнул с головой: «Кто сказал, что вы не создали новых рабочих мест? У этого парня их два».

К моему огромному облегчению, Буш искренне рассмеялся. В отличие от Чейни. По пути из Овального кабинета я дёрнул Мюллера за руку.

— Ты убиваешь меня, — с улыбкой произнёс я. — Больше никогда так не делай.

— Но она была забавная, — ответил он с гримасой, считавшейся у него улыбкой. Боб не был шутником, и его строгая манера вести себя пугала большинство людей. В Бюро ходили слухи, что вскоре после 11 сентября он делал операцию на колене и отказался от анестезии, предпочтя прикусить кожаный ремень. Но я повидал достаточно, чтобы знать, что он обладает сухим и слегка чёрным чувством юмора. Которое и наблюдал теперь.

— А ещё личная, Боб. Это была шутка между нами. — Он понял, хотя по-прежнему считал, что это было забавно. На таком расстоянии я вижу, что он был прав.

Одним холодным зимним утром, когда город покрылся свежевыпавшим снегом, я наблюдал дьявольскую сторону президента Буша. Тем морозным утром Буш сидел в своём обычном кресле, спиной к камину, рядом с дедушкиными часами. По всей видимости, президент собирался куда-то отправиться на «Марин Один»[20], так что, как водится, репортёры в зимних куртках толпились снаружи возле Розового сада, чтобы снять его отлёт.

Едва я начал посвящать президента в детали одного дела о терроризме, как услышал звук его приближающегося вертолёт. Звук стал громче. Президент с каменным лицом поднял руку. «Джим, подожди минутку», — сказал он.

Он держал руку поднятой, чтобы я выждал паузу, слегка повернулся в кресле и посмотрел в окно на Южную лужайку, где собрался пресс-корпус. Я повернулся проследить за его взглядом и наблюдал, как опускавшийся вертолёт поднял с земли клубы снега, вызвав пургу, укутавшую в снег всех репортёров. Некоторые из них стали похожи на снеговиков. Растерянных снеговиков. Без абсолютно какого-либо выражения на лице, Буш снова повернулся ко мне, опуская руку. «Окей, продолжай», — сказал он.

Возможно, у Буша была немного скверная черта — ему явно понравилась та сцена — но он понимал, что юмор имеет важное значение для того сложного дела с высокими ставками, которым мы занимались. Одну минуту мы с полной серьёзностью могли говорить о терроризме, а в следующую наполнить Овальный кабинет смехом. Это был единственный способ справиться с этой работой — намеренно привнести в неё немного веселья и радости. Но в тот день в Белом доме мой друг Боб Троно не нашёл ничего радостного или забавного в своей встрече с президентом.

— Кого мы ждём? — спросил Буш, войдя в комнату Рузвельта за пять минут до назначенного времени.

Кто-то ответил, что Коми был внизу в Ситуационном центре.

— Джим сможет подключиться, когда появится здесь, — сказал Буш. — Давайте начнём.

Боб почувствовал, как по шее стекает струйка пота. Сопровождение прошлось маршем по различным министерствам, пока их главы проводили брифинги для президента. Департамент труда. Министерство жилищного строительства и городского развития. Министерство образования. Министерство сельского хозяйства. Моё место пустовало. В ушах у Боба начало звенеть, когда он понял, что не знает ничего даже для того, чтобы поведать президенту чушь собачью. Ни чуши, ни собачьей. Министерство по делам ветеранов. Министерство здравоохранения и социальных служб. У него плыла голова; он сквозь костюм чувствовал, как бьётся сердце. Министерство торговли. Управление малого бизнеса. Капли пота сзади у него на шее уже просочились сквозь воротник. Затем дверь распахнулась, и я ворвался, словно кавалерия.

— Эй, Джим, как раз вовремя, — сказал Буш. — Я как раз собирался перейти к Юстиции.

Я сел и выдал свой рассказ, президент поблагодарил всех за то, что пришли, и встреча закончилась. Боб не казался счастливым. «Я убью тебя», — прошептал он.

* * *

Хотя, может у меня и было отличное от большинства представление о «веселье», в Министерстве юстиции были отдельные части, ставшие чёрными дырами, в которых вся радость умирала. Места, где моральный дух был настолько низок, а боевые шрамы от бюрократических препирательств с другими министерствами и Белым домом столь глубоки, что мы были на грани потери некоторых из своих лучших, наиболее способных юристов. Одним из этих мест являлась Юрисконсультская служба Министерства юстиции,

своего рода Верховный суд внутри исполнительной власти. Его одарённым юристам — которых я зачастую описывал как тёмный и изолированный монашеский орден — задают самые сложные юридические вопросы люди из других частей исполнительной власти. Их работой было хорошенько обдумать их, и вынести суждение о законности предлагаемых мер, принимая в расчёт заключения, которые уже делали по этой теме суды, Конгресс и ранее Юрисконсультская служба. Это было трудно, потому что зачастую у них было слишком мало времени для формирования заключения. И было ещё труднее, когда тема была засекречена, ограничивая их возможность обсудить её с коллегами.

Главой этой службы являлся Джек Голдсмит. Он был бывшим профессором права, и в целом жизнерадостным человеком с лицом херувима. Но спустя лишь четыре месяца на своей должности, его список проблем начал затуманивать то херувимское сияние. Он унаследовал свод юридических заключений, написанных его предшественниками впопыхах и под огромным давлением сразу после атак 11 сентября 2001 года. Те юристы подтвердили законность агрессивных контртеррористических действий Центрального Разведывательного Управления и Агентства Национальной Безопасности. Президент и разведывательное сообщество больше двух лет полагались на те заключения. Голдсмит пришёл к выводу, что эти заключения во многих местах были в корне неверны. И споры вокруг них внутри администрации Буша становились неприятными.

Первоочередной заботой Голдсмита являлась сверхсекретная программа АНБ под кодовым названием «Звёздный Ветер». Голдсмит совместно с ещё одним блестящим юристом министерства по имени Патрик Филбин пришли к заключению, что «Звёздный Ветер», программа АНБ по слежке внутри Соединённых Штатов за подозреваемыми в терроризме и гражданами без необходимости получения судебного ордера, была санкционирована их предшественниками на сомнительном с правовой точки зрения основании. Между тем, вся администрация Буша стала полагаться на эту программу, как на источник разведанных в борьбе с терроризмом. Что Буш, похоже, не знал, так это то, что АНБ оказалась вовлечена в деятельность, выходящую за рамки санкционированного, даже за рамки сомнительного с правовой точки зрения, и которую Голдсмит с Филбином посчитали откровенно незаконной.

Я понимал настоятельную необходимость этих действий. Прошло всего два года с террористических атак 11 сентября, когда три тысячи невинных людей были убиты в нашей стране одним ясным голубым утром. Тот день изменил нашу страну и изменил жизни всех нас в правительстве. Мы поклялись сделать всё, что можно, чтобы предотвратить повторение подобных потерь. Мы изменим правительство, реорганизуем ФБР, разрушим барьеры, получим новые инструменты и соединим звенья, всё для того, чтобы избежать боли столь ужасающей, что практически не поддаётся описанию. Я стал окружным прокурором Соединённых Штатов на Манхэттене, когда Граунд-Зиро, где погибли тысячи, всё ещё дымился. Поздно вечером я стоял у ограды и наблюдал, как пожарные просеивают землю в поисках тех потерь. Никому не нужно было рассказывать мне, как упорно нам надо бороться с терроризмом, но я также понимал, что мы должны

делать это правильно. По закону.

Голдсмит и Филбин поделились своей озабоченностью с Белым домом — где главными контактными лицами были советник президента Альберто Гонсалес и советник вице-президента Дэвид Эддингтон. Из них двоих Эддингтон был доминирующей силой. Это был высокий бородатый юрист с громогласным голосом и лёгким намёком на южный акцент. По философскому подходу к жизни и темпераменту он являлся отражением вице-президента Чейни. Он терпеть не мог дураков, и обладал расширенным определением попадавших в эту категорию. После того как разъярили Эддингтона, рассказав ему, что правовая основа программы рушилась на части, Голдсмит и Филбин затем попытались убедить его, что мне, новому заместителю генерального прокурора, следует рассказать о — или «посвятить в» — программе «Звёздный Ветер», чтобы я мог увидеть, что происходит.

Эддингтон отчаянно этому сопротивлялся. С тех пор как программа была испытана и одобрена, он преуспел к сведению к абсолютному минимуму числа тех, кто знал детали программы — может пара дюжин людей во всём правительстве США. Лишь четыре человека из всего Министерства юстиции ранее были включены в эту программу, и в их число не входил мой предшественник на посту заместителя генерального прокурора. Для деятельности подобной чрезвычайной важности, что испытывала пределы закона, столь малый круг посвящённых был необычным, если не беспрецедентным. Эддингтон даже договорился о том, что документы по программе станут храниться вне обычного процесса для президентского архива. Он — юрист вице-президента — хранил распоряжения с подписью президента в сейфе в своём кабинете. В конечном счёте, и лишь после значительного нажима, Эддингтон уступил, и позволил ввести меня в курс дела.

В середине февраля 2004 года я оказался в защищённом конференц-зале Министерства юстиции вместе с директором Агентства Национальной Безопасности, генералом военно-воздушных сил Майклом Хайденом, получая от него долгожданный брифинг по совершенно секретной программе слежки. Хайден был безукоризненно одетым приятным человеком в очках в проволочной оправе и лысой головой, обладавшим талантом к народным изречениям и упоминаниям «Питтсбург Стилэрз»[21]. Когда мы сели за стол, генерал произнёс вступительную часть, которую я никогда не забуду. «Я так рад, что вас посвящают в эту программу», — сказал он, — «так что когда Джон Керри станет избранным президентом, я не буду одинок за зелёным столом».

Упоминание дачи свидетельских показаний в Конгрессе за столом зачастую зелёного цвета было неприятным. Что такое собирался поведать мне этот человек, заставившее его выразить радость, что я буду рядом, когда конгресс начнёт поджаривать его после прихода нового президента? И какого лешего он говорит такое второе по рангу должностному лицу Министерства юстиции Соединённых Штатов? У меня хватило времени лишь на то, чтобы задать себе эти вопросы, так как генерал Хайден прямоком приступил к своему брифингу. Его способ смешения народных афоризмов с жаргоном

АНБ одновременно был забавным и убедительным. Проблема, как быстро я понял, заключалась в том, что его брифинги являлись потоком по-настоящему здорово звучащего материала, терявшего всякий смысл, как только брифинг был окончен, и вы пытались собрать воедино только что услышанное.

После ухода Хайдена мои коллеги по Министерству юстиции Джек Голдсмит и Патрик Филбин заметно выдохнули. Затем они объяснили мне, каким образом на самом деле работала эта программа слежки, и почему по большей части она была абсолютно провальной, как с точки зрения закона, так и с точки зрения практики. Они утверждали, что АНБ делает вещи, не имевшие правовой основы, потому что они не соответствовали принятому поколением назад Конгрессом закону, регулировавшему электронную слежку внутри Соединённых Штатов. Президент нарушал тот статут, одобряя слежку. К тому же, АНБ делала другие вещи, которых не было даже в президентских указах, так что совсем никто не одобрял их. Это не было провалом генерала Хайдена. Он не был юристом или технологом, и, как и генеральный прокурор Эшкрофт — которому было запрещено обсуждать программу даже со своими сотрудниками — Хайден был строго ограничен в том, с кем он мог консультироваться по этой программе. Программа была принята в качестве краткосрочного ответа на чрезвычайное положение, потому что даже Эддингтон знал, что это была чрезмерная трактовка президентской власти, так что президентские указы принимались на короткие периоды времени, обычно около шести недель. Данный президентский указ истекал 11 марта. Голдсмит сказал Белому дому, что не может поддержать его очередное одобрение.

Учитывая то, что я знал, я должен был убедиться, что у моего босса есть все факты. Много раз за прошедшие два с лишним года Эшкрофт одобрял «Звёздный ветер», и он должен был знать, что это была ошибка, которая не могла больше продолжаться. В четверг 4 марта 2004 года я наедине встретился с генеральным прокурором Эшкрофтом, чтобы детально рассказать о связанных с этой программой проблемах, и почему мы не можем одобрить очередное продление. Мы отобедали вместе за маленьким столиком в его кабинете. Я принёс с собой купленный в магазине завернутый в бумагу сэндвич. (Это то ли была индейка, то ли тунец. Я так занят был в те дни, что дал деньги своей помощнице Линде Лонг вместе с поручением постоянно чередовать эти два сэндвича). У генерального прокурора была более прихотливая сервировка от его повара, что было замечательно, так как мне понадобились солонка, перечница и столовое серебро для изображения частей программы. Я показал ему, в поддержку каких частей мы могли бы привести разумные доводы, а каких просто не могли, и они должны быть прекращены или изменены. Эшкрофт внимательно слушал. В конце обеда он сказал, что этот анализ показался ему логичным, и нам следует изменить программу, чтобы та соответствовала закону. Я сказал ему, что мы держим Белый дом в курсе, и теперь я выйду и всё сделаю, опираясь на его полномочия.

После нашего обеда Эшкрофт направился в офис генерального прокурора Соединённых Штатов по ту сторону Потوماка в Александрии, чтобы провести пресс-конференцию. Но у

него не получилось. Он упал, и был поспешно доставлен в Университетскую клинику Джорджа Вашингтона в округе Колумбия с острым панкреатитом, чрезвычайно болезненным состоянием, которое даже может привести к смерти. В это время я направлялся коммерческим рейсом в Финикс на правительственное совещание. Я узнал о состоянии генерального прокурора, едва сойдя с самолёта. Мой руководитель аппарата, Чак Розенберг, позвонил сказать мне, что поскольку Эшкрофт недееспособен, то я теперь исполняю обязанности генерального прокурора, и должен вернуться в Вашингтон. Они направляли правительственный самолёт, чтобы забрать меня.

Вернувшись в Вашингтон, я в пятницу встретился с Голдсмитом и Филбином. Они озвучили Белому дому позицию Министерства юстиции. Датой продления было 11 марта, через неделю, и мы не собирались поддерживать продление программы в текущем её виде. Голдсмита в выходные вызвали на встречу с Гонсалесом и Эддингтоном, но не было достигнуто никакого прогресса. Гонсалес, как обычно, был добрым. Эддингтон, как обычно, был злым. Никто из них не смог объяснить Голдсмиту, в чём мы ошибались. Голдсмит также проинформировал их, что я принял обязанности генерального прокурора.

Во вторник 9 марта меня вызвали на совещание в офис руководителя аппарата Белого дома Эндрю Карда. Кард был приятным человеком, обычно тихо сидевшим на совещаниях, на которых я присутствовал. Он видел свою роль в том, чтобы обеспечить работу процесса поддержки президента. Он не был советником, по крайней мере, не на моей памяти. Со мной были Голдсмит и Филбин. Председательствовал вице-президент. Он сидел во главе стола переговоров. Мне предложили сесть сразу слева от него. За столом также были генерал Хайден, Кард, Гонсалес, директор ФБР Боб Мюллер и высокопоставленные сотрудники ЦРУ. Кресла Голдсмита и Филбина оказались в дальнем конце, слева от меня. Дэвид Эддингтон стоял, прислонившись к подоконнику позади стола.

Первая часть встречи совещания собой презентацию персонала АНБ, которые при помощи диаграмм демонстрировали мне, насколько ценной была эта программа слежки в связи с продолжающимся заговором Аль-Каиды в Соединённом Королевстве. Собранная разведывательная информация позволила составить схему связей между членами террористической ячейки. Это было важным делом. Конечно же, я достаточно знал эту тему, чтобы серьёзно сомневаться, нужна ли была эта программа АНБ, чтобы обнаружить те связи, учитывая другие правовые инструменты, которыми мы обладали. Тем не менее, я ничего не сказал. Наша озабоченность касалась не полезности этой программы. Это было другим решать; нашей работой было убедиться, что эта программа имела приемлемую правовую основу.

После того как аналитики скатали свои диаграммы и покинули комнату, слово взял вице-президент. Мы с ним сидели достаточно близко, чтобы касаться друг друга коленями, а Эддингтон находился вне поля зрения позади Чейни. Вице-президент тяжело посмотрел на меня и сказал, что как ясно я могу видеть, эта программа очень важна. На самом деле

он сказал: «Тысячи людей могут погибнуть из-за того, что вы делаете».

Казалось, что в комнате стало не хватать воздуха. Очевидно, целью этого заседания было надавить на меня, хотя никто прямо этого не говорил. Чтобы вице-президент Соединённых Штатов обвинил меня в опрометчивом провоцировании нового 11 сентября — даже, кажется, предполагая, что я делаю это намеренно — это было оглушающе.

Он не хотел слышать другую сторону. Похоже, он не принимал очевидную истину о том, что есть другая сторона. Для него, он был прав, а все остальные ошибались, а кучка безвольных и, скорее всего, либеральных юристов не собиралась говорить ему обратное. Моя голова плыла, от гнева кровь прилила к щекам, но я восстановил самообладание.

— Это мне не помогает, — сказал я. — Это портит мне настроение, но не меняет правового анализа. Я принимаю то, что вы говорите о её важности. Наша работа заключается в том, чтобы сказать, что закон может поддержать, а он не может поддержать эту программу в том виде, в каком она есть.

Затем Чейни выразил разочарование, что было совершенно справедливо. Он указал, что Юрисконсультская служба Министерства юстиции в 2001 году написала докладную в поддержку программы, и что генеральный прокурор за прошедшие два с половиной года неоднократно подтверждал законность программы. «Как вы теперь можете менять позицию по чему-то столь важному?» — спросил он.

Я сочувствовал ему, и сказал ему об этом, но добавил, что мнение 2001 года было настолько плохим, что являлось «номинально недействительным». Я сказал: «Ни один юрист не смог бы опереться на него». Со стороны подоконника послышался резкий голос Эддингтона: «Я юрист, и я смог».

Я не нарушал зрительный контакт с вице-президентом. «Ни один хороший юрист», — добавил я.

Для меня была несвойственна подобная недоброжелательность. Но Эддингтон напомнил мне кое-кого. Он вёл себя как задира, в определённом смысле не сильно отличаясь от тех ребят, что дразнили меня в школе, или даже от меня, когда я громил комнату того бедного новичка в колледже. Мне это не нравилось. Я жил в индивидуальном окопе с Голдсмитом и Филбином те недолгие несколько месяцев, что был ЗГП. Я видел влияние угроз и издевательств Эддингтона на этих измученных глубоко порядочных людей. По моему мнению, его заносчивость являлась причиной того, что мы оказались в подобной неприятной ситуации, а эти два парня были по-настоящему хорошими людьми. С меня было достаточно. Я был недоброжелательным. Неудивительно, что встреча вскоре после этого подошла к концу, и решение так и не было принято.

Руководитель аппарата генерального прокурора Эшкрофта Дэвид Айрес постоянно

информировал меня о состоянии нашего босса. Ситуация была мрачной. Он испытывал ужасную боль в реанимации, с болезнью, которая в тяжёлых случаях вроде его могла вызвать отказ органов и смерть. Доктора прооперировали его в тот самый день, когда я встречался с вице-президентом.

Та среда была удивительно тихой на фронте «Звёздного Ветра», несмотря на тот факт, что действовавший ордер истекал на следующий день. А затем в конце дня позвонил Айрес, чтобы передать срочное сообщение Джанет Эшкрофт — Энди Кард с Элом Гонсалесом планировали обойти меня. Они были на пути в клинику, и мне нужно было понять, что делать.

По дороге в Университетскую клинику Джорджа Вашингтона я позвонил своему руководителю аппарата Чаку Розенбергу. Я глубоко доверял ему и его суждениям. Я рассказал ему, что происходит, и попросил приехать в клинику. Затем я добавил: «Возьми как можно больше наших людей». Не уверен, почему, но думаю, что это сработал инстинкт с тех времён, когда я был федеральным прокурором на Манхэттене. Когда прокурор боролся в суде, в те дни раздавался клич: «Все в зал суда Х». Получив это сообщение, все мы встаём из-за своих столов и идём, понятия не имея, о чём речь. Один из наших коллег нуждался в нашей поддержке, так что мы шли.

Каким бы ни был источник моего инстинкта, Чак Розенберг дал ему жизнь. Он побежал к моим сотрудникам, и вскоре дюжина юристов направлялась в клинику, понятия не имея, зачем едут, кроме того, что нужны были мне там. После этого я позвонил директору ФБР Бобу Мюллеру, который был в ресторане с женой и одним из детей. Я хотел, чтобы Боб Мюллер был свидетелем происходящего. Мюллер и я не были особо близки и никогда не виделись, кроме как на работе, но я знал, что Боб понимал и уважал нашу правовую позицию, и глубоко заботился о верховенстве права. Вся его жизнь была посвящена тому, чтобы всё делать правильно. Когда я поведал ему, что происходит, он сказал, что немедленно будет там.

Моя машина с визгом остановилась на подъездной дорожке клиники. Я выскочил из неё и побежал по ступенькам на этаж Эшкрофта, с облегчением узнав, что прибыл до Карда и Гонсалеса. Реанимационная палата Эшкрофта находилась в конце коридора, из которого убрали других пациентов. В тускло освещённом холле находились лишь с полдюжины агентов ФБР в костюмах для защиты генерального прокурора. Я кивнул агентам и сразу направился в палату Эшкрофта. Он лежал на кровати, накачанный сильными лекарствами. Его кожа была серой, и, казалось, он не узнаёт меня. Я приложил все усилия, чтобы рассказать ему, что происходит, и напомнить, что это касалось той темы, которую мы обсуждали за обедом перед тем, как он заболел. Не могу сказать, понял ли он что-нибудь из того, что я говорил.

Затем я вышел в холл и поговорил с ведущим агентом ФБР по охране Эшкрофта. Я знал, что Кард и Гонсалес придут с охраной из Секретной службы и, сколь невероятным

кажется это сейчас, опасался, что они могут попробовать принудительно удалить меня, чтобы поговорить с Эшкрофтом наедине. Стоя рядом со специальным агентом ФБР, я снова позвонил Бобу Мюллеру на мобильный. Он был в дороге.

«Боб», — сказал я, — «мне нужно, чтобы ты приказал своим агентам ни при каких обстоятельствах не позволять выводить меня из палаты Эшкрофта».

Мюллер попросил меня передать телефон агенту. Я подождал, пока агент выслушает, твёрдо ответит «Да, сэр», и вернёт телефон.

Агент посмотрел на меня стальным взглядом. — «Сэр, вы не покинете эту палату. Это наша сцена».

Я вернулся в палату Эшкрофта. К этому моменту ко мне присоединились Голдсмит и Филбин. Я сел в кресло справа от постели Эшкрофта, глядя на левую сторону его головы. Он лежал с закрытыми глазами. Голдсмит и Филбин стали позади меня. В то время я этого не знал, но у Голдсмита в руке была ручка, чтобы сделать подробные записи всего, что он видел и слышал. Джанет Эшкрофт стояла у дальнего конца кровати, держа правую руку находившегося в полубессознательном состоянии мужа. Мы молча ждали.

Спустя несколько минут, дверь больничной палаты открылась, и вошли Гонсалес с Кардом. Гонсалес держал у пояса манильский конверт[22]. Двое мужчин, оба одни из ближайших доверенных лиц президента Буша, остановились с моей стороны кровати, у левой ноги Эшкрофта. Я мог бы протянуть руку и коснуться их. Помню, как я думал, что могу сделать, если они попытаются подsunуть Эшкрофту что-то на подпись. Но то, что эта мысль вообще приходила мне в голову, казалось безумством. Я действительно собирался биться на кулаках с этими людьми у кровати генерального прокурора?

Гонсалес заговорил первым: «Как вы, генерал?»

«Не очень», — пробормотал Эшкрофт советнику Белого дома.

Затем Гонсалес начал объяснять, что они с Кардом находились здесь по поручению президента, касавшегося жизненно важной программы национальной безопасности, что было необходимо, чтобы программа продолжалась, что они провели брифинг с руководством Конгресса, которое поняло ценность этой программы, хочет её продолжения, и желает сотрудничать с нами, чтобы снять все правовые вопросы. Затем он сделал паузу.

И тут Джон Эшкрофт сделал нечто, удивившее меня. Он на локтях приподнялся на кровати. Его усталый взгляд был прикован к людям президента, и он открыл беглый огонь по Карду и Гонсалесу. Он сказал, что его ввели в заблуждение насчёт рамок программы слежки. Он высказался, что ему давно отказали в правовой поддержке, в которой он

нуждался, своими требованиями к сокращению числа «посвящённых». Затем он сказал, что теперь, когда он это понимает, у него есть серьёзная обеспокоенность в отношении правовой основы частей программы. Выбившись из сил, он откинулся на подушку, тяжело дыша. «Но сейчас это не имеет значения», — сказал он, — «потому что я не генеральный прокурор». — Вытянутым пальцем дрожащей левой руки он указал на меня. — «Вот генеральный прокурор».

Палата погрузилась в тишину на несколько ударов сердца. Наконец, Гонсалес произнёс два слова: «Будьте здоровы».

Не глядя на меня, двое мужчин повернулись к двери. Когда их головы отвернулись, Джанет Эшкрофт сморщила лицо и высунула им вслед язык.

Примерно пять минут спустя, после того, как Кард и Гонсалес покинули здание, в палату вошёл Боб Мюллер. Он наклонился и очень лично заговорил с Эшкрофтом — настолько лично, что очень удивил бы всех, хорошо знавших стоического Мюллера.

— В жизни каждого человека настанет время, когда Господь испытывает его, — сказал он Эшкрофту. — Сегодня вечером ты прошёл своё испытание. — Эшкрофт не ответил. Как тем вечером записал у себя Мюллер, он обнаружил генерального прокурора «ослабленным, едва способным говорить, и явно напряжённым».

Этот момент тяжело подействовал на меня. Моё сердце бешено стучало. Я ощущал лёгкое головокружение. Но услышав ласковые слова Боба Мюллера, я готов был расплакаться. Закон восторжествовал.

Но Гонсалес с Кардом ещё не закончили со мной. Один из агентов позвал меня во временный командный центр, устроенный ФБР в соседней палате. Кард был на телефоне, и руководитель аппарата президента, всё ещё на взводе после общения с Эшкрофтом, был зол. Он приказал мне немедленно ехать к нему в Белый дом.

Я был настолько раздражён попыткой манипулировать больным, возможно умирающим человеком, чтобы нарушить закон, что больше не мог сдерживаться. — «После того поведения, свидетелем которого я только что был», — сказал я Карду, — «я не буду встречаться с вами без свидетелей».

Он распалился. — «Какого поведения?» — запротестовал он. — «Мы там были, лишь чтобы пожелать ему выздоровления».

Эта ложь была ядом, но я не собирался отвечать на вызов. Я снова повторил, медленно и спокойно: «После того поведения, свидетелем которого я только что был, я не буду встречаться с вами без свидетелей». — И затем добавил, так как это только что пришло мне на ум, — «и я имею в виду, что этим свидетелем будет генеральный солиситор[23]

Соединённых Штатов».

— Вы отказываетесь приехать в Белый дом? — спросил явно растерявшийся Кард.

— Нет, сэр. Я приеду, как только смогу связаться с генеральным солиситором, чтобы он поехал со мной. — Звонок был завершён. Я подумал о Теде Олсоне, генеральном солиситоре, по той же причине, по которой ранее подумал о Бобе Мюллере. Как и с Бобом, мы с Тедом не были друзьями, но я любил и уважал его; что важнее, как и президент с вице-президентом. Мне нужен был его авторитет, его вес у них. Я также не сомневался, что он увидит те же правовые вопросы, что и мы, если вице-президент пустит его в круг. Я позвонил Олсону, который также был на ужине. Он согласился немедленно встретиться со мной в Министерстве юстиции, и сопроводить в Белый дом.

Вскоре после 11 часов вечера, когда начал накрапывать лёгкий дождик, мы с генеральным солиситором ехали в Белый дом в бронированном автомобиле службы маршалов США. Мы прошли по ковровой лестнице в офис Карда в Западном крыле, в нескольких шагах от Овального кабинета, где Кард встретил нас у своей двери, попросив Теда Олсона подождать снаружи, пока он переговорит со мной. Кард выглядел успокоившимся, так что мои инстинкты подсказали мне не упираться, чтобы Олсон находился в комнате.

Едва мы оказались наедине, Кард начал с того, что выразил надежду, что все успокоятся. Он сказал, что слышал «разговоры об отставках». Позже я узнал, что Джек Голдсмит попросил своего заместителя, который, как и большинство других, не был посвящён в программу, подготовить для него прошение об отставке. Заместитель предупредил друга в Белом доме, который очевидно проинформировал Карда. Руководитель аппарата мог предвидеть надвигающуюся катастрофу в виде разрушительных заголовков и политического скандала в год выборов.

— Не думаю, что люди вообще должны угрожать уйти в отставку, чтобы добиться своего, — ответил я. — Вместо этого, — продолжил я, — им следует упорно работать, чтобы добиться чего-либо правильного по существу дела. Если они этого не могут, и проблема достаточно важна, тогда им следует уйти.

Дверь в кабинет Карда открылась. Вошёл Гонсалес. Он видел сидевшего снаружи Олсона, и пригласил его тоже в кабинет Карда. Мы вчетвером сидели и спокойно обсуждали состояние дел. Мы не пришли ни к какому соглашению, и они не объяснили, что делали у постели Эшкрофта, но эмоциональный накал спал. Мы прервались.

* * *

Годы спустя я услышал, как перенёс ту ночь мой персонал, когда столь многие из них узнали, что происходит что-то плохое, и понеслись в клинику, не зная, что на самом деле происходит. Чак Розенберг, мой руководитель аппарата, бродил по улицам вокруг клиники, но не смог найти свою машину. Он выскочил из неё и побежал в клинику, чтобы быть со мной. В спешке он не запомнил, где припарковался. В 2:30 утра он взял такси домой. Розенберг не пил алкоголь, так что его жена была озадачена его неспособностью отыскать свой автомобиль. Таинственность лишь усугубилась его объяснением, что «возможно, когда-нибудь я смогу рассказать тебе». Прошли годы, прежде чем она узнала эту историю. К счастью, на следующий день на рассвете он нашёл семейный автомобиль.

Рассказ заместителя руководителя аппарата Дон Бёртон — мой самый любимый. Около 7 часов вечера, когда босс покинул офис на ночь, она отмечалась на работе вместе с другими сотрудниками в зале на четвёртом этаже, пытаясь собрать компанию, чтобы сходить выпить. После того, как ей неоднократно ответили, что все слишком заняты, она вернулась в свой кабинет, чтобы продолжить работу. Вскоре в её кабинет ворвался один из коллег со словами: «Хватай куртку, и встречаемся в гараже». «Да!» — крикнула она, и поспешила в гараж. Там её засунули на заднее сиденье набитой сотрудниками машины, и они отправились в мучительную, но безмолвную поездку в Университетскую клинику Джорджа Вашингтона. Она закончила тем, что расхаживала вместе с коллегами по коридору от палаты Эшкрофта, понятия не имея, зачем они здесь. Она сделала последнюю попытку организовать выпивку, когда группа один за другим покидала клинику, но той ночью никому было не до веселья.

Когда я наконец добрался до дома в ранние утренние часы четверга 11 марта, в доме было темно и тихо. Патрис и пятеро детей давно спали. Патрис знала, что я несколько дней пытался справиться с очень сложной проблемой, включая серьёзный конфликт с Белым домом. Я не мог ей всё рассказать, потому что любой разговор на секретные темы требовал, чтобы у обоих участников были соответствующий допуск и рабочая необходимость в этой информации. У неё не было ни того, ни другого. Эта отдалённость от семьи и ближайших друзей добавляла мне стресса, как это бывает у многих пар, вовлечённых в секретную работу. Я мало спал и был глубоко обеспокоен, хотя она не знала причину этого. Я направился на кухню перехватить снэк. Патрис распечатала выдержку из моей речи на слушаниях по утверждению в Сенате — менее чем шестью месяцами ранее. Она с детьми в тот день сидела позади меня, когда сенаторы давили на меня на тему того, как в качестве заместителя генерального прокурора я буду справляться с конфликтами с Белым домом. Контекстом их вопросов являлось, как я буду вести политически спорные расследования, но она прилепила часть моего ответа на дверь холодильника:

Меня не волнует политика. Меня не волнует целесообразность. Меня не волнует дружба.

Меня волнует поступать правильно. И я никогда не стану частью чего-то, что считаю фундаментально неверным. Я имею в виду, очевидно, что все мы принимаем политические решения, с которыми люди не согласны, но я буду поступать правильно.

Я проснулся всего через несколько часов, чтобы узнать новости о том, что ночью в Мадриде террористы атаковали пригородные поезда. День был посвящён тем ужасным нападениям и нашим усилиям, совместно с ЦРУ и другими разведывательными агентствами, выяснить, была ли серьёзная угроза схожего сюжета в нашей собственной стране. Мы заранее встретились в штаб-квартире ФБР, а затем с директором Мюллером поехали на брифинг в Овальном кабинете по угрозам. Мы встретились с президентом, вице-президентом, и их старшими должностными лицами. Никто не упоминал о «Звёздном Ветре».

После брифинга я остановил в коридоре Фрэн Таунсенд. Я знал Фрэн с тех дней, когда мы были прокурорами в Нью-Йорке. Теперь она служила заместителем советника по национальной безопасности Конди Райс. Райс не было на той встрече с вице-президентом во вторник. Было ли возможно, что советник по национальной безопасности не была посвящена в программу «Звёздный ветер»? Если её посвятили сейчас, гадал я, не могла ли она стать голосом разума?

Я сказал Таунсенд, что хотел бы назвать ей термин, и мне необходимо знать, узнает ли этот термин её босс. Фрэн выглядела озадаченной, но я наседаю. «Звёздный Ветер», — сказал я. — «Мне нужно знать, знаком ли ей этот термин». Она ответила, что выяснит. Позже в тот день Таунсенд позвонила мне сказать, что её босс знала этот термин, была полностью в курсе, и ей нечего было добавить. Я не получу помощи от Райс.

Когда я вернулся в Министерство юстиции, Голдсмит и Филбин подтвердили, что Белый дом замолчал на тему «Звёздного Ветра». Мы ждали. Позже днём они вдвоём пришли ко мне. Президент продлил действие программы, несмотря на наши предупреждения. В новом указе были некоторые существенные отличия. Строку для подписи генерального прокурора удалили, и заменили её строкой для подписи советника Белого дома Эла Гонсалеса. Эддингтон также добавил формулировку, чтобы одобрить действия АНБ, не покрывавшиеся его ранними проектами президентских указов.

Мы здесь закончили. Я знал, что это будет моя последняя ночь на правительственной службе. Как и у Боба Мюллера. Как и я, он не смог бы продолжать служить в администрации, собиравшейся приказывать ФБР принимать участие в не имевшей законных оснований деятельности.

Я набросал прошение об отставке и отправился домой, где рассказал Патрис, что увольняюсь на следующий день. И снова мне пришлось опустить подробности того,

почему.

Утро пятницы 12 марта было хмурым. Я встал и уехал до завтрака, так что не слышал, как Патрис сказала детям: «Возможно, у папы будет новая работа, но всё будет хорошо». Мы с Бобом Мюллером просмотрели ходатайства на нашем обычном утреннем заседании в штаб-квартире ФБР по террористическим угрозам, а затем вместе поехали в Белый дом на регулярный брифинг в Овальном кабинете по угрозам. Мы молча стояли, глядя в окно на Розовый сад, пока ждали, когда откроется дверь рядом с дедушкиными часами, чтобы присоединиться к утреннему президентскому брифингу. Я старался запомнить вид, который больше никогда не увижу. Дверь открылась.

Заседание казалось сюрреалистичным. Мы говорили о Мадриде, об Аль-Каиде, о чём угодно, кроме конфликтной ситуации, угрожавшей свалить администрацию. Затем мы встали и направились к двери. Мюллер шёл впереди. Я как раз огибал край дивана в нескольких шагах от двери, когда услышал голос президента.

— Джим, — произнёс президент, — найдёшь минутку поговорить?

Я вернулся, и президент Буш провёл меня через Овальный кабинет по короткому коридору в личную столовую президента. Мы сели за столом с одним стулом по каждой из четырёх сторон; президент сел спиной к окнам, а я занял ближайший к двери стул.

— Ты плохо выглядишь, — начал президент, с типичной прямоотой добавив, — Нам не нужно, чтобы кто-нибудь ещё свалился. — Один из моих коллег из другого агентства потерял сознание, выходя из Западного Крыла днём или около того ранее.

— Я мало спал, — признался я. — Ощущаю громадную ношу.

— Позволь мне снять эту ношу с твоих плеч, — сказал президент.

— Хотел бы я, чтобы вы могли, господин президент. Но вы не можете. Я ощущаю себя стоящим посреди железнодорожных путей. Приближается поезд, собирающийся переехать меня и мою карьеру, но я не могу сойти с путей.

— Почему?

— Потому что мы просто не можем найти ни одного разумного аргумента в поддержку частей программы «Звёздный Ветер».

Затем мы обсудили детали программы и её сомнительные части. Я закончил, сказав: «Мы просто не можем ручаться за её законность».

— Но я говорю, что есть закон для исполнительной власти, — ответил он.

— Вы, сэр. Но только я могу сказать, что Министерство юстиции может признать законным. А здесь мы не можем. Мы сделали всё, что могли, но, как сказал Мартин Лютер: 'Вот я стою здесь. Я не могу делать ничего другого'.

— Я просто хочу, чтобы ты не выплёскивал на нас эти возражения в последнюю минуту.

Я был в шоке. — «Господин Президент, если это то, что Вам сказали, то Ваши сотрудники ввели Вас в заблуждение. Мы несколько недель говорили им об этом».

Он сделал паузу, словно переваривая это открытие. — «Можешь просто дать мне время до 6 мая, чтобы я мог попытаться внести законодательные правки? Эта программа действительно важна. Если я не смогу поправить её, то закрою».

— Господин Президент, мы не можем этого сделать. И неделями говорили об этом.

Я выждал паузу, сделал вдох, а затем вышел за рамки своей роли юриста, чтобы дать президенту политический совет. — «И, господин Президент, мне кажется, я должен сказать кое-что ещё. Американцы выйдут из себя, когда узнают, чем мы занимались».

Он впервые казался раздражённым. «Позволь мне волноваться об этом», — резко ответил он.

— Да, сэр. Но я подумал, что это надо было сказать.

Он сделал паузу, и я знал, что наш разговор подходил к концу. Как я сказал в среду вечером его главе аппарата, я не верил в угрозу отставкой в качестве способа выиграть спор. Я считаю, что спор должен вестись по существу дела, а затем люди могут решить, стоит ли уходить после его разрешения. Всегда напоминает жульничество сказать, что вы забираете мяч и идёте домой, если всё не будет по-вашему.

И всё же, я хотел найти способ помочь Бушу. Этот человек, который мне нравился, и которому я желал успеха, казалось, не понимал, что надвигается буря. Всё руководство Министерства юстиции собиралось уйти, и как раз тогда, когда он вёл кампанию по переизбранию. Подобный мятеж не случался даже в худшие дни Уотергейта. Мне нужно было сказать ему, предупредить его, но я не хотел нарушать своего правила. Так что неуклюже попробовал зайти с другой стороны.

— Вам следует знать, что Боб Мюллер собирается этим утром подать в отставку, — сказал я.

Он снова сделал паузу. — «Спасибо, что сказали мне это». — Он протянул руку и показал мне обратно через Овальный кабинет. Я миновал часы и немедленно отправился вниз по

лестнице, где на нижнем уровне Западного крыла стоял, дожидаясь меня, Боб Мюллер. Я только было начал передавать свой разговор с президентом, как подошёл агент Секретной службы и сказал, что президент хочет немедленно видеть Мюллера наверху.

Боб спустился примерно через десять минут. Мы вышли к его бронированному «Субурбан» и забрались назад. Он попросил водителя выйти. (Позже водитель рассказал мне, что знал, что что-то происходит, потому что впервые за десять лет вождения его попросили выйти). Он сказал мне, что они с президентом по большей части обсудили те же вопросы. Боб подтвердил ему, что не сможет оставаться директором при данных обстоятельствах, и умолял президента прислушаться к нам. Президент ответил распоряжением: «Скажи Джиму делать то, что нужно, чтобы привести всё к устраивающему Минюст виду».

Это всё, что было нам нужно, приказ президента. Тем самым мы обходили вице-президента, Карда, Гонсалеса, и даже Эддингтона, с его полным секретных указов сейфом. Мы направились обратно в Министерство юстиции, где провели брифинг для своих старших сотрудников. Нашей первой задачей было посвятить больше хороших юристов. Тед Олсон готовился к прениям в Верховном Суде, так что к команде добавили его заместителя, Пола Клемента, наряду с несколькими из тех блестящих монахов из Юрисконсультской службы. К команде присоединились юристы ЦРУ и АНБ. Эддингтон не смог помешать нам расширить круг.

Команда работала все выходные, чтобы сформировать новый проект президентского указа, который сузит масштабы полномочий АНБ. Я решил направить в Белый дом секретную докладную, суммирующую проблемы и наши рекомендованные поправки. Она навсегда попадёт в президентский архив, и в официальном порядке ответит на президентское распоряжение Мюллеру; в этой записке было задокументировано всё, что требовалось сделать, чтобы Минюст всё устроило. Это был резковатый ход, так как создавал постоянную и полную запись всего, что было вне закона, но теперь и было время стать резковатым. Голдсмит с Филбином передали докладную Гонсалесу из рук в руки у него дома поздно вечером в воскресенье. Это по-настоящему взбесило некоторых в Белом доме.

Во вторник мне позвонил Гонсалес сказать, что из Белого дома к нам вернётся записка. Он попросил меня не реагировать слишком остро и сказал, что Белый дом нацелен на работу с нами. Не знаю, слишком ли остро я отреагировал, но конечно же я отреагировал, и самым решительным образом. Та записка являлась большим средним пальцем, и явно была написана Эддингтоном. В ней говорилось, что мы во всём ошибались, и действовали нецелесообразно, узурпировав президентскую власть. Она отклоняла все предлагаемые нами изменения, заявляя, что они не являются необходимыми с юридической и фактической точек зрения. В ней не было ни слова о том, что наши матери — шлюхи, но с тем же успехом вполне могло бы быть.

Я достал своё прошение об отставке и изменил дату на 16 марта. К чёрту этих людей. Они просто забили на президентское распоряжение Бобу Мюллеру и сохраняли незаконный указ. Я сказал руководителю аппарата Эшкрофта, что подаю в отставку, снова. Он попросил меня обождать. Он был уверен, что Эшкрофт захочет уйти вместе со всеми остальными, но всё ещё был слишком болен. Не могли бы мы дать ему несколько дней, чтобы набраться сил? Конечно. Я убрал прошение обратно в ящик стола.

Через два дня без какого-либо уведомления президент подписал новый указ. Он включал в себя все затребованные нами изменения. Все те изменения, что письмо со средним пальцем называло излишними. В указе говорилось, что президент внёс эти изменения по оперативным причинам. Не потому, что мы сказали, что он должен, или что этого требовала наша интерпретация закона. Это было ребячеством, но нам на самом деле было всё равно. С этим указом программа теперь была там, где Юрисконсультская служба могла сформулировать рациональные аргументы в её поддержку, и она так и поступила в докладной записке, которую Голдсмит, Филбин и новые члены команды закончили в начале мая.

Кризис из-за «Звёздного Ветра» окончился.

Теперь всё станет по-настоящему сложно.

Глава 7

ПРЕДВЗЯТОСТЬ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ

Нас ведёт к беде не то, что мы чего-то не знаем, а то, что мы знаем наверняка, а это знание ошибочно.

Марк Твен

В апреле 2004 года, пока Джек Голдсмит со своей командой в Минюсте всё ещё старались поставить на прочную правовую основу программу слежки АНБ, достоянием

общественности стали отвратительные фотографии дурного обращения с заключёнными в Абу-Грейб, военном следственном изоляторе США в Ираке. На фотографиях были изображены несколько американских военнослужащих, ужасным образом жестоко обращавшихся с иракскими заключёнными. Иракских задержанных ставили в унижительные позы — на некоторых фотографиях заключённые были в капюшонах и без одежды; одной из самых запоминающихся стала та, на которой раздетые люди были штабелированы друг поверх друга, образуя пирамиду из обнажённых тел. Были фотографии злых собак, которых натравливали на закованных в наручники заключённых, и другие, на которых американские солдаты издевались и смеялись над уязвимыми задержанными.

Весьма быстро в освещении всплыло единственное слово, описывающее эти действия: пытки. За шесть-семь месяцев до состязательных президентских выборов эти фотографии нанесли тяжёлый ущерб администрации Буша. В транслировавшихся по национальному телевидению показаниях конгрессу министр обороны принёс публичные извинения задержанным и их семьям и пообещал провести тщательное расследование преступления. Министр обороны сравнил надругательства в Абу-Грейб с резнёй в Май Лэй во Вьетнаме, событием, которое помогло настроить общественное мнение против войны. И впереди ждало ещё больше открытий.

В то время как весь цивилизованный мир осуждал фотографии «пытках» правительством Соединённых Штатов, ЦРУ, понятное дело, очень разнервничалось по поводу своей собственной секретной программы, по которой это агентство избивало, морило голодом, унижало и практически топило пленных в 2002 и 2003 годах. Это были люди, которых ЦРУ считало обладающими информацией о планах террористов в отношении Соединённых Штатов, и которые содержались в так называемых «чёрных дырах» не на территории США. Вначале, летом 2002 года, ЦРУ обратилось к Министерству юстиции с просьбой определить границы того, что оно может делать на законных основаниях, допрашивая содержащихся под стражей подозреваемых в терроризме.

В июне 2004 года, спустя два месяца после того, как всплыли фотографии из Абу-Грейб, ко мне пришёл Джек Голдсмит, чтобы объяснить свои выводы касательно этой программы допросов. Шестью месяцами ранее он заметил серьёзные проблемы и сказал разведывательным агентствам, что они не могут полагаться на ранее проделанную юридическую работу, но теперь, когда «Звёздный Ветер» была исправлена, он закончил свой анализ и пришёл к выводу, что мнение Министерства юстиции не может оставаться прежним. Как и в случае с программой «Звёздный ветер», он заметил, что ранее проделанная юридическая работа, поддерживавшая программу допросов, имела существенные недостатки. И, как и в случае со «Звёздным Ветром», он считал, что агентство выходило даже за рамки дозволенного тем ошибочным мнением. Это была ещё одна неприятность — та, что сразу после Абу-Грейб, оказалась во всех СМИ, после того как кто-то слил секретный текст руководства по пыткам Министерства юстиции. И она привела к ещё одной битве внутри администрации Буша между секретной политической

повесткой дня и верховенством закона.

* * *

В 1994 году Конгресс решил дать отличное с юридической точки зрения значение слова «пытка» от того, как большинство из нас понимает этот термин. Ратифицируя Конвенцию ООН против пыток, Конгресс определил для американского законодательства «пытку» как намеренное причинение сильной психической или физической боли или страданий. Есть много чего, что большинство из нас назовут пыткой, что не соответствует понятию «сильной боли» или «сильных страданий». Большинство из нас сочтут, что заточение в тёмном покоем на гроб ящике или подвешивание обнажённым к потолку на несколько дней без сна — это пытка. Но то, каким образом Конгресс решил дать ей определение, потребовав, чтобы боль или страдания были «сильными», позволяло судье или юристу прийти к заключению, что эти действия не подпадают под юридическое понятие пытки.

В 2002 году, после атак 11 сентября, ЦРУ хотело использовать тактику физического воздействия, чтобы заставить захваченных лидеров Аль-Каиды сдать других лидеров террористов, раскрыть замыслы и, хотелось надеяться, спасти невинные жизни. Представители агентства обратились в Юрисконсультскую службу Министерства юстиции с запросом, будет ли тактика допроса, которую они собирались использовать — такая как содержание в тесноте, лишение сна и имитация утопления — являться нарушением закона против пыток. Чтобы было понятно, они не спрашивали юристов Министерства юстиции: «Хорошая это идея?». Они лишь просили их очертить границы законности.

Как и в случае с программой «Звёздный Ветер», Министерство юстиции просили принять это решение в период кризиса, когда руководители опасались, что последуют новые атаки в стиле 11 сентября. Должностные лица ЦРУ и администрации Буша заверили юристов Министерства юстиции, что допросы с применением физического насилия захваченных лидеров Аль-Каиды были не только эффективны, но и жизненно необходимы для спасения бесчисленных невинных жизней. Под подобным давлением, и работая практически в одиночку, юрист Министерства юстиции — тот же самый, который проделал несовершенную юридическую работу по «Звёздному Ветру» — подготовил юридическое заключение, очень широко трактовавшее статут о пытках. Он также выпустил отдельное заключение, заявив, что тактика, которую ЦРУ собиралось использовать против своего первого захваченного, Абу Зубейды, согласно закону, пыткой не является. У ЦРУ были развязаны руки испробовать на Зубейде полное меню тактик, начиная с ударов ладонями и лишения сна, и заканчивая тем, чтобы он считал, что умирает во время имитации утопления. В конце 2003 года, когда Джек Голдсмит стал главой юрисконсультской службы, а я стал заместителем генерального прокурора, ЦРУ уже опиралось на те

юридические консультации при проведении агрессивных допросов подозреваемых в различных «черных дырах» за пределами Соединённых Штатов.

Я не ждал с нетерпением ещё одной отвратительной истощающей борьбы с той же могущественной фракцией в Белом доме. Борьба вокруг программы слежки была напряжённым временем не только для меня, но и для моей семьи. Я думал, что потеряю работу. У нас с Патрис был плавающий ипотечный кредит на дом с выплатой только процентов, и мы находились не в особо хорошем финансовом положении, будучи родителями пятерых детей, быстро приближавшихся к студенческому возрасту. Будучи окружным прокурором Соединённых Штатов на Манхэттене и человеком номер два в Министерстве юстиции — а позже директором ФБР — я получал примерно столько же, сколько и юрист-первогодок в нью-йоркской юридической фирме. Конечно, многие люди поднимают детей на подобную зарплату; нам просто не хватало хорошего планирования. Но я был согласен с Голдсмитом, что юридическое заключение о пытках было просто ошибочным. Так что я отправился к генеральному прокурору Эшкрофту и в личной встрече рассказал ему, почему считаю, что имеет смысл сделать решительный шаг и отозвать ранее выданное на эти действия юридическое заключение Министерства юстиции. Он согласился.

Мы оба отдавали себе отчёт, что это в некотором смысле оставит беззащитным персонал ЦРУ, так как они делали неприятные вещи, опираясь на юридическое заключение, которое теперь отзывалось. Допрашивавшие не были юристами; они имели право полагаться на рекомендации правительственного юрисконсульта. Но они действовали на основе плохой рекомендации Министерства юстиции, и это не могло продолжаться. Необходимо составить новое юридическое заключение, которое было бы юридически обоснованным, и твёрдо основывалось на фактах.

Хотя не нашей задачей было судить о ценности программы для страны, мы с Голдсмитом оба были знакомы с миром допросов ФБР. Бюро давно пришло к выводу, что допросы с принуждением были нецелесообразны, а полученная информация по большей части бесполезна или ненадёжна. Вместо этого, ФБР на протяжении десятилетий совершенствовало искусство «допроса на взаимопонимании» — формируя доверительные взаимоотношения с заключёнными. ФБР раз за разом добивалось успеха в спасении жизней и получении своевременной информации от террористов, бандитов и серийных убийц. В результате, мы глубоко скептически относились к тому, что нам рассказывали об эффективности тактики принуждения ЦРУ. Меня поразило, как подобные вещи проталкивались «ястребами-цыплятниками»[24] — агрессивно настроенными представителями администрации, пересмотревшими множество фильмов, но ни разу не попадавших в бую.

У руководства ЦРУ и поддерживавших его могущественных представителей администрации вроде вице-президента Дика Чейни была прямо противоположная точка зрения. Ими двигала одна из самых мощных и дезорганизующих сил человеческой натуры

— предвзятость подтверждения. Наш мозг эволюционировал, стремясь получать информацию, согласующуюся с тем, во что мы уже верим. Мы ищем и сосредотачиваемся на фактах и аргументах, поддерживающих нашу убежденность. Более тревожно то, что когда мы загнаны в ловушку предвзятости подтверждения, то можем сознательно не воспринимать факты, которые бросают нам вызов и не согласуются с теми выводами, которые мы уже сделали. В сложном, меняющемся и комплексном мире наша предвзятость подтверждения делает нас очень трудными людьми. Мы просто не можем изменить своё мнение.

Но в этом было больше, чем просто биология. Президент, вице-президент и их окружение тоже действовали в рамках нашей политической культуры, где неуверенность нетерпима, где сомнения высмеиваются как слабость. И тогда, и сейчас руководители ощущают особое давление, чтобы быть уверенными, давление, усиливающее их естественную предвзятость подтверждения.

Конечно, в здоровой организации сомнения являются не слабостью, а мудростью, потому что люди наиболее опасны, когда уверены, что их дело правое, а факты достоверны. И я не говорю о сомнениях вроде держу-нос-по-ветру, боюсь-принять-решение. Решения должны быть приняты, и зачастую быстро, даже самые трудные решения. И, похоже, самые трудные из них всегда приходится принимать в спешке, и обладая минимумом информации. Но эти решения должны приниматься с пониманием, что они могут быть ошибочны. Это смирение до последнего момента оставляет лидера открытым для лучшей информации.

Справедливости ради к президенту и вице-президенту, наша современная культура делает это невероятно сложным для руководителей — особенно в правительстве — даже если они обладают достаточной уверенностью, чтобы быть скромными. Признание сомнений или ошибок — самоубийство для карьеры. И этого мы и хотим, верно? Мы хотим сильных, уверенных лидеров. Представьте поддерживать лидера, который, закончив своё время у руля, говорит нам, что хотя и не делал ничего умышленно неправильно, он уверен, что совершил множество ошибок и молится, чтобы его ошибки не причинили вреда людям, и надеется, что мы простим и забудем те моменты, когда он был некомпетентен. Этот слабак по шпалам сбежит из города. Но первый американский президент именно это и произнёс в своей прощальной речи к стране в 1796 году:

Хотя при рассмотрении событий в своей администрации я не вижу умышленной ошибки, тем не менее я слишком чувствителен к своим недостаткам, чтобы не думать, что, вполне вероятно, мог совершить множество ошибок. Каковыми бы они ни были, я искренне молю Всевышнего отвести или ослабить то зло, к которому они могут привести. Я также буду питать надежду на то, что моя страна никогда не перестанет относиться к ним снисходительно; и что по прошествии сорока пяти лет своей жизни, посвящённых

служению ей с честным усердием, недостатки некомпетентных способностей будут преданы забвению, как и сам я скоро должен оказаться в чертогах покоя.

В администрации Буша Дик Чейни, Дэвид Эддингтон и другие решили, что «расширенные методы допроса» — действия, подпадающие под определение пытки любым нормальным человеком — работают. Они просто не могли признаться, возможно, прежде всего сами себе, что противоречившие их выводам доказательства были обоснованы. И поэтому, с их точки зрения, люди, стоявшие на пути одобрения подобных действий — юристы, вроде меня — неоправданно подвергали риску жизни.

Я понимаю, почему люди вроде вице-президента Чейни были расстроены, когда Министерство юстиции меняло свои юридические заключения. Но изрядную долю ответственности за изначально ошибочную юридическую работу можно возложить на политиков вроде вице-президента — влиятельных лидеров, абсолютно уверенных в том, что должно быть сделано, и требовавших быстрых ответов от крошечной горстки юристов. Их действия гарантировали те самые проблемы, с которыми мы вынуждены были столкнуться в будущем.

С моей точки зрения, всё было просто. Министерство юстиции Соединённых Штатов допустило серьёзные юридические ошибки, консультируя президента и его администрацию по слежке и допросам. Чтобы учреждение и впредь могло быть полезным стране и её президенту — включая Президента Буша — министерству просто нужно было исправить свои ошибки. Поступить по-другому, даже перед лицом разгневанных руководителей, означало бы, что Министерство юстиции стало просто ещё одним членом партийного клана, готовым сказать то, что нужно, чтобы помочь нашей стороне победить.

Вполне разумно, что руководители Министерства юстиции назначаются президентом при консультации и с согласия Сената. У министерства важная свобода действий в политических вопросах — к примеру, каким видам преступлений уделять первостепенное внимание, или как подходить к антимонопольным спорам — и в своих политических выборах оно должно быть чутким к воле народа, выражаемой через выборы президента. Но есть некоторая напряжённость в том, что политические лидеры стоят выше Министерства юстиции, потому что отправление правосудия должно быть беспристрастным.

Конституция и верховенство права — не узкопартийные политические инструменты. У Фемиды на глазах повязка. Предполагается, что она не подглядывает, чтобы узнать, как её политический хозяин желает, чтобы она рассмотрела вопрос.

Как-то я был в одном месте на побережье Северной Каролины, где сходятся два барьерных острова. В узком коридоре между ними воды Атлантического океана

встречаются с водами лежащего за островами огромного мелководного пролива. В том месте возникает турбулентность, и создаётся впечатление, что волны разбиваются, даже несмотря на то, что земли не видно. Я воображаю, что руководители Министерства юстиции стоят в том месте, между бурлящими водами мира политики и безмятежными водами аполитичного пролива. Их обязанностью является отвечать на политические императивы президента и его избирателей, защищая при этом аполитичную работу тысяч агентов, прокуроров и персонала, составляющих большинство ведомства. До тех пор, пока руководители осознают эту турбулентность, они могут нащупать опору. Если они оступятся, воды океана хлынут в пролив, и министерство станет просто ещё одним политическим органом. Его независимая роль в американской жизни будет утеряна, а хранители правосудия утонут.

Однажды вечером после работы весной 2004 года Патрис посмотрела на меня. Очевидно, она знала, что я вовлечён во что-то, что меня изматывает. Она видела всё это освещение в СМИ обращения с заключёнными. Она просто сказала мне: «Пытать неправильно. Не будь пытки-парнем».

— Что? — запротестовал я. — Ты знаешь, что я не могу говорить об этом.

— Я не хочу говорить об этом, — ответила она. — Просто не будь пытки-парнем. — Она периодически будет повторять это предупреждение весь следующий год.

Перспектива быть «пытки-парнем» многие ночи тревожила мой сон. Я не мог отделаться от мысленных картин обнажённых мужчин, прикованных к потолку в холодной, ярко освещённой камере в течение бесконечных дней, испражнявшихся в подгузники, освобождаемых лишь для новых надругательств и имитации утопления, прежде чем снова быть закованными.

В июне 2004 года Голдсмит при моей поддержке официально отозвал юридические заключения Министерства юстиции, поддерживавшие методы допроса в 2002 и 2003 годах. Верный себе, советник вице-президента Дэвид Эддингтон был в ярости. На встрече, на которой я не присутствовал, он достал карточку, на которой сказал, что перечислены все секретные заключения, написанные Минюстом с 11 сентября, и с сарказмом попросил Голдсмита рассказать ему, какие из них Минюст всё ещё поддерживает. Я напомнил Голдсмит, что гнев Эддингтона служит всё более надёжным индикатором, что мы на правильном пути. Не думаю, что моё мнение заставило Джека почувствовать себя лучше. Патрика Филбина эта мысль тоже не утешала. Эддингтон поговорил с Филбином с глазу на глаз и сказал ему, что основываясь на отзыве «Звёздного Ветра» и юридических заключений по пыткам, Эддингтон считает, что Филбин нарушил свою присягу поддерживать и защищать Конституцию Соединённых Штатов. Он предложил Филбину уйти в отставку, и поклялся, что лично будет препятствовать его продвижению где-либо ещё по государственной службе.

Джек Голдсмит на шаг его опередил. После девяти месяцев на посту главы Юрисконсультской службы, херувимское сияние Джека погасло. Он прошёл сквозь жестокие бои вокруг электронной слежки и методов допроса. Одновременно с отзывом заключения по пыткам, он объявил о том, что уходит, чтобы вернуться к академической работе.

Исправление рекомендаций по методам допроса ляжет на Дэна Левина, нового исполняющего обязанности главы Юрисконсультской службы. Левин был ещё одним одарённым и внимательным юристом с хмурым видом, под которым скрывалось тёмное чувство юмора. В Левине не было ничего херувимского. В предыдущей роли помощника Боба Мюллера в ФБР, где Мюллера называли «директор», Левина, с его мрачным выражением лица, в частном порядке называли «похоронным директором». Левин погрузился в огромный объём работы по исправлению юридических консультаций, поддерживавших так называемые расширенные методы допроса. В то время я этого не знал, но он погрузился в неё в буквальном смысле этого слова — испытал на себе метод имитации утопления. Позже он рассказал мне, что это было худшее событие в его жизни.

В конце декабря 2004 года Левин и Юрисконсультская служба, наконец, закончили заключение по методам допроса. Это была впечатляющая научная работа — тщательная, вдумчивая, тесно привязанная к отчётам ЦРУ о том, какие вещи действительно работали. Она сделала кое-что значительное, что не было замечено большинством людей, читавших очень длинное несекретное заключение. Левин пришёл к выводу, что намеренное причинение серьёзных психических страданий являлось отдельной категорией запрещённого законом против пыток поведения. Это было большим событием. Изначальные заключения Минюста 2002 года по большей части фокусировались на определении серьёзной физической боли. Внезапно стало очевидным (по крайней мере, для меня и Левина), что накопительное применение методов ЦРУ может быстро стать незаконным, потому что психические страдания являлись широкой категорией. Брать обнажённого, замёрзшего, лишённого сна и калорий человека, швырять его о стену, ставить в неудобную позу, обшлёпывать, имитировать утопление а затем засовывать в тесный ящик — всё это с лёгкостью могло вызвать громадные психические страдания, особенно, если ЦРУ проделывало всё это неоднократно.

Было два дополнительных вывода, которые должны были следовать общему выводу Левина. Первое, что каждый из этих методов ЦРУ следовало оценить индивидуально, по стандартам, о которых заявил Левин. Это было бы довольно просто, потому что отдельный метод, рассматриваемый изолированно, вряд ли причинял серьёзную физическую боль или серьёзные психические страдания. Второй вывод касался игры в целом. В нём хотелось, чтобы ЦРУ и Белый дом применяли стандарты Левина к «комбинированным эффектам» всех методов. Они должны были это делать, так как никого не допрашивали с использованием лишь одного метода. В фактически по-настоящему «чёрных дырах» они проделывали со своими объектами много жестоких вещей. Эти действия очень быстро могли сложиться в запрещённые серьёзные

психические страдания. Было бы трудно поддерживать программу после того, как Минюсту было предложено оценить совокупный эффект.

Левин работал долгие часы, стараясь в точности задокументировать, что происходило на этих допросах в «чёрных дырах». В поддержку юридического заключения 2002 года Министерству юстиции эти допросы были представлены так, как если бы они были строго регламентированы и проводились практически в хирургических больничных условиях. Хотя Левин в 2004 году развёл небеса и землю, чтобы в точности припечатать всё, что происходило, всё равно это было похоже на прибивание к стене желе; он поместил его туда, но оно выглядело совершенно шатким.

Я никогда не спрашивал об этом Дэна Левина, но, подозреваю, он разделял мою надежду, что вся программа допросов ЦРУ рухнет по весом этих требований. Но это, конечно, было не тем, что нас просили сделать. Юристов Министерства юстиции просили лишь дать юридические заключения, основывавшиеся на представленных ЦРУ фактах. Хотя наши внутренние голоса вопили, что это было ужасно, и основывалось на преувеличенных заявлениях об успехе, этим голосам пришлось остаться запертыми внутри нас. Но один голос я слышал много раз. «Не будь пытки-парнем», — говорил он.

* * *

После того, как Джордж У. Буш в 2004 году выиграл перевыборы, Джон Эшкрофт, как и все члены кабинета, формально подал президенту прошение об отставке. Эта традиция позволяла президенту гибко менять свою администрацию на новый срок. Но была надежда, что хорошо зарекомендовавших себя сотрудников кабинета попросят остаться. К удивлению Эшкрофта, президент принял его отставку. Чтобы ужалить больше, Буш уведомил Эшкрофта всего за несколько часов до того, как публично назвать его преемника. Человек, которого он имел в виду в качестве замены, стал ещё одной пощёчиной всем нам в Минюсте.

10 ноября 2004 года Президент Буш объявил, что его выбором следующего генерального прокурора стал Альберто Гонсалес. Я получал нового босса, активно выступавшего против всего, что я рассматривал как ответственность министерства обеспечивать соблюдение закона таким, каким он был написан, а не таким, каким его хотела видеть администрация. Того, кто, казалось, предпочитал удовлетворять своего босса больше, чем сосредотачиваться на суровой истине. Я не знаю, почему Буш выбрал Гонсалеса, но, подозреваю, что это была ошибка пожилого президента, о которой много лет позже я попытаюсь предупредить Дональда Трампа — так как «проблемы» часто исходят от Минюста, некоторые президенты считают, что получают выгоду от близких отношений с

генеральным прокурором. Это почти всегда делает всё только хуже.

Позже в тот день я был дома на дне рождения Патрис, когда зазвонил мой мобильник. К моему удивлению, на линии был Гонсалес. Он сказал, что звонит, чтобы сообщить, что на самом деле с нетерпением ждёт работы со мной и надеется, что я останусь, потому что ему понадобится помощь. Я поздравил его с назначением и ответил, что с нетерпением жду работы с ним. Такой ответ казался правильным, и я не имел ничего против Гонсалеса лично, несмотря на сложные проблемы, через которые мы прошли. Если он собирался стать генеральным прокурором, я хотел помочь ему преуспеть в этом. Меня больше всего беспокоило не то, что он был злым, а то, что он был слабым, и его легко обыграют Эддингтон и Чейни со своей точкой зрения, что война с терроризмом оправдывает расширение, если не нарушение, писанных законов.

Позже я узнал, что Президент Буш сразу после своего объявления позвонил Гонсалесу и предложил тому позвонить мне. В то время я этого не понимал, но после того, что я узнал — и о чём не рассказал — из больничной сцены с Эшкрофтом, в глазах администрации Буша я был чем-то вроде заряженного пистолета, который мог выстрелить в любой момент. Так как я был заряженным оружием, они осторожно обращались со мной, но мне было очевидно, что служить заместителем Гонсалеса для меня было неправильно. Весной 2005 года я объявил, что в августе ухожу. Я рассуждал, что у нас был новый генеральный прокурор, которому нужен свой собственный заместитель. Я устал и был разочарован выбором моего нового босса. Без поддержки Эшкрофта у меня не хватало духу для, несомненно, новых проигрышных битв с администрацией. Что важнее, моя финансовая ситуация не улучшилась, а наш старший отправлялся в колледж. Настало время уходить. Я направил президенту своё прошение об отставке, вступавшее в силу в августе, чтобы обеспечить ответственный переходный период.

Как раз когда я собирался уходить из Министерства юстиции, вице-президент Чейни стал склонять Гонсалеса выпустить два оставшихся заключения, которые ему были нужны по политике допросов. Вдобавок к новому генеральному прокурору, Министерство юстиции также получило нового исполняющего обязанности главы Юрисконсультской службы, яркого и приветливого юриста по имени Стивен Брэдбери. Стив, у которого не было опыта в вопросах национальной безопасности, хотел быть официально номинированным на эту работу, и его подталкивали к тому, чтобы выпустить эти два заключения в том виде, который устраивал сторонников Чейни. Мы с Патриком Филбином были разочарованы, увидев, что его заключения были чрезмерно обобщёнными, не привязанными к конкретным примерам, и, по нашему мнению, глубоко безответственными.

Мы предложили Брэдбери рассмотреть фактическое недавнее дело человека, которого допрашивало ЦРУ. Мы знали о террористе, недавно находившемся в тюрьме ЦРУ, и чьи допросы были окончены. Мы предложили, чтобы он в точности описал, что делали с этим пленником, а затем написал заключение, не пересекала ли комбинация действий правовой порог в данном конкретном реальном примере. Это было единственным

способом ответственно подойти к выдаче заключения. И, когда он так и поступил, данное реальное дело, учитывая всё, что мы поняли, делали с этим парнем, оказалось тем самым, в котором мы не посчитали, что всё могло вылиться в серьёзную боль или страдания, как определял их статут, и этот статут интерпретировало Министерство юстиции, пусть даже любой в здравом уме сказал бы, что этого человека пытали. Но даже если это заключение скорее одобряло то, что делали с тем пленником, это было не то, чего хотел вице-президент. Он хотел, чтобы Брэдбери разрешил легальность гипотетического сценария — «типичного» допроса — а не того, что ЦРУ в действительности делало с настоящими людьми.

Я встретился с генеральным прокурором Гонсалесом, чтобы объяснить ему, почему считаю безответственным подобным образом писать гипотетическое заключение — и тотчас увидел разницу между генеральным прокурором, которого знал и уважал, Джоном Эшкрофтом, и его преемником. Гонсалес устало пояснил, что вице-президент оказывает на него огромное давление, и что Чейни даже подтолкнул президента спросить, когда будут готовы заключения. Я ответил, что понимаю это давление, но не существовало прототипичных допросов. В них всех участвуют реальные допрашивающие, действующие с реальными субъектами, снова и снова шлёпающие их, морозящие их, связывающие их, с уникальными вариациями и комбинациями. Было невозможно написать заключение на перспективу без того, чтобы это выглядело так, словно Минюст выписал незаполненный чек. Я предупредил его, что однажды, когда это всплывёт, всё будет выглядеть так, словно генеральный прокурор в ответ на давление Белого дома спрятался в нору и сделал нечто, о чём все мы будем глубоко сожалеть.

Если что и мотивирует людей в Вашингтоне, так это оказаться на принимающей стороне плохих заголовков. И на этой мысли Гонсалес задумался. Мне не было ясно, приходило ли это когда-нибудь ему в голову. «Джим, я согласен с тобой», — сказал он. Гонсалес дал мне указание работать с Брэдбери, чтобы постараться исправить этот подход.

Моё облегчение оказалось недолгим. Следующим вечером у меня состоялся телефонный разговор с руководителем аппарата Гонсалеса. Он сообщил мне, что заключения по допросам должны быть оформлены и отправлены на следующий день. Времени больше не было. Я напомнил ему, что генеральный прокурор всего лишь днём ранее сказал мне прямо противоположное. Его руководитель аппарата ответил, что всё поменялось.

Брэдбери закончил и подписал оба заключения, как этого хотели они с Белым домом. Спустя неделю, Белый дом приступил к проверке анкетных данных, чтобы официально предложить его на роль помощника генерального прокурора. Юридическая борьба была окончена.

Теперь, когда мы больше не выступали в качестве юристов по вопросу о пытках, я чувствовал себя свободным сделать то, чего не делал раньше. Я отправился к генеральному прокурору за разрешением запросить пересмотр всей программы Советом

национальной безопасности. Как правило, это вело к всестороннему анализу так называемым Комитетом заместителей СНБ, членом которого я являлся, наряду с заместителями из других соответствующих министерств и ведомств в администрации Буша. Заместители часто обсуждали вопросы политики и сложные вопросы, прежде чем этими проблемами займётся их начальство лично. Я знал, что в этой обстановке смог бы изложить свою позицию. У нас была бы честная дискуссия в рамках всей административной структуры о том, можем ли мы проделывать всё это с людьми. К сожалению, мне не дали такой возможности.

Следующее, что я знаю, это странно, но политическая дискуссия о пытках была поднята с уровня Комитета заместителей на уровень Комитета руководителей, состоявшего лишь из высшего руководства основных силовых и разведывательных агентств — таких как министр обороны, госсекретарь, директор ЦРУ и генеральный прокурор. Это означало, что мне со своей командой нужно было подготовить Гонсалеса к тому, чтобы за нас озвучить нашу озабоченность — потому что больше никому из Минюста не позволялось пойти с ним. О боже.

Когда мы с Пэтом Филбином сели за подготовку Гонсалеса к политической дискуссии в Белом доме 31 мая 2005 года, генеральный прокурор начал с того, что озвучил нам дурные предзнаменования. Он сказал, что Конди Райс, бывшая советником по национальной безопасности в то время, когда была задумана эта программа допросов, а теперь являвшаяся государственным секретарём, заменив Колина Пауэлла, «не была заинтересована в обсуждении подробностей». Он добавил, что Райс считает, что «раз Минюст говорит, что она законна, а ЦРУ говорит, что она эффективна, точка. Нет необходимости в подробной политической дискуссии».

Зная, что я никогда не смогу обратиться с этим делом к другим членам Совета национальной безопасности, мы с Филбином сделали всё возможное, чтобы встряхнуть Гонсалеса сделать это от лица министерства. Мы возразили, что лишь потому, что что-то считают законным — основываясь на заключении, с которым мы не согласны — и якобы эффективным, это не означает, что оно одобряемое. Я снова напомнил ему, и выразил надежду, что он напомнит это остальным в кабинете, что однажды эти применявшиеся методы допроса, и их шаткая правовая поддержка, станут достоянием общественности — добавив, что я слышал, что существует видеозапись одного из таких допросов ЦРУ — и это очень плохо отразится на президенте и стране.

Затем я показал Гонсалесу составленную мной плотную карточку бежевого цвета размером восемь на двенадцать. На ней я перечислил список того, что, согласно программе ЦРУ, могло быть сделано с другим человеком, как это в настоящий момент было написано и одобрено Министерством юстиции Гонсалеса. Зачитав карточку, я нарисовал ему красочную картину человека, целыми днями стоящего обнажённым в холодной комнате, с прикованными над головой к потолку руками, испражняющимся и мочащимся в памперс под оглушительную музыку в стиле «тяжёлый металл», и часы

проводящего под постоянным ярким светом. Затем его снимают с цепи, шлёпают по лицу и животу, швыряют о стену, обрызгивают холодной водой, а затем, даже если он был обессилен после строгой жидкой диеты с пониженным содержанием калорий, заставляли стоять и сидеть в позах, создающих серьёзную нагрузку его мышцам и связкам. Когда он больше не может двигаться, его на несколько часов помещают в ящик размером с гроб, прежде чем вернуть к цепям на потолке. И, конечно же, в особых случаях его могут заставить думать, что он тонет.

«Вот, что это такое», — сказал я генеральному прокурору, держа в воздухе карточку. — «Детали имеют значение». Я призвал его сделать так, чтобы все руководители в Совете национальной безопасности смотрели на эти детали, когда будут решать будущую политику допросов нашей страны.

Гонсалес довольно долго молчал, как он часто это делал. Затем поблагодарил меня за то, что я пришёл к нему с этим, и спросил, может ли оставить себе эту карточку с рукописным списком, чтобы использовать её на совещании. Я передал её ему и ушёл, молясь, чтобы я что-то изменил.

Я не услышал ничего сразу после собрания Комитета руководителей. Позже днём я присутствовал на совещании по политике назначения наказаний с генеральным прокурором и другими. Генеральный прокурор при всех присутствующих спонтанно сообщил мне, что совещание в Белом доме прошло очень хорошо, что он рассказал им всё, что я просил, но все руководители полностью поддержали текущую политику допросов и все её составные части.

Никаких изменений в политике сделано не было. Расширенные методы допросов ЦРУ могли продолжаться. Люди в тюрьмах правительства Соединённых Штатов станут объектами грубого и ужасного обращения. И мне не вернули мою карточку. Через два месяца я покинул правительственную службу. И больше не собирался возвращаться.

Глава 8

В ТЕНИ ГУБЕРА

Главное качество лидера — бесспорная цельность его характера. Без неё никакой реальный успех невозможен, будь это в рабочей бригаде, на футбольном поле, в армии

или в офисе.

Дуайт Д. Эйзенхауэр

В первый день лета 2013 года я оказался там, где никогда не думал, что снова буду.

В тот светлый день, когда Президент Барак Обама объявил в Розовом саду о моём выдвижении на замену директору ФБР Бобу Мюллеру, президент, Мюллер и я втроём стояли в Овальном кабинете, ожидая выхода через стеклянную дверь в сад, где уже собрался пул прессы Белого дома.

Когда мы повернулись, чтобы выйти к камерам, президент остановил нас. С серьёзным выражением лица Обама повернулся ко мне и сказал: «Джим, есть одна вещь, о которой я забыл с тобой поговорить».

Пока я пребывал в замешательстве, президент кивнул в сторону Мюллера: «Боб давным-давно взял на себя обязательство передо мной, и мне нужно, чтобы бы соблюдал его». Что бы это могло быть? Президент заверил меня в моей независимости. Теперь меня просили о тайных гарантиях?

Президент выждал паузу, чтобы продемонстрировать серьёзность момента. Затем он продолжил: «Боб всегда разрешал мне пользоваться спортзалом ФБР, чтобы поиграть в баскетбол, и мне нужно, чтобы ты пообещал продолжить это».

Я рассмеялся: «Конечно, господин Президент. В некотором смысле, это ваш спортзал».

Хотя я люблю баскетбол, я знал, что никогда не присоединюсь к нему в спортзале ФБР. Я также люблю гольф, но знал, что мы никогда не будем играть вместе. Директора ФБР не могут так вести себя с президентами. Всем известно, почему. Или, по крайней мере, я так полагал.

Уйдя из Министерства юстиции Буша в августе 2005 года, я работал в частном секторе. С приближавшимися к колледжу с примерно двухлетними интервалами пятью детьми и пятнадцатью годами правительственной зарплаты, которая не совсем была подходящей для того, чтобы делать сбережения, пришло время подкопить денег. Я пять лет проработал в качестве старшего юриста — главного юрисконсульта — у военного подрядчика «Локхид-Мартин», а затем три года в инвестиционной фирме «Бриджуотер ассошиэйтс» в Коннектикуте. В начале 2013 года я покинул «Бриджуотер» и пришёл работать на Юридический факультет Колумбийского университета в качестве научного

сотрудника, сфокусированного на национальной безопасности, потому что всегда считал преподавание глубоко полезным.

В марте того года генеральный прокурор Эрик Холдер, как гром среди ясного неба, позвонил, чтобы спросить, не желаю ли я пройти собеседование на должность директора ФБР. Он не гарантировал мне эту должность, но сказал, что не звонил бы лично, если бы меня не рассматривали очень серьёзно.

Я был удивлён. Возможно, из-за того, что я настолько зачерствел в отношении партийной преданности в Вашингтоне, округ Колумбия, что мне было сложно поверить, что демократ выберет на столь важный пост кого-то, кто был политическим назначенцем его республиканского предшественника. Я также был зарегистрирован, как финансовый жертвователь политических оппонентов Президента Обамы.

Я с прохладой отнёсся к этой идее. Это было бы слишком для моей семьи. Я не сказал ему, почему так ответил, но Патрис была в аспирантуре, и работала советником в клинике неотложной психиатрической помощи в Бриджпорте; один из наших детей был старшеклассником в средней школе; и мы были приёмными родителями с постоянными связями и обязательствами перед бывшими в нашем доме молодыми людьми. Холдер попросил меня подумать. Я ответил, что пересплю с этим, но, скорее всего, ответ будет нет.

Когда я проснулся на следующее утро, Патрис в спальне не было. Я спустился вниз и нашёл её на кухне со своим ноутбуком. Она искала продающиеся дома в окрестностях Вашингтона, округ Колумбия.

— Что ты делаешь? — спросил я.

— Я знаю тебя с девятнадцати лет. Ты тот, кто ты есть, это то, что ты любишь. Так что иди туда и делай всё, что можешь.

Затем она сделала паузу и добавила: «Но всё равно они не выберут тебя». Ей нравился Президент Обама, и она голосовала за него, но всё равно считала, что это просто учения. Позже она призналась, что ей просто не хотелось, чтобы я годами ходил с грустным лицом, рассказывая о том, как могло бы всё быть. Она, как и я, сомневалась, что он выберет кого-то, работавшего в администрации Буша.

После предварительных собеседований с его персоналом, я встретился с Президентом Обамой в Овальном кабинете. Он сидел в том же положении, что и всегда Президент Буш — в кресле, спиной к камину, с ближней к дедушкиным часам стороны. Я сел на диван слева от него, на ближнюю к нему подушку. К нам присоединилась советник Белого дома Кэти Руммлер, севшая напротив меня.

Я никогда раньше не встречался с Президентом Обамой, и меня поразили две вещи: насколько более худощавым он оказался наяву, и его способность концентрироваться. Пока мы с Руммлер стояли снаружи Овального кабинета, ожидая начала встречи, я видел, как президент стоял у своего стола, держа телефонную трубку. Кэти сказала, что он беседует с губернатором Оклахомы о пронёсшихся по штату исторических торнадо, убивших две дюжины и ранивших сотни людей. Обама повесил трубку, махнул мне зайти в комнату, коротко рассказал об ужасной трагедии в Оклахоме, а затем перешёл полностью к новой теме — ФБР.

Президент был почти печален, объясняя, почему так серьёзно относился к выбору директора ФБР. «В некотором смысле, оно и Верховный Суд — два самых важных решения в отношении персонала, которые принимает президент, так как я выбираю будущее», — сказал он. — «Ты будешь здесь, когда я уйду». Он сказал, что считает подобное длительное пребывание большой ценностью, и надеется, что если я буду директором, то смогу помогать новому президенту. К примеру, он сказал, что его подталкивали к принятию военных решений, как нового и неопытного президента, и под огромным давлением со стороны военного руководства. Хотя и не сказав этого, казалось, он выражал сожаление, что в то время у него в окружении не было опытного советника, в котором он нуждался. Он считал, что хорошо, что я буду рядом, чтобы помочь будущему, возможно, столь же неопытному лидеру лучше думать при принятии решений, касающихся национальной безопасности.

Мы говорили о естественном противоречии между необходимостью расследовать утечки секретной информации и необходимостью обеспечивать свободу прессы. В тот момент в новостях много говорили о недавних усилиях Министерства юстиции расследовать случаи утечки, и пресса нападала на, как утверждалось, «карательные меры администрации Обамы». Мы не обсуждали конкретные случаи, но я поделился своей точкой зрения, что баланса можно достичь благодаря продуманному руководству; просто было бы неразумно говорить, что следователи никогда не будут запрашивать информацию у журналистов, и было бы преувеличением сказать, что у нас не может быть свободной прессы, если мы станем расследовать утечки. Мы могли одновременно защищать свободу прессы и секретную информацию.

Что больше всего меня удивило — и в тот момент привело к пониманию, что Патрис, скорее всего, ошибалась, что это было пустой тратой времени — так это то, как президент видел работу ФБР. Оказывается, у него было другое представление о директоре ФБР, чем у меня или большинства однопартийцев. Он сказал: «Мне не нужна помощь ФБР в вопросах политики. Мне нужна компетентность и независимость. Мне нужно спать ночью, зная, что это место хорошо управляется, и американский народ защищён». Вопреки моим предположениям, тот факт, что я политически от него не зависел, действительно мог сыграть в мою пользу.

Я ответил, что вижу это так же. ФБР должно быть независимым, и полностью отделено от

политики, что и был призван обеспечить десятилетний срок для директора.

После встречи с Президентом Обамой, я позвонил Патрис с язвительным комментарием: «Твоя вера в их недалёковидность может оказаться несоответствующей действительности». Довольный своим разговором с Обамой, я согласился на выдвижение, когда его предложили. Моя семья останется в Коннектикуте ещё на два года, чтобы закончить все свои дела, но я был полон решимости служить директором ФБР вплоть до 2023 года. Что, интересно, могло бы этому помешать?

* * *

После решения выбрать меня, но до того, как объявить о выдвижении, Президент Обама удивил меня, снова пригласив в Овальный кабинет. Мы сидели на тех же местах, и снова с нами была советник Белого дома. Президент начал разговор с пояснения: «Когда ты станешь директором, мы не сможем беседовать подобным образом». Он имел в виду, что на протяжении более сорока лет руководители нашего правительства понимали, что президент и директор ФБР должны находиться на расстоянии вытянутой руки. ФБР часто приходится расследовать дела, касающиеся старших помощников президента и влияющие на ход его президентства. Чтобы заслужить доверие — как в действительности, так и в восприятии — ФБР и его директор не могут быть близки с президентом. Так что в последний раз у нас с президентом Обамой состоялся разговор, какой мог бы быть у двоих бывших однокурсников. Мы спорили и обсуждали трудные вопросы, не относившиеся к компетенции директора ФБР, вроде использования дронов для убийства террористов. Меня поразило то, как он видел и оценивал под разными углами зрения сложную проблему. И, полагаю, он хотел в последний раз оценить меня и то, как я обдумываю проблемы, прежде чем состоится моё выдвижение.

На выходе из двери я сказал Кэти Руммлер, насколько был удивлён этой интересной дискуссией, сказав ей: «Не могу поверить, что кого-то со столь гибким умом действительно избрали президентом».

У нас с Президентом Обамой больше никогда не было неформальных бесед.

* * *

До того, как я вступил в эту должность, у ФБР было всего лишь шесть директоров с 1935 года, когда его официально называли Федеральным Бюро Расследований. Его первый, легендарный Дж. Эдгар Гувер, возглавлял организацию почти пятьдесят лет (включая предшествующую организацию, Бюро Расследований) и выстроил вокруг себя культ, в значительной степени сформировавший Бюро и его агентов. Гувер десятилетиями железной рукой управлял агентством и вселял страх в сердца политических лидеров. У него были «личные досье» на многих из них, кое-что из которых он давал им знать. Он обедал и выпивал с президентами и сенаторами, позволяя им использовать ФБР, когда его это устраивало, и запугивая их ФБР, когда его это устраивало.

Внутри ФБР директор являлся абсолютным центром. Его подход принёс организации громадную славу, внимание и силу. Он также создал обстановку, при которой целью большинства агентов и руководителей ФБР являлось избежать быть замеченным мистером Гувером. Скажи ему то, что он хочет услышать, а затем продолжай свою работу. Эту ментальность было сложно изменить даже спустя десятилетия после смерти Гувера.

Перед тем, как меня в 2013 году привели к присяге в качестве директора ФБР, я неделю следовал тенью за Бобом Мюллером. Боб, бывший морпех, в качестве директора отчасти следовал старой школе, не допуская того, что он рассматривал как панибратство. К примеру, в ужасные дни сразу после 11 сентября 2001 года жена заставила Боба убедиться, что его люди справляются со стрессом. На следующий день рано утром, по крайней мере, как мне рассказывали, он покорно обзвонил ключевых членов своего персонала — чьи кабинеты все находились в пределах десяти секунд ходьбы от него — с одним и тем же вопросом: «Как ты?». Когда каждый из них давал формальный ответ: «Отлично, сэр», он отвечал: «Хорошо», и вешал трубку.

Мюллер был характерно дисциплинирован, подготавливая меня к замене его на посту директора. В первое утро моей недели следования тенью он пояснил, что организовал для меня беседы с руководителями основных отделов ФБР. Я должен встретиться с ними один на один, сказал он, и каждый из них ведёт меня в курс проблем и возможностей в своей области. Затем, без малейшего намёка на улыбку пояснил Мюллер, после каждого из этих сеансов он встретится со мной, «чтобы рассказать тебе, что происходит на самом деле». Этот комментарий потряс меня. ФБР — это организация, посвящённая поиску правды. Зачем её директору нужно рассказывать мне, «что происходит на самом деле», после каждой встречи? Комментарий Боба предполагал, что либо старшие руководители не знали, что происходит в ФБР, либо не собирались быть правдивыми со мной, своим новым боссом, на эту тему. Я полагал последнее.

По моему опыту, многие люди не спешат говорить своим боссам только правду, и ничего кроме правды — и по вполне понятным причинам. Я мог слышать голоса циничных ветеранов ФБР, наставлявших персонажа фильма «Отступники»: «Что в этом хорошего? Это может только навредить тебе. Боссы как грибы; держишь их в неведении и кормишь дерьмом». Я восхищался Бобом и тем, как он преобразовал ФБР после 11 сентября,

заставляя организацию пробивать стены, преодолевать своё наследие в качестве исключительно детективной культуры и стать полностью интегрированным членом разведывательного сообщества. Боб доказал, что было бы ошибкой разбивать ФБР на агентство уголовных расследований и контртеррористическое агентство, сделав ФБР успешным и в том, и в другом. Я был в восторге от того, что он сделал, но я также хотел сигнализировать о более открытом стиле руководства.

Меня официально привели к присяге в качестве седьмого директора ФБР 4 сентября 2013 года. После задержки, вызванной бюджетной борьбой в Конгрессе — закончившейся приостановкой работы федерального правительства из-за недостатка финансирования — мы в октябре организовали в штаб-квартире ФБР официальное введение в должность. На церемонии присутствовал Президент Обама, и я увидел одно из первых свидетельств того, что сделало его бесспорным лидером.

Патрис с нашими детьми, конечно же, присутствовали на церемонии. Две старшие мои девочки привели с собой бойфрендов, с которыми у них были серьёзные отношения, и мы все присоединились к президенту для памятного фото по случаю данного события. Помня, что он узнал о нашей группе во время официального представления, Президент Обама улыбнулся для первого фото, а затем, указав на бойфрендов, сказал: «Эй, почему бы нам не сделать ещё одно без этих парней? Знаешь, на всякий случай». Он сказал это игривым тоном, и сделал это таким образом, что никого не обидел. Но, могу сказать, он был при этом ещё и вдумчивым, как мало кто из руководителей. Что, если всё не сложится с тем или другим из этих парней? Что если их присутствие на фотографии с президентом навсегда испортит её для семейства Коми? Так что, к нашему огромному удивлению, Обама сделал жест бойфрендам выйти из кадра. (Я счастлив сообщить, что один из тех парней в данный момент является нашим зятем, а другой — скоро станет).

Хотя это и был незначительный момент, что поразило меня в замечании Президента Обамы, так это то, что он проявил чувство юмора, проницательность, способность установить контакт с публикой, что позже я имел возможность ещё сильнее оценить в этом президенте. Все эти качества обязательны для хороших руководителей. В особенности чувство юмора поражает меня, как важный, «говорящий», индикатор чьего-то эго. Жизненно важно для эффективного руководства поддерживать баланс уверенности и скромности. Искренний смех требует определённого уровня уверенности, потому что все мы выглядим немного глупо, когда смеёмся; это делает нас уязвимыми, чего боятся неуверенные в себе люди. И смех также зачастую является высокой оценкой других, сказавших что-то смешное. То есть, не вы сказали это, и смехом вы признаёте другого, чего не могут сделать неуверенные в себе люди.

У Президента Буша было хорошее чувство юмора, но зачастую за счёт других людей. Он слегка резковато поддразнивал людей, что, по всей видимости, выдавало в его личности некоторую неуверенность. Его поддразнивание осуществлялось таким образом, чтобы гарантировать, что понятна иерархия в его взаимоотношениях с другими людьми,

странное дело, учитывая, что он был президентом Соединённых Штатов, что являлось верным способом удерживать его людей от оспаривания рассуждений руководителя.

Президент Обама мог смеяться с другими и, как в случае с Президентом Бушем, при определённых обстоятельствах мог подшучивать над собой, как когда Буш сказал студентам-троечникам на вручении дипломов: «Вы тоже можете стать президентом Соединённых Штатов». Хотя, в отличие от Буша, я никогда не видел у Обамы юмора на грани унижения, что, с моей точки зрения, отражает его уверенность в себе.

* * *

Работа директора ФБР намного шире, чем может показаться извне, или как она изображается в фильмах, где большая часть работы директора кажется полностью сосредоточенной на отдельных делах и том, чтобы поймать плохих парней. В данном случае он является генеральным директором чрезвычайно сложной организации. Каждый день начинался очень рано, когда охрана директора подбирала меня, чтобы отвезти на работу. Хотя у меня и была служба безопасности из заместителей маршалов США, когда я служил заместителем генерального прокурора во времена администрации Буша, моя новая команда состояла из специально обученных специальных агентов ФБР, и была намного больше и сильнее, так как угроза для директора ФБР выше.

Как и в случае с защищавшими меня в бытность заместителем генерального прокурора маршалами США, присматривавшие за мной и моей семьёй федеральные агенты стали семьёй. Что хорошо, потому что мы испытывали их так, как могут только родственники. Однажды мы были в Айове на свадьбе со стороны Патрис. Я лёг спать, а Патрис осталась допоздна играть в карты с нашими детьми и их кузенами. Как это обычно было, мой номер в отеле охранялся всеми возможными способами, а все вокруг меня в отеле являлись агентами. И как они обычно делали, агенты дали мне устройство с кнопкой, которую нужно было нажать в случае чрезвычайной ситуации. Я побаивался этой штуковины, и всегда клал её в номере отеля подальше от себя, чтобы случайно не коснуться ночью. Этой ночью я положил её на столешницу во внешней комнате, и отправился отдыхать подальше в спальню.

Я не сказал Патрис, что положил кнопку на стойку во внешней комнате, как раз в том самом месте, где она тихо переодевалась в 2 часа ночи, чтобы не будить меня. Должно быть, она что-то положила поверх кнопки, так как примерно через пять секунд в дверь начали барабанить. Она приоткрыла щёлочку в двери и увидела там стоявшего под неправильным углом в футболке и семейных трусах главного агента. Он держал руку за спиной так, чтобы она её не видела. Он выглядел очень напряжённым.

— Всё в порядке, мэм?

— Да, я как раз готовлюсь ко сну.

— Вы уверены, что всё в порядке, мэм?

— Да.

— Могу я увидеть директора, мэм?

— Он спит в другой комнате.

— Пожалуйста, Вы не проверите его?

Патрис прошла в спальню, увидела меня и вернулась обратно с докладом: «Я вижу его там спящим. Он в порядке».

— Благодарю, мэм. Простите, что побеспокоил.

Чего Патрис не могла видеть, но я узнал на следующее утро, это что там по обеим сторонам двери вдоль стены выстроились агенты, держа за спинами низко опущенные пистолеты. Она коснулась кнопки. Моя вина.

ФБР гордится сильным культом огнестрельного оружия. Оружие в руках хороших парней было обычной практикой жизни ФБР. На каждом общем собрании у восьмидесяти процентов присутствующих был с собой пистолет. Со временем я привык видеть пистолет в кобуре на лодыжке, когда заместитель директора во время собрания закидывал ногу на ногу. В конце концов, заместитель директора является старшим специальным агентом организации, и всегда вооружён, кроме тех случаев, когда направляется в Белый дом. Как директору, мне тоже было разрешено носить оружие, но я полагал, что это лишь усложнит мне жизнь. Боб Мюллер считал так же. Кроме того, меня весь день окружали вооружённые люди. Если я не был в безопасности в руках ФБР, тогда у нашей страны действительно были проблемы. Шон Джойс, служивший моим первым заместителем директора, стал в организации знаменитостью, нажав «ответить всем», когда какой-то бюрократ из Бюро разослал всеобщее оповещение с инструкцией для персонала укрыться или бежать в случае появления на рабочем месте «активного стрелка». Шон ответил, что любой специальный агент, который последует этому совету и спрячется или не соберётся бежать в сторону активного стрелка, будет уволен.

* * *

В своих утренних поездках на работу я обычно читал на заднем сиденье полностью бронированного чёрного «Субурбан», готовясь к первым двум совещаниям дня. Но до любых совещаний я садился за свой стол и читал ещё, начиная с заявок, которые Министерство юстиции представляло в суд для электронной слежки в делах ФБР, касавшихся национальной безопасности. Каждая заявка должна была быть лично одобрена директором или, в его отсутствие, заместителем директора. Я просматривал заявки толщиной в три сантиметра каждая, вытаскивая их из стопки, которая по утрам часто бывала толщиной сантиметров тридцать. Просмотрев и подписав заявки, я читал секретный отчёт разведки, который мне приносили, чтобы ознакомить с разведанными, относящимися к миссиям ФБР по предотвращению терроризма и отражению угроз со стороны иностранных разведок на территории Соединённых Штатов. Затем я читал несекретные материалы, относящиеся к другим нашим многочисленным обязательствам. Выполнив это домашнее задание, я был готов к встрече со своей старшей командой, начиная с шести-десяти самых высокопоставленных людей, чтобы обсудить наиболее чувствительные секретные вопросы, за которой следовало совещание, на котором присутствовало уже больше руководителей ФБР.

Я задавал этой группе вопросы и получал их утренние доклады по темам, охватывавшим всё ФБР: персонал (включая ранения наших агентов), бюджет, противодействие терроризму, контрразведку, оружие массового поражения, кибер-угрозы, уголовные дела (включая дела по киднеппингу, серийным убийствам, бандитизму и коррупции), развёртывания групп по спасению заложников, дела Конгресса, прессу, законность, обучение, лабораторию ФБР, международные дела, и далее, и далее. Почти каждый день я затем отправлялся на встречу с генеральным прокурором, чтобы проинформировать её или его по важнейшим вопросам.

Во время администрации Обамы я работал с двумя генеральными прокурорами — Эриком Холдером и Лореттой Линч. Каждый из них был умным и представительным юристом, и мне нравились они оба. Холдер был близок к Президенту Обаме и его старшей команде, и очень внимателен к политике и политическим последствиям работы министерства. К тому времени, как я стал директором, его отношения с республиканцами в Конгрессе были уже токсичными, а возглавляемая республиканцами Палата представителей проголосовала обвинить его в неуважении за отказ предоставить удовлетворяющую их информацию о расследовании торговли оружием ATF[25] на юго-западной границе, известной как операция «Быстрый и яростный»[26]. Неуважение, казалось, было взаимным.

Лоретта Линч была намного спокойнее, и являлась новичком в Вашингтоне. Она говорила мало, да и то, зачастую казалось, что строго по сценарию. Всегда требуется время, чтобы привыкнуть к высокой должности; не уверен, что короткий срок Линч дал ей это время. И

там, где у Холдера были тесные рабочие отношения со своим заместителем генерального прокурора, отношения Линч с заместителем генерального прокурора Салли Йетс казались далеко не близкими и натянутыми. Как будто они и их команды просто не разговаривали друг с другом.

Мои дни были заняты как чрезвычайными ситуациями, так и дисциплинированным выполнением приоритетных программ. Я, среди прочего, старался изменить подход ФБР к руководству, киберпространству, многообразию и разведке, что требовало постоянного внимания генерального директора — или директора — чтобы двигать их вперёд. А ФБР, к тому же, международная компания, с людьми в каждом штате и более чем восьмидесяти других странах. Это означало, что мне было необходимо много ездить, чтобы видеться, слушать и говорить с людьми из ФБР.

За свои первые пятнадцать месяцев на посту директора я посетил все пятьдесят шесть отделений ФБР в Соединённых Штатах и более дюжины заграничных. Я отправлялся туда, чтобы слушать и узнавать о людях из ФБР. Что они из себя представляют, чего хотят, что им необходимо? Я проводил часы за часами, встречаясь с ними и выслушивая их. Первое, что поразило меня, что две трети работников ФБР не являются носящими оружие специальными агентами. Они представляют собой чрезвычайно многообразную совокупность талантливых людей из всех слоёв общества, служащих в ФБР аналитиками разведки, лингвистами, компьютерными специалистами, переговорщиками, специалистами по наблюдению, лабораторными экспертами, специалистами по работе с потерпевшими, сапёрами, и на многих других должностях. Та одна треть, что является специальными агентами, особенно тысячи тех, кого после 11 сентября привлекла к службе в ФБР любовь к стране, столь же многообразны: бывшие копы и морпехи, но также и бывшие учителя, химики, врачи, духовенство, бухгалтеры, программисты и профессиональные атлеты. Многие из них выглядели, как киношные специальные агенты — высокие привлекательные мужчины и женщины в деловых костюмах — но они были всех форм и размеров, от коротких стрижек до хвостиков, от татуировок на лодыжках до хиджабов, от двухметрового роста до полутораметрового. Что двигало ими всеми, так это осязаемое чувство миссии. Они помогли мне переписать программное заявление организации, чтобы оно соответствовало тому, что уже было написано в их сердцах: они существуют, чтобы «защищать американский народ и поддерживать Конституцию Соединённых Штатов».

Я был поражён их талантом, но меня пугала одна тенденция. С 11 сентября основная масса специальных агентов неуклонно белела. Когда я стал директором, 83 процента специальных агентов были белыми нелатиноамериканского происхождения. Как я пояснил персоналу, у меня не было проблем с белыми людьми, но эта тенденция представляла серьёзную угрозу для нашей эффективности. В становящейся всё многообразнее стране, что, на мой взгляд, замечательно, если все агенты выглядят как я, мы менее эффективны. Восемьдесят три процента могут очень быстро превратиться в сто процентов, если ФБР станет «тем местом, где работают белые». Я сказал

сотрудникам, что эти вызовы и возможности были выражены в том, что ответила одна из моих дочерей, когда я рассказал ей о нашем кризисе многообразия: «Пап, проблема в том, что ты — Человек. Кто захочет работать на Человека?»

Моя дочь была права, но и ошибалась. Потому что если люди узнают, кем в действительности являются мужчины и женщины ФБР, и в чём, в действительности, заключается их работа, они захотят стать его частью. Почти никто не уходит из ФБР, став специальным агентом. Белые или чернокожие, латиноамериканцы или азиаты, мужчины или женщины, годовой оборот практически один и тот же — 0,5 процента. Как только люди прочувствуют окружение и миссию ФБР, они обретают к нему пристрастие, и остаются вплоть до отставки, несмотря на правительственные зарплаты и работу под невероятным напряжением. Наша задача, сказал я ФБР, просто выйти и показать большему числу цветных людей и большему числу женщин (их количество годами застряло на отметке чуть ниже двадцати процентов) на что похоже это место, и предложить им попробовать стать его частью. Это не ракетостроение, сказал я; таланты где-то рядом. Они просто не знают, чего им не хватает. Так что мы сделали своей страстью показать им это, и всего за три года цифры стали существенным образом меняться. На третьем году моего пребывания в ФБР огромный класс новых агентов в Куантико на 38 процентов состоял не из белых. Наши стандарты не поменялись; мы просто делали всё возможное, чтобы показать людям жизнь, которую они могли обрести, присоединившись к нам, что заразительно в хорошем смысле этого слова.

Из своих поездок по стране и миру я узнал кое-что ещё: руководители ФБР были недостаточно хороши. В частном секторе я узнал, что лучшие организации одержимы талантом руководителя — они ищут его, тестируют, тренируют и делают частью каждого разговора. Они относятся к таланту руководителя как к деньгам. Однако в ФБР руководство было в значительной степени запоздалым. На протяжении десятилетий эта организация рассчитывала на то, что хорошие люди добровольно вызовутся быть руководителями, а затем смирятся со всеми этими семейными переездами и временем, которое требовалось проводить в штаб-квартире в Вашингтоне. К счастью, многие хорошие люди вызывались добровольцами. Но такого рода подход также являлся рецептом для людей, становящихся руководителями, чтобы избежать работы, которую они не очень хорошо выполняли, или людей, продвигавшихся своими боссами, чтобы избавиться от них. Слушая работников, я обнаружил, что у нас есть несколько отличных руководителей, несколько паршивых руководителей, и все остальные, располагавшиеся между ними. Это было просто неприемлемо для столь важной организации, как ФБР.

Я сказал организации, что у меня есть амбициозная цель: однажды ФБР станет правительственной фабрикой превосходного руководства, и частные работодатели будут считать дни до выхода в отставку руководителя ФБР (для специальных агентов, в пятьдесят лет), чтобы они могли нанять их на руководящие посты. ФБР станет столь успешным в распознавании и выращивании руководителей, что все бремя правительственного руководства, которое приходилось нести семьям ФБРовцев, будет

вознаграждено успешной второй карьерой в частном секторе. Я сказал нашим работникам, что военная служба — отличные организации, но не было причины, почему бы ФБР не стать доминирующим правительственным поставщиком руководителей американских корпораций. Я сказал, что мы собираемся нарисовать картину того, как выглядит великолепное руководство, найти и вырастить тех, кто может быть великолепным, и научить или убрать тех, кто уже работает на руководящих должностях, и не справляется.

При широкой поддержке со стороны всей организации, я собирался ввести руководство в каждый уголок и в каждый разговор внутри ФБР, пока мы не станем равным образом превосходными, на всех ролях и на всех уровнях. Мы научим, что отличные руководители, это (1) честные и порядочные люди; (2) достаточно уверенные, чтобы быть скромными; (3) одновременно добрые и жёсткие; (4) открытые; и (5) знают, что все мы ищем смысл в работе. Ещё мы научим их, что (6) то, что они говорят, это важно, но то, что они делают, намного важнее, потому что их люди всегда смотрят на них. Короче говоря, мы будем требовать и развивать этичных руководителей.

Я немного знал об этом, потому что пришёл в ФБР, имея за плечами десятилетия, проведённые наблюдая за руководителями, читая о руководителях и стараясь быть руководителем. Из всего этого обучения и всех этих ошибок я узнал, за каким типом руководителя я хочу следовать, и каким типом я хочу быть. И я сразу же постарался попробовать показать этот пример.

К примеру, в свой первый полноценный рабочий день в роли директора ФБР я сел в зале перед камерой и говорил со всеми работниками о своих ожиданиях от них, и их ожиданиях от меня. Я выступал, сидя на стуле, в галстуке, но без пиджака. На мне была синяя рубашка. Извне это могло показаться не столь уж важным событием, но Боб Мюллер носил белую рубашку каждый день на протяжении двенадцати лет (Конгресс продлил его десятилетний срок ещё на два года). Не по определённым дням или большую часть дней — каждый день. Это было культом, и я подумал, что цвет рубашки станет первой попыткой немного сменить тон. Я ничего не сказал о своей рубашке, но люди заметили.

Я изложил свои пять ожиданий в тот первый день, и множество раз впоследствии. Их слышал каждый новый работник, и я повторял их везде, куда бы не направлялся в организации:

? Я ожидал, что они будут находить радость в своей работе. Они являлись частью организации, посвящённой тому, чтобы творить добро, защищать слабых, возвращать украденное, и ловить преступников. Это была работа с моральным содержанием. Её выполнение должно являться источником огромной радости.

? Я ожидал, что они будут относиться ко всем людям с уважением и достоинством, независимо от их жизненного статуса или места в жизни.

? Я ожидал, что они будут защищать водоём истины и доверия организации, что делает возможной всю их работу.

? Я ожидал, что они будут усердно работать, потому что должны это налогоплательщикам.

? Я ожидал, что они будут бороться за гармонию в своей жизни.

Последнее я подчеркнул особо, так как беспокоился, что многие люди в ФБР, влекомые миссией, работали слишком усердно и впитывали слишком много стресса из того, что видели. Я говорил о том, чему научился за год наблюдения за Диком Кэйтсом в Мэдисон, штат Висконсин. Я ожидал, что они будут бороться за продолжение жизни, бороться за гармонию других интересов, другую активность, других людей, вне работы. Я пояснил, что рассудительность жизненно важна для качественного осуществления полномочий. Так как у них будет огромная власть, чтобы творить добро или, если они злоупотребят этой властью, творить зло, мне нужна трезвая рассудительность, то есть способность покрутить проблему со всех сторон и взглянуть на неё глазами очень отличающихся от вас людей. Я сказал им, что хотя и не уверен, откуда она берётся, я знаю, что возможность сохранять рассудительность оберегается умением отстраниться от работы и отдохнуть. Это физическое расстояние сделает возможным взглянуть на проблему под другим углом, когда они снова вернутся к работе.

И затем я затронул личное: «У вас в жизни есть люди, которых вы зовёте ‘любимыми’, потому что предполагается, что вы любите их». В нашей работе, предупредил я, есть болезнь, называемая ‘верну это’. То есть, вы можете сказать себе: «Я стараюсь защитить страну, так что, я ещё вернусь к», — своему супругу, своим детям, своим родителям, своим братьям и сёстрам, своим друзьям. «Возврата нет», — сказал я. — «В этой линии жизни вы узнаете, что с хорошими людьми случаются плохие вещи. Вы обернётесь, чтобы вернуться, а их уже не будет. Я приказываю вам любить кого-то. Это правильно, и, к тому же, это вам полезно».

Я добавил кое-что, чему научился у борьбы со «Звёздным Ветром» и пытками. Когда кто-то устал, его суждения могут нарушиться. Когда он продолжает тянуть, ему трудно всплыть над проблемой, и представить себя и проблему в другом месте и времени, так что я дал им ещё одно указание: спать. Когда вы спите, ваш мозг в действительности вовлечён в нейрохимический процесс суждения. Он составляет карту связей и ищет смысл среди всех данных, которые вы получали на протяжении дня. Как правило, усталые люди не обладают оптимальным суждением. «И это не так сложно, как вы могли бы

подумать», — добавил я с улыбкой. — «Вы можете быть многозадачными. Вы можете спать с людьми, которых любите. При соответствующих обстоятельствах».

* * *

Однажды во время моей первой недели я около полудня вышел из своего огромного кабинета и прошёл через свой громадный зал заседаний мимо стола помощника Боба Мюллера по административным вопросам, которая проработала со мной ещё несколько месяцев. Она провела на этом посту несколько десятилетий, и являлась для меня бесценным источником, но была лучше знакома с иным стилем руководства.

— Куда вы идёте? — спросила она.

— Купить сэндвич, — ответил я.

— Зачем?

— Потому что проголодался. Я просто собираюсь сбежать в кафетерий.

— Что, если люди попытаются поговорить с вами? — с удивлённым видом спросила она.

— Я надеюсь, что они поговорят со мной.

При любой возможности на протяжении своих трёх лет, восьми месяцев и пяти дней на посту директора ФБР, я проходил по длинному коридору и один пролёт по лестнице вверх в кафетерий штаб-квартиры ФБР. Я никогда не носил пиджак. Я просил охрану держаться от меня достаточно далеко, чтобы люди думали, что я иду один. Я не хотел, чтобы работники ФБР думали, что меня необходимо защищать от них.

Вне зависимости от того, что я чувствовал внутри, я старался передвигаться упругой походкой, держась прямо и улыбаясь всем, мимо кого шёл. Как я это видел, когда директор ФБР входил в тот кафетерий, к нему оборачивались сотни пар глаз, и каждая пара задавала, в какой-то форме, один и тот же вопрос: «Итак, как у нас дела?». По моему лицу и осанке должен был читаться ответ: «У нас всё просто замечательно. Всё будет в порядке».

Ещё, я никогда не лез без очереди. Даже когда очень хотелось, и даже когда спешил. Я стоял и ждал, пока люди передо мной закажут панини[27] (что, кстати говоря, занимало целую вечность). Я считал, что было очень важно показать людям, что я не лучше всех

остальных. Так что ждал.

Стояние в очереди позволяло мне пообщаться с людьми. Я поворачивался к стоявшим рядом со мной, и просил их рассказать мне свою историю, включая, что им нравится в их работе в ФБР. Я очень многое вынес из этих многочисленных бесед. Одним из уроков было, что я не являлся большой шишкой, как сам считал. Однажды, проведя на этом посту уже почти год, я обернулся к парню позади себя и спросил его о нём. Я узнал, что он работал на компьютерных серверах. Он рассказал, что уже три года в ФБР, и что больше всего ему в агентстве нравится то, что он может получить опыт и ответственность далеко за рамками тех, что предлагает людям его возраста частный сектор. Затем возникла неловкая пауза, и, вероятно, он подумал, что нужно проявить вежливость. Так что он спросил: «А как насчёт тебя самого?»

— Я — директор, — ответил я.

Качая головой из стороны в сторону, чтобы подчеркнуть вопрос, он спросил: «Директор...?»

— Чувак, — сказал я. — Я — директор ФБР. Ты работаешь на меня.

Ещё одна неловкая пауза. Наконец, он произнёс: «О-о, в онлайн ты выглядишь совсем по-другому».

Тем вечером я пришёл домой и рассказал Патрис эту историю. «Такое должно происходить с тобой каждый день», — сказала она со смехом.

* * *

Прежде чем стать директором ФБР, я проработал в «Бриджуотер ассошиэйтс» — которая стремилась выстроить культуру полной прозрачности и честности. Там я узнал, что иногда могу быть эгоистичным и слабым руководителем. Чаще всего это случалось из-за того, что я колебался сказать работавшим на меня людям, что считаю, что им нужно исправиться. Лучший руководитель одновременно и добрый, и жёсткий. Без чего-либо одного люди не преуспеют. Основатель «Бриджуотер», Рэй Далио, считает, что не существует отрицательной или положительной обратной реакции; существует лишь точная обратная реакция, и мы должны достаточно заботиться друг о друге, чтобы быть точными. Избегая трудных разговоров и не говоря людям, где у них не получается, и как они могут исправиться, я лишал их шанса на рост. Моя щепетильность была не только трусливой, она была эгоистичной. Если бы я действительно заботился о работавших на

меня людях — если бы я создавал атмосферу глубоких личных соображений, как хотел — мне следовало достаточно позаботиться о том, чтобы быть честным, даже если это ставило меня в неудобное положение. Конечно, я всё же должен рассмотреть лучший способ донести послание. Для каждого разговора есть правильное время и правильный способ. Если у кого-то только что умерла мама, это не тот день, чтобы быть точным, но для меня было бы честью непременно найти способ завести тот разговор.

Эффективным руководителям почти никогда не нужно кричать. Руководитель должен создать атмосферу, в которой разочаровать его для его людей означает разочаровать самих себя. Чувство вины и привязанность намного более мощные мотиваторы, чем страх. Великие тренеры в командных видах спорта — это почти всегда люди, которым просто нужно тихо сказать: «Это было не самое лучшее, на что мы способны, верно?», чтобы его игроки растаяли. Они любят этого человека, знают, что он любит их, и будут неустанно трудиться, чтобы не разочаровать его. Людей влечёт к такому типу руководителя, как в те годы меня влекло к Гарри Хауэллу, бакалейщику. Руководитель, который кричит на своих работников или принижает их, не привлечёт и не удержит надолго большие таланты.

В ФБР я часто говорил о Леброне Джеймсе. Хотя я и не знал этого человека лично, я говорил о нём по двум причинам. Во-первых, я считаю его на сегодня лучшим баскетболистом в мире. Во-вторых, он никогда не удовлетворён тем, что достаточно хорош. Я читал, что он проводит каждое межсезонье, работая над какой-то одной частью своей игры, чтобы совершенствовать её. На первый взгляд, это кажется безумием; он уже лучше всех остальных. Но всё становится на свои места, когда вы начинаете смотреть с его точки зрения: он не оценивает себя на фоне других игроков; он оценивает себя на фоне себя самого. Лучшие руководители безразличны к «сопоставлению», к сравнению своей организации с другими. Они знают, что их — недостаточно хороша, и постоянно подталкивают стать лучше.

В начале моего срока в качестве директора, когда я заявил, что культура руководства ФБР требует совершенства, кто-то протянул мне результаты исследования, показывавшие, что, согласно им, мы находились на втором месте по управлению среди семнадцати агентств разведывательного сообщества Соединённых Штатов. Я вернул эти результаты, пояснив, что мне всё равно; я не оцениваю нас на фоне их. Я оцениваю нас на фоне нас, и мы и близко не достаточно хороши. Жёсткий и добрый руководитель достаточно любит своих людей, чтобы знать, что они всегда могут улучшить свою игру. Он зажигает в них огонь всегда стремиться стать лучше.

Я знал, что были другие области, где мы могли бы совершенствоваться, и предложил всем работникам почитать «Письмо из Бирмингемской тюрьмы» Мартина Лютера Кинга-младшего, одну из наиболее важных вещей, которые я когда-либо читал. Вдохновлённое отчасти богословом Рейнгольдом Нибуром, письмо Кинга посвящено поиску правосудия в полном недостатков мире. Я перечитывал его несколько раз с тех

пор, как впервые случайно наткнулся на него в колледже. Так как я знал, что взаимодействие ФБР с движением за гражданские права, и доктором Кингом в частности, являлось тёмной главой в истории Бюро, я хотел сделать нечто большее. Я приказал создать учебный курс в учебной академии ФБР в Куантико. Я хотел, чтобы все стажёры — агенты и аналитики — изучили историю взаимодействия ФБР с Кингом, как законная контрразведывательная миссия против проникновения коммунистов в наше правительство превратилась в неконтролируемую злобную кампанию притеснения, и не предусмотренную законом атаку на руководителя движения за гражданские права и других. Я хотел, чтобы они помнили, как благонамеренные люди сбились с пути. Я хотел, чтобы они знали, как ФБР направило Кингу письмо, шантажируя его и предлагая покончить с собой. Я хотел, чтобы они взгляделись в эту историю, посетили вдохновляющий Мемориал Кинга в Вашингтоне, округ Колумбия, с его длинными каменными арками со словами Кинга, и подумали над ценностями ФБР и нашей ответственностью всегда добиваться большего.

Учебный отдел ФБР создал учебную программу, которая делает именно это. Все стажёры ФБР изучают эту болезненную историю и завершают курс посещением мемориала. Там они выбирают со стены одну из цитат доктора Кинга — может, «Несправедливость где-либо — это угроза справедливости повсюду», или «Главное мерило человека не в том, на чем он стоит во времена тихие и спокойные, а в том, какую позицию он занимает во времена сомнений и испытаний» — и затем пишут эссе о соприкосновении этой цитаты с ценностями ФБР. Курс не говорит стажёрам, что думать. Он лишь говорит им, что они должны думать, об истории и институциональных ценностях. Последний раз, когда я проверял, курс оставался одним из самых рейтинговых периодов из их многих недель в Куантико.

Чтобы внедрить эту идею в сознание, я раздобыл копию записки от октября 1963 года Эдгара Гувера генеральному прокурору Роберту Ф. Кеннеди, в которой он просил разрешения вести электронную слежку за доктором Кингом. Подпись Кеннеди внизу этой записки на одну страницу, длиной всего в пять предложений, и не содержащей значимых фактов, предоставляла эти полномочия без ограничения по времени и месту. Я положил эту записку под стекло в углу стола, там, где каждое утро просматривал заявки ФБР и Министерства юстиции на проведение электронной слежки в интересах национальной безопасности на территории Соединённых Штатов. Как и от Гувера, от меня требовалось лично подписать каждую заявку. Разница заключалась в том, что наши заявки направлялись в суд, и зачастую были толще моей руки. Как я объяснял сотрудникам, получить разрешение на проведение такого вида слежки — целая головная боль, и так и должно быть.

Я держал там записку Гувера не для того, чтобы критиковать Гувера или Кеннеди, а для напоминания о цене надзора и ограничений. Я не сомневаюсь, что Гувер и Кеннеди считали, что поступают правильно. Чего им не хватало, так это содержательной проверки их предположений. Не было ничего, что могло их проверить. Больно открыто смотреть на

себя, но это единственный способ изменить будущее.

Рядовые члены ФБР очень позитивно реагировали на эту и другую инициативы, что я мог видеть по их ежегодному анонимному рейтингу меня в организации. Но я знал, что некоторые выпускники академии ФБР находились в растерянности, почему, казалось, я «нападаю» на организацию, которую возглавляю. Но практически всегда прозрачность лучше всего. Выкладывать на стол проблемы, боль, надежды и сомнения, чтобы мы могли честно обсудить их и работать над улучшением — вот лучший способ руководства. Признавая свои проблемы, мы получаем отличный шанс решить их самым лучшим способом. Глубоко засевшая боль с годами никогда не становится легче. А помня, и будучи открытыми и правдивыми в отношении своих ошибок, мы уменьшаем шанс повторить их.

Гарри Трумэн однажды сказал: «Единственная новая вещь в этом мире, это история, которой ты не знаешь». Люди склонны совершать те же глупости и те же ужасные поступки, снова и снова, потому что мы забываем.

Глава 9

ВАШИНГТОНСКОЕ СЛУШАНИЕ

Дай мне, Господи ... не быть понятым, но понимать.

Молитва за мир святого Франциска

ЭРИК ГАРНЕР. ТАМИР РАЙС. Уолтер Скотт. Фредди Грэй.

Это имена некоторых из чернокожих гражданских людей, погибших во время стычек с полицией в 2014 и 2015 годах. Эти стычки были сняты на видео, и эти видеоролики стали вирусными, поджигая общины, пропитанные легковоспламеняющейся смесью из дискриминации и жестокого обращения. И хотя не было видеозаписи этой стрельбы, одна смерть в особенности потрясла страну. 9 августа 2014 года молодого чернокожего

мужчину по имени Майкл Браун застрелил белый офицер полиции в Фергюсоне, штат Миссури, вызвав волнения в той общине, и привлёкши в Америке беспрецедентное внимание к использованию полицией смертоносной силы против чернокожих людей.

Спустя несколько месяцев после этой стрельбы федеральное расследование открыло некоторые важные истины. Полиция Фергюсона была вовлечена в систематическое дискриминационное поведение в отношении афроамериканцев, а городские власти — от наложения штрафов до системы освобождения под залог — действовали так, чтобы репрессировать чернокожих людей. Как и в столь многих американских городах и посёлках, полиции было необходимо измениться, прежде чем афроамериканцы начнут доверять им. Было ясно, что смерть Майкла Брауна явилась трагической искрой, воспламенившей пороховую бочку, созданную репрессивной деятельностью полиции в той общине.

Но в конце концов Министерство юстиции посчитало, что было недостаточно доказательств, чтобы обвинить того офицера полиции в федеральном преступлении против гражданских прав за убийство Майкла Брауна. Агенты ФБР постучали в сотни дверей по всему Фергюсону и обнаружили не только то, что было недостаточно доказательств, но и что первоначальные сообщения СМИ о стрельбе были фактически ошибочными и вводящими в заблуждение.

Вопреки тому, что слышало или думало, что видело большинство общественности, существовали веские доказательства, что Майкл Браун не сдавался, когда был застрелен, а анализ ДНК доказывал, что он напал на офицера и пытался завладеть его оружием. В определённом смысле, эти выводы федеральных следователей — сделанные спустя несколько месяцев после смерти Майкла Брауна — были не важны; большая часть мира уже слышала ложные сообщения и считала, что Браун был застрелен, когда сдавался с поднятыми вверх руками. За то время, что потребовалось правде, чтобы встать на ноги, ложная информация уже много раз обернулась вокруг Земли.

Выводы Министерства юстиции были важными, но запоздалыми. К весне 2015 года, когда министерство закончило свою работу и обнародовало подробный отчёт о расследовании и свои выводы, несколько получивших широкую огласку заснятых на видео стычек между полицией и афроамериканцами резко повысили внимание к использованию силы полицией. Миллионы просмотрели видеоролики жестоких стычек с полицией, включая те, на которых офицеры департамента полиции Нью-Йорка задушили Эрика Гарнера, и офицеры полиции Кливленда пристрелили двенадцатилетнего Тамира Райса в городском парке. Миллионы других людей видели, как Уолтер Скотт был убит офицером полиции из Южной Каролины, которого, после того, как он застрелил Скотта в спину, сняли на видео, когда он пытался изменить место преступления, стараясь скрыть сделанное. Ещё больше видели, как офицеры из Балтимора тащат Фредди Грэя на заднее сиденье полицейского фургона для поездки, которой он не переживёт. Эти трагические смерти оказали преобладающее влияние на восприятие полиции. Они затопили и затмили миллионы

позитивных профессиональных встреч граждан с офицерами полиции, и по отношению ко всем сотрудникам правоохранительных органов в форме поднялась необычайная волна гнева.

Во время этого нестабильного периода в декабре 2014 года двое офицеров департамента полиции Нью-Йорка были казнены убийцей, заявившим, что действует в отместку, «надевая на свиней крылья». Президент Обама попросил меня присутствовать на одних из похорон департамента полиции Нью-Йорка в качестве его представителя. Когда я говорил с семьёй офицера Веняна Лиу в маленьком похоронном бюро в Бруклине, горе было столь безмерным, что было тяжело дышать. Снаружи на холодном ветру на протяжении многих миль стояли офицеры полиции с каменными лицами.

Я чувствовал боль и гнев чёрных общин после Фергюсона, а теперь я чувствовал боль и гнев правоохранителей. Офицеры полиции не ощущали безопасность или признательность на улицах, которые старались защищать, а общины не доверяли полиции.

Правоохранительные органы и чёрные общины в Америке долгое время были разделены на параллельные линии — в некоторых общинах ближе, в других — дальше — но теперь эти линии повсюду расходились по дуге друг от друга, каждый видеоролик, изображавший смерть гражданского от рук полиции уводил в сторону одну линию, каждое убийство офицера полиции уводило в сторону другую.

Я старался сказать или сделать всё, что могло изменить ситуацию, чтобы помочь направить эти линии обратно в сторону друг друга. ФБР было федеральным следственным органом, но мы были глубоко вовлечены в местную политику, как в качестве инструкторов руководителей полиции, так и в качестве ключевого партнёра правоохранительных органов в форме. Я решил, что могу сделать две вещи. Я мог воспользоваться высокопоставленной должностью директора, чтобы сказать некоторые вещи, которые считал правдой, в надежде, что это поспособствует лучшему диалогу. А затем я мог воспользоваться присутствием ФБР по всей стране, чтобы организовать этот диалог. Так что в феврале 2015 года я отправился в Университет Джорджтауна и рассказал о четырёх «горьких правдах», которые необходимо знать каждому из нас.

Во-первых, сказал я, нам в правоохранительных органах необходимо признать ту правду, что мы давно стали проводниками сложившегося в Америке статуса-кво жестокого обращения с чернокожими людьми; нам необходимо признать нашу историю, потому что люди, которым мы служим и защищаем, не могут её забыть. Во-вторых, всем нам нужно признать, что внутри нас есть скрытые предубеждения, и если мы не будем осторожны, они могут привести к предположениям и несправедливости. В-третьих, с людьми из правоохранительных органов, которые должны реагировать на происшествия, ведущие к аресту столь многих цветных молодых людей, может произойти кое-что; это может искривить подходы и привести к цинизму. Наконец, сказал я, все мы должны признать, что

не полиция является первопричиной большинства серьёзных проблем в худших районах нашей страны, но что истинные причины и решения столь сложны, что намного легче говорить лишь о полиции. Затем я приказал всем пятидесяти шести отделениям ФБР по стране организовать встречи между правоохранительными органами и общинами, чтобы поговорить о том, что есть правда, и как выстроить доверие, нужное, чтобы направить те линии обратно навстречу друг другу. Трудно ненавидеть вблизи, и ФБР могло бы свести людей.

Общественная реакция на речь в Джорджтауне была положительной. Будучи белым директором ФБР с большим опытом работы в правоохранительных органах, я мог рассказать об истории и предрассудках правоохранительных органов то, чего не могли другие, и многие полицейские начальники в частном порядке были признательны за это. Но линии оставались далеки друг от друга, и в середине 2015 года происходило уже что-то зловещее. В конце лета более сорока крупнейших городов страны сообщили ФБР, что с конца 2014 года испытывают скачки числа убийств. Что было особенно необычным в этих цифрах, так это то, что рост числа убийств не был равномерным, и не следовал какой-либо очевидной схеме. Фактически, примерно двадцать из шестидесяти крупнейших городов Америки не наблюдали роста. Некоторые даже наблюдали снижение числа убийств. И города, некоторые с огромным ростом, некоторые без, были разбросаны по всей карте Америки.

Даже пока я говорил в Джорджтауне, убийства продолжали свой рост, и жертвы преимущественно были молодыми чернокожими мужчинами. В городах с резким ростом были разные проблемы с бандитизмом и незаконным оборотом наркотиков. Что, казалось, их действительно объединяло, это большие районы концентрации бедного чёрного населения, где всё больше молодых чернокожих мужчин убивалось другими молодыми чернокожими мужчинами.

Я слышал от руководства полиции, что этот рост мог быть связан с переменами в поведении среди полиции и гражданских, связанными с рассказами, вызванными вирусными видеороликами. Я не знал наверняка, и не обладал экспертной оценкой или данными, чтобы выяснить это, но был полон решимости поднять эту тему. Стране было бы слишком легко игнорировать новые смерти чернокожих мужчин, стране было бы слишком легко «объехать» проблему, потому что это происходило с «теми людьми, вон там». Кому-то нужно было что-нибудь сказать, чтобы завести диалог о происходящем. Моим самым горячим желанием было, чтобы я ошибался, и выяснилось бы, что этим числам есть какое-то простое объяснение, или что это была какая-то случайная, но широко распространённая статистическая аномалия.

В то же самое время, администрация Обамы и любопытный альянс либеральных демократов и либертарианских республиканцев в Конгрессе работали совместно над смягчением наказания за некоторые федеральные уголовные преступления. Это была одна из немногих областей политики, по которой могли прийти к соглашению некоторые

самопровозглашённые республиканцы Движения чаепития и Президент Обама. У меня не было изжоги от конкретных предложений, которые все казались мне вполне умеренными и разумными. Но национальный диалог о скачках числа убийств — и о том, что могло являться их причиной — было последним, чего хотели сторонники реформы уголовного правосудия. Я это понимал. Но я просто не мог молчать о смертях столько многих молодых чернокожих мужчин и вероятности того, что частью этого могли быть широкие перемены в поведении человека.

Так что я снова поднял эту тему в Чикаго в конце октября 2015 года. Я рассказал об удалявшихся друг от друга линиях общин и полиции, и о разводящем их в стороны различном толковании фактов, и для объяснения своей точки зрения воспользовался двумя популярными хештегами твиттера:

Я в действительности наблюдаю пример и демонстрацию этого удаления в хештегах, начиная с хештега [#blacklivesmatter](#)^[28] и заканчивая хештегом [#policelivesmatter](#)^[29]. Конечно, каждый из этих хештегов и то, что они представляют, добавляет голос к важному диалогу. Но каждый раз, когда кто-то интерпретирует хештег [#blacklivesmatter](#) как направленный против правоохранительных органов, одна из линий уходит в сторону. И каждый раз, когда кто-то интерпретирует хештег [#policelivesmatter](#) как направленный против чернокожих, в сторону уходит другая линия. Я действительно ощущаю, как эти линии продолжают удаляться и, возможно, ускоряясь, происшествие за происшествием, видеоролик за видеороликом, хештег за хештегом. И это для нас ужасно.

Затем я перешёл к росту числа убийств, сказав, что «по мере того, как эти линии удаляются друг от друга, и, возможно, всего лишь возможно, кое-где из-за того, что эти линии расходятся», мы видим огромные скачки числа убийств в уязвимых районах, и практически всегда это смерти молодых чернокожих мужчин. Я сказал, что общинам, учёным и правоохранительным органам необходимо требовать ответов. Я пробежался по некоторым из теорий, которые слышал — оружие, наркотики, банды, освобождение из тюрьмы заключённых — и сказал, что ничего из этого не кажется объясняющим карту и календарь: по всем Соединённым Штатам и все в одно и то же время.

Затем я сказал, что слышал ещё одну теорию: «Почти никто не говорит этого под запись, но полицейские и выборные должностные лица тихо говорят об этом между собой по всей стране. И это единственная теория, которая по моему мнению, по моему здравому смыслу, объясняет эти карту и календарь. И из всех объяснений, которые я слышал, это единственное представляется мне наиболее разумным. Возможно, что-то изменилось в подходе полиции к охране общественного порядка».

Я сказал: «Я не знаю точно, в этом ли дело. Я не знаю точно, что даже если дело в этом, то всё ли это объясняет. Но у меня есть сильное чувство, что некоторая часть происходящего похожа на дующий в правоохранительных органах последний год холодный ветер».

Я закончил призывом:

Нам необходимо выяснить, что происходит, и разобраться с этим сейчас. Я слышал, что некоторые парни полагают, что ещё слишком рано, сейчас лишь октябрь, нам следует дождаться конца года и посмотреть, что покажут криминальные сводки. Я отказываюсь ждать. Особенно в свете той информации, что у нас есть от всех шефов крупных городов, и особенно потому, что это не просто значения данных, это — жизни. Руководители правоохранительных органов не должны ждать, чтобы побуждать своих парней хорошо охранять общественный порядок. Под этим я подразумеваю твёрдо, справедливо и профессионально. И не менее важно, чтобы руководители общин не ждали, а требовали и помогали, чтобы эти офицеры хорошо охраняли общественный порядок. И настаивали на том, чтобы эти офицеры получили пространство, время и уважение, чтобы делать это эффективно и профессионально.

Я знал, что эти комментарии разозлят некоторых людей из администрации Обамы, но твёрдо чувствовал, что директор ФБР должен быть независимым голосом в вопросах уголовного правосудия вроде этого. Независимость, сказал Президент Обама, это то, чего он искал, когда выбрал меня. Проблемы преступности, рас и правоохранительных органов сложны и эмоциональны, но они не становятся лучше, если о них не говорить.

В одном я был прав. Мои комментарии всех расстроили. На самом деле, больше людей, чем я ожидал. Моей целью было высветить серьёзную проблему, дать ей тонкую трактовку и разжечь дискуссию о возможных причинах и решениях. Я хотел инициировать диалог на тяжёлую тему. Я хотел побудить людей задавать трудные вопросы о том, что могло оказаться правдой, организовать сбор данных и подтолкнуть к изучению этих данных. И надеялся, что это даже могло изменить поведение и спасти жизни путём поощрения одних к лучшему осуществлению охраны общественного порядка, а других к большей поддержке со стороны общин. Вместо этого я увидел ещё одну демонстрацию трайбализма[30] в Америке.

Полицейские профсоюзы жаловались, что я обвиняю копов и называю их трусами. Голоса слева говорили, что я бездоказательно защищаю «эффект Фергюсона»[31], и он не может быть правдой. Они говорили, что я выступаю против пристального внимания к действиям полиции. Голоса справа утверждали, что страна столкнулась с эпидемией убийств, и

обвиняли Президента Обаму. Слишком немногие спрашивали: «А где правда?». Слишком немногие в действительности рассматривали возможности и задавали вопрос, что происходит, даже если считали, что у меня поехала крыша. Вместо этого, парни бросились к своей команде, своей стороне. Очень немногие голоса на городской площади нашли время спросить: «Итак, о чём беспокоится этот парень, и о чём точно он говорит?»

Один человек — в самом центре городской площади — нашёл. Через день или два после возвращения из Чикаго, мой руководитель аппарата пришёл сообщить, что президент хотел бы поговорить со мной в Овальном кабинете. Тема не была озвучена, и не было информации, кто ещё будет присутствовать. Оказалось, только мы вдвоём, моя первая встреча один на один с Президентом Обамой.

До встречи с женой, я не знал, что такое в действительности слушать. Как, по крайней мере по моему опыту, и большинство людей в Вашингтоне, округ Колумбия. Для них, слушать — означает молчать, пока говорит кто-то другой перед тем, как ты скажешь то, что планировал сказать всё это время. Мы видели этот обмен практически в каждом «дебатах» по телевидению. Когда кандидат сидит на стуле, ждёт, пока загорится свет, затем встаёт и озвучивает свои заранее подготовленные тезисы, пока кто-то другой в ответ говорит свои заранее подготовленные тезисы. Слова просто достигают ушей, но не проникают в сознательный мозг. Это и есть «вашингтонское слушание».

Мой брак научил меня, что то, что я считал слушанием, на самом деле, никакого не слушание. Как и многие люди, я думал, что слушать, это сидеть молча, пока говорит кто-то другой, а затем воспринимать, что он сказал.

Я ошибался. Настоящее слушание — это действительно тот период тишины, когда ты позволяешь чьим-то словам достигать своего сознательного мозга, но оно включает в себя и кое-что ещё немного странное: своей позой, лицом и звуками ты сигнализируешь ему: «Я хочу то, что у тебя есть, мне нужно знать то, что ты знаешь, и я хочу, чтобы ты продолжал рассказывать мне то, что рассказываешь». Беседующие друг с другом двое добрых друзей — худший кошмар стенографиста. Они говорят одновременно. Когда один говорит внятные слова, второй издаёт звуки — «Ага». «О-о». «Знаю». «Угу, угу, о, я это видел, угу. Они это сделают». Они слушают друг друга таким образом, когда каждый одновременно и проталкивает информацию другому, и вытягивает из него информацию. Проталкивай, вытягивай, проталкивай, вытягивай. Когда у них много общего, это действительно идёт рука об руку — проталкивайвытягивайпроталкивайвытягивай. Вот что такое, слушать по-настоящему.

Чтобы быть эффективным в ФБР, я провёл много времени, слушая — то, к чему мы прилагаем усилия, чтобы делать хорошо. Для руководителей сложно хорошо слушать, потому что это требует от нас быть уязвимыми, рисковать нашим главенствующим положением. Барак Обама удивил меня, выбрав директором ФБР. И здесь Барак Обама снова удивил меня. Он был исключительным слушателем, на порядок лучше всех, кого я

когда-либо видел в руководстве. На различных совещаниях с президентом я наблюдал, как он упорно работает над тем, чтобы вовлечь в разговор как можно больше точек зрения, зачастую игнорируя иерархию, отражённую в рассадке — руководители за столом, публика рангом ниже в креслах вдоль стены. Я вспоминаю встречу в Ситуационном центре по поводу секретной технологии, на которой Президент Обама спросил одного умника из Кремниевой долины, сидевшего без галстука у стены, что он думает о дискуссии, которую только что вели за столом официально одетые руководители военных и разведывательных ведомств страны. Тот лохматый парень тогда возразил некоторым из нас. Обама охотился за мнениями. Возможно, это было наследие его жизни в качестве профессора, наугад вызывающего кого-нибудь с заднего ряда. Этот подход часто приводил к хаотичным беседам, но он позволял ему услышать точки зрения, которые, в администрации Буша, были бы разбавлены должностью или страхом быть осмеянными. В Ситуационном центре Буша ни разу не видели парня без галстука, а если бы он каким-то образом и проник на задний ряд, его бы не вызвали, а если бы он всё равно заговорил, его бы высмеяли за его наряд.

У Обамы была способность действительно что-то обсуждать, предоставляя равные возможности, чтобы выявить точки зрения, отличные от его собственной. Он поворачивался лицом к говорящим, давая им продолжительные периоды не прерываясь поделиться своей точкой зрения. И хотя он молчал, он использовал лицо, позу, и, иногда, тихие звуки, вытягивая всё из человека. Он внимательно следил за тем, что они говорили, доказывая это, задавая вопросы, когда они заканчивали; зачастую вопросы касались того, что он слышал несколько минут назад.

Президент Обама также был более чем готов обсуждать вещи, которые люди не были уверены, что он хотел бы слышать. Я узнал это из первых рук после того, как сделал те спорные замечания о правоохранительных органах и расах. Выяснилось, что они вызвали серьёзную озабоченность в Белом доме. Когда я после возвращения из Чикаго присоединился к Президенту Обаме в Овальном кабинете, то обнаружил, что он умышленно удалил из комнаты своих старших сотрудников и представителей Министерства юстиции. Это должна была стать наша первая встреча один на один за те двадцать шесть месяцев, что я был директором ФБР. Когда я вошёл в дверь рядом с дедушкиными часами и больше никого не увидел, то подумал, что, возможно, мне собирались надрать задницу. Президент сидел на своём обычном месте — в кресле справа от камина. Я присел на диван слева от него.

Взбучки не случилось. Вместо этого, президент начал встречу словами: «Я попросил вас прийти, так как знаю ваши голову и сердце, и хочу понять, что вы наблюдаете, и о чём думаете». Затем мы примерно час говорили друг с другом. И я намеренно использую слово «с». Это был настоящий диалог, с проталкиванием и вытягиванием, проталкиванием и вытягиванием.

Президент задал вопрос, не предполагавший точного ответа: «Что вы наблюдаете, и что

вас беспокоит?». Я говорил примерно десять минут. Я говорил о карте и календаре — более чем в сорока из шестидесяти крупнейших городов страны наблюдается рост убийств молодых чернокожих мужчин. Он начался везде в одно и то же время, по схеме, не согласующейся с другими тенденциями в области преступности, и географически перемешан с крупными городами, в которых не наблюдается рост числа убийств. Я выразил свою обеспокоенность, что большая часть страны могла игнорировать эту проблему просто потому, что это умирали чернокожие мужчины, и лишь в «тех самых» районах. Я также отметил свою обеспокоенность, что этот рост был связан с переменами в поведении, последовавшими за теми вирусными видеороликами. Я сказал, что моей целью было заговорить об этом, поднять вопрос, не отодвигаются ли полиция и общины друг от друга маленькими шажками, складывающимися в нечто большое. Я сказал, что подняв этот вопрос надеялся, что смогу помочь изменить поведение, если это было именно то, что происходило.

Когда я закончил, он выразил признательность за моё внимание к этой проблеме, а затем изложил некоторые из произнесённых мною публично вещей, которые диссонируют с ним. К примеру, я использовал термин «прополоть сорняки, и засеять семенами» для описания того, что считал необходимым сделать — повыдёргивать плохих парней, и трудиться над тем, чтобы вырастить что-то здоровое на месте, освобождённом этими арестами. Он спросил: «Ты видишь, как это может звучать для чернокожих людей? Называть молодых людей из их общины 'сорняками'». Он говорил о том, как часто чернокожие люди возмущались тем компромиссом, на который их вынуждали пойти обстоятельства: они приветствовали привлечение полиции безопасности, но их возмущали те условия, которые делали необходимым присутствие полиции в их районах — плохие школы, мало работы, пагубные привычки и распавшиеся семьи.

Я ответил, что мне не приходило в голову, что цветные люди могут подобным образом истолковать мои слова. У меня не было времени обдумать, как термин «прополоть сорняки, и засеять семенами» — которым мы десятилетиями пользовались в правоохранительных органах — мог поразить людей, особенно чернокожих людей, в трудное время. Я оказался в ловушке своей собственной точки зрения. Чернокожий человек — оказавшийся президентом Соединённых Штатов — помог мне взглянуть другими глазами.

Мы поговорили о влиянии на чёрные общины необычно высокого процента чернокожих мужчин в системе уголовного правосудия, и насколько слабую нашу страна проделывает работу, чтобы подготовить находящихся в заключении к возвращению к полноценной жизни. Хотя я и согласился, что тюремное заключение столь многих чернокожих мужчин является трагедией, я также поделился тем, как использованный им термин «массовое лишение свободы» — для описания того, что, на его взгляд, являлось национальной эпидемией взятия под стражу слишком многих людей — резало слух тем из нас, кто посвятил большую часть своей жизни тому, чтобы постараться снизить уровень преступности в районах проживания меньшинств. На мой слух, термин «массовое

лишение свободы» вызывает в памяти картину лагерей для интернированных японцев времён Второй мировой войны, в которых огромное число людей согнали за колючую проволоку. Я считал этот термин одновременно и неточным, и оскорбительным для многих хороших людей в правоохранительных органах, которых очень заботила помощь людям, попавшим в опасное окружение. Он был неточен в том смысле, что в этом лишении свободы не было ничего «массового»: каждому подсудимому индивидуально выдвигали обвинение, каждому был предоставлен личный адвокат, каждого судили индивидуально, каждому индивидуально вынесли приговор, апелляцию каждого рассматривали индивидуально, и заключили в тюрьму. Это складывалось в большое число находящихся в заключении людей, но в этом не было ничего «массового», сказал я. А оскорбительная часть, пояснил я, заключалась в том, как он бросал тень нелегитимности на усилия полиции, агентов и прокуроров — к которым присоединилось чёрное сообщество — по спасению наиболее пострадавших районов.

Он ответил, настоятельно призвав меня посмотреть, как к чернокожим людям могут совершенно по-другому относиться правоохранительные органы и суды, и что трудно винить их в том, что они рассматривают содержание в тюрьмах столь многих чернокожих мужчин в количестве, ужасно превышающем их долю населения, ни как иначе, как «массовое».

Когда мы закончили, я поумнел. И надеялся, что хоть немного помог и ему взглянуть на вещи с другой стороны. Наша беседа являлась полной противоположностью вашингтонскому слушанию: каждый из нас действительно уделил время тому, чтобы по-настоящему понять другой подход к чему-либо, с разумом, открытым для убеждения.

Президент Обама никогда бы не задумался о таком разговоре, если бы не был достаточно уверен в себе, чтобы проявить смирение. На самом деле, если я и видел хоть какой-то намёк на расхождение с Президентом Обамой как лидером, то это было на доверительной стороне шкалы. И я увижу это, борясь со сложнейшей проблемой, с которой столкнулся, работая в правительстве — шифрованием.

* * *

Ещё до того, как я стал директором ФБР, Эдвард Сноуден, подрядчик Агентства Национальной Безопасности, похитил огромную кладезь секретных данных, касающихся деятельности АНБ, и затем поделился с прессой очень большим объёмом тех данных. Одним из очевидных результатов этого воровства явился сокрушительный удар по возможностям нашей страны по сбору разведданных. Другим результатом явилось то, что в течении года после его разоблачений плохие игроки по всему миру стали перемещать

свои коммуникации на устройства и каналы, защищённые мощным шифрованием, препятствуя правительственной слежке, включая одобренную судом электронную слежку, которой занималось ФБР. Мы наблюдали, как террористические сети, которые мы давно мониторили, медленно погружались в темноту — страшное дело.

В сентябре 2014, спустя год наблюдения за сокращением наших правовых возможностей, я увидел объявление «Эппл» и «Гугл» о том, что они будут внедрять на своих мобильных устройствах шифрование по умолчанию. Они объявили об этом таким образом, словно утверждали — по крайней мере, для моих ушей — что сделать устройства неуязвимыми для судебных постановлений являлось важной социальной ценностью. Это сводило меня с ума. Я просто понять не мог, как разумные люди могли не видеть социальных издержек от прекращения выдачи судьями, в соответствующих случаях, ордеров на доступ к электронным устройствам. Сообщение «Эппл» и «Гугл» появилось в канун одной из моих регулярных ежеквартальных встреч с пресс-корпусом, освещавшим деятельность ФБР и Министерства юстиции. Я не планировал говорить о шифровании, но не мог сдержаться. Я выразил своё разочарование внедрением шифрования по умолчанию:

Я являюсь большим поклонником верховенства закона, но ещё я считаю, что никто в этой стране не стоит выше закона. Что беспокоит меня во всём этом — это то, что компании продают нечто, умышленно позволяющее людям ставить себя выше закона.

Этим комментарием я вступил в невероятно сложную и эмоциональную борьбу.

Раскол между ФБР и компаниями вроде «Эппл» можно в значительной степени объяснить тем, как каждый видит мир, и ограниченностью каждого из этих взглядов. И, откровенно говоря, между сторонами происходит мало настоящего слушания. Руководители технологических компаний не видят ту тьму, что видит ФБР. Наши дни заняты охотой на людей, планирующих террористические атаки, причинение вреда детям и вовлечение в организованную преступность. Мы день за днём видим человечество в его самых извращённых проявлениях. Ужасные, невообразимые поступки — вот чем живут, дышат и что пытаются остановить мужчины и женщины в ФБР. Мне было ужасно, что технари этого не видят. Я часто шутил с командой ФБР «Спускающихся во Тьму», которой было получено искать решение, что «конечно, типы из Кремниевой долины не видят тьму — они живут там, где всё время солнечно, и все богатые и умные». В их мире технологии делали человеческие взаимоотношения и связи крепче. Кто не любит поделиться с бабулей gifкой котика? Или заказать кофе через приложение, чтобы когда вы войдёте в «Старбакс», он уже был готов? Хотя я шутил, думаю, технологическое сообщество не в полной мере оценивает те издержки, которые несут хорошие люди из правоохранительных органов, когда не могут воспользоваться судебными

постановлениями для сбора доказательств. Я также думаю, что было бы справедливой критикой сказать, что мы слишком сильно фокусируемся на этих издержках, учитывая тому за нашими окнами на протяжении всего дня.

Так как обе стороны предвзято смотрели на своё место в мире, я считал критичным, чтобы решение не было продиктовано ни «Эппл», ни ФБР; американский народ должен решить, как хочет жить и управлять. Но что это в точности означает в практическом плане — невероятно сложный требующий ответа вопрос. Противоречие между частной жизнью и общественной безопасностью в контексте шифрования затрагивает не просто частную жизнь и общественную безопасность, но и также проблемы технологии, правоведения, экономики, философии, инноваций, международных отношений и, скорее всего, другие интересы и ценности.

Сделка, составляющая сердцевину нашего правительства всегда заключалась в том, что тема частной жизни невероятно важна, но она должна отходить на второй план, когда, при должных доказательствах и под должным наблюдением, правительству требуется заглянуть в личное пространство, чтобы защитить сообщество. Никогда большая часть Америки не бывала полностью закрыта от судебной власти. Президент Обама по происхождению и инстинктивно являлся гражданским либертарианцем, но он мог видеть тому и опасность в разговорах о частной жизни как абсолютной ценности, как пояснил публично в Остине, штат Техас, весной 2016 года:

Но опасность реальна. Поддержание законности, правопорядка и цивилизованного общества — это важно. Защита наших детей — это важно. Так что я просто хотел бы предостеречь от занятия абсолютистского подхода к этому. Потому что мы всё время идём на компромиссы... И это представление о том, что каким-то образом наши данные отличаются, и могут быть отгорожены от остальных компромиссов, на которые мы идём, я считаю неправильным.

Он погрузился в эту проблему, систематизируя беспрецедентное исследование Белым домом противоречий между частной жизнью и безопасностью. На одном из нескольких совещаний в Ситуационном центре Белого дома, которое он лично проводил на эту тему, он сказал, что если мы собираемся двинуться к тому, что широкие слои американской жизни будут непроницаемы для правосудия, это было бы не то решение, которое должна принимать компания. Это изменит наш образ жизни; лишь народ Соединённых Штатов должен делать такой выбор.

К сожалению, Президенту Обаме не хватило времени. Хотя администрация достигла некоторого прогресса по этой проблеме, включая выработку технического плана —

называемого «концептуальной проверкой» — чтобы продемонстрировать возможность производить безопасные мобильные устройства, при этом продолжая давать возможность судьям в соответствующих случаях выписывать ордер на допуск, он покинул свой пост, не решив, что делать дальше, включая то, не стоит ли принять какое-либо законодательство, или ввести какие-либо правила.

В тех дискуссиях мне запомнилась одна вещь. Летом 2016 года я сидел в Ситуационном центре Белого дома, где разные руководители и сотрудники излагали и обсуждали с президентом многочисленные аспекты проблемы. На самом деле, Ситуационный центр — это общее название совокупности кабинетов и конференц-залов в помощь президенту и его Совету национальной безопасности. Но ещё это название часто используется для конференц-зала, в котором президент обычно проводит заседания по национальной безопасности. Эта комната выглядит совсем не так, как по телевидению. Она действительно маленькая. Если кожаные офисные кресла на колёсиках прижать вплотную друг к другу, то за столом с президентом поместятся не больше десяти человек, и всем им понадобятся мятные леденцы.

Порядок рассадки для каждой встречи диктовался именными табличками, которые перед началом встречи расставляли на столе сотрудники Ситуационного центра. Я бывал там дюжины раз при трёх президентах, и по-прежнему не могу объяснить логику в расстановке табличек. Во время череды совещаний я пересаживался в другое кресло, потому что для второго совещания была уже другая расстановка, и мою табличку с именем переставляли. Никто не садился на противоположный от президента конец стола, потому что он перекрыл бы видеозэкран и камеру, позволявшие присоединяться отсутствовавшим старшим руководителям. Они появлялись на экране в виде квадратиков игры «Площади Голливуда»[32], и были видны лишь до пояса. (Зная это, я однажды «присутствовал» из Гавайев, одетый в пиджак с галстуком и плавки). Время от времени персонал Ситуационного центра вытаскивал маленькие деревянные стулья и ставил у дальнего от президента конца стола. Я называл их «детскими стульчиками», и, так как я не являлся министром кабинета, мне часто назначали один из них. Время от времени добрые коллеги предлагали мне свои кресла для больших детей, чтобы избежать забавного зрелища сидящего на крошечном стульчике жирафа из ФБР. Вдоль стен было место ещё для десяти-двенадцати участников, но комната была так мала, что они едва не касались коленями кресел за столом.

Итак, мы находились там в последние дни администрации Обамы, собравшиеся, чтобы поговорить о шифровании. Ближе к концу совещания слово взял президент. У него на лице читалось открытие. «Знаете, это действительно трудно», — сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь. — «Обычно я могу со всем разобраться, но в этот раз по-настоящему трудно».

У меня были две реакции на этот комментарий, и обе я решил оставить при себе. «Кроме шуток», — была первая реакция. Целая куча умных людей годами тянули одну и ту же

песню на эту невероятно сложную тему. Моей второй реакцией было то, что меня поразила захватывающая дух самоуверенность президента. По крайней мере на мой взгляд, он не кичился и не пытался красоваться. Он и не был самокритичен или саркастичен, подобно Президенту Бушу. Он в действительности считал, что он, Барак Обама, всегда мог разобраться со сложнейшей проблемой. А с этой он не мог разобраться, что его удивляло. «Вау», — подумал я.

Я действительно не знал, что с этим делать. Такая сильная самоуверенность — вера, что он лично может решить даже самые сложные проблемы — в руководителе может беспокоить, потому что имеет тенденцию к блокированию других точек зрения. Я видел это у самого себя. Одной из моих слабостей, особенно когда я был моложе, была излишняя самоуверенность, склонность быстро прийти к выводу, и слишком крепко цепляться за него. Или слишком быстро принять решение, говоря себе, что я был «твёрд», когда на самом деле я был импульсивным и самонадеянным. Я всю свою жизнь боролся с этим. Но в Обаме я также видел смиренную готовность учиться у других, что не часто сосуществует с излишней самоуверенностью. Я по-прежнему не знаю, что с этим делать, и не могу вспомнить касающейся национальной безопасности темы, по которой мы взаимодействовали, где он продемонстрировал бы дисбаланс самоуверенности и смиренности. Вместо этого, я последовательно наблюдал, как Президент Обама старается сделать так, чтобы люди расслабились и сказали ему то, что он хотел знать.

Я очень старался делать то же самое в ФБР, никогда не забывая, что все мы для своих руководителей находимся под горой. Неважно, насколько «плоская» организация, всегда существует иерархия, и все знают, что это такое. Даже если все в комнате одеты в кофты с капюшонами, драные джинсы, и в шлёпанцах. Даже если все мы сидим на пуфиках, едим сухофрукты и мечем идеи на белую доску, если кто-нибудь из находящихся в комнате является боссом или владельцем, все это знают. Кто-нибудь в комнате «выше» остальных, неважно, явно или нет это выражено.

Чтобы говорить из-под горы, нужна смелость. Нужно преодолеть всеобщий человеческий недуг — комплекс самозванца. Все мы в той или иной мере страдаем верой, что если другие люди по-настоящему нас узнают, если они узнают нас так, как мы сами знаем себя, то будут хуже думать о нас. Это и есть комплекс самозванца — страх, что показывая себя, мы демонстрируем, насколько ущербными людьми являемся. Если в вас этого нет в той или иной степени, то вы невероятный тупица, и немедленно должны перестать читать.

Откровенно говоря с равными, мы вынуждены рисковать обнажиться. Говорить из-под горы с руководителем — страшнее. Говорить с главным руководителем организации — ещё страшнее. А в многоуровневой полувоенной организации вроде ФБР, первые полвека в которой доминировал один человек, Дж. Эдгар Гувер, эта гора невероятно крутая. И это ещё не самое сложное, потому что убедить говорящих преодолеть свой комплекс самозванца — лишь половина дела. Руководители также должны преодолеть свой собственный комплекс самозванца — свой страх быть далёким от совершенства.

Я старался создать в ФБР атмосферу, при которой люди станут говорить мне правду. Я делал вещи, которые, вероятно, поражали людей, как глупые, но все они были тщательно продуманы. Я начал с того, что пытался поощрять менее формальную одежду на своих регулярных совещаниях. Я обнаружил, что идя на встречу с директором, люди одеваются, словно они собираются на похороны. Я никогда не надевал пиджак на внутренних совещаниях, но этого было недостаточно. Если люди одеты официально, они станут думать и действовать в такой же официальной сдержанной манере. Это не лучший рецепт для широкой дискуссии и разговоров. Понадобилось немало сил для смены дресс-кода.

Я сказал своим старшим сотрудникам, примерно двадцати мужчинам и женщинам, не надевать пиджаки на мои утренние совещания, если только они не направляются после них сразу на встречу с посторонними, где от них требовалось быть официально одетыми. На ранней стадии я добился успеха, а затем, примерно три недели спустя, почти все снова стали носить пиджаки. Я снова сделал объявление о форме одежды, давшее мне примерно шесть недель покладистости. Я не отступал.

Я работал над тем, чтобы создать атмосферу доверия, поощряя руководителей поведать правду о чём-то личном. Я попросил конференц-зал, полный старших руководителей ФБР рассказать группе о себе что-то, что удивит весь зал, поспешно добавив, вызвав взрыв смеха, что, в идеале, при этом не стоит подвергать риску свою благонадёжность. Несколько недель спустя я обошёл зал и попросил рассказать мне о своих любимых сладостях на Хэллоуин, когда они были детьми. В ноябре я расспросил их о любимой еде на День благодарения, а в декабре — об их любимых подарках на праздники. Конечно, можно считать это детскими приёмами, подобно тем, что использует учитель, чтобы расшевелить класс начальной школы, но дети невероятным образом открываются и доверяют друг другу. Мы нуждались в немного более детском поведении в нашей жизни, потому что дети склонны рассказывать друг другу правду чаще, чем это делают взрослые.

Мне понадобятся эта культура правды и привычка к настоящему слушанию, когда ФБР невероятным и неожиданным образом в разгар выборов 2016 года окажется между Хиллари Клинтон и Дональдом Трампом.

Очень опасно стоять посреди дороги; рискуешь быть сбитым движением с обеих сторон.

Маргарет Тэтчер

Я НИКОГДА НЕ ВСТРЕЧАЛСЯ с Хиллари Клинтон, хотя пытался. Когда я стал окружным прокурором Соединённых Штатов в Южном округе Нью-Йорка в январе 2002 года, я попросил своего помощника организовать знакомство с младшим сенатором штата. Я считал это стандартной вещью для окружного прокурора Соединённых Штатов — в штате Нью-Йорк нас было четверо, представляющих федеральное правительство — познакомиться с сенаторами штата, и не хотел быть невежливым. Я встречался с другим сенатором, Чаком Шумером, во время слушаний по утверждению в Сенате, но по какой-то причине не встретился с Клинтон. После ряда попыток и продолжительной переписки с офисом Клинтон, мы сдались. В то время это не имело большого значения, но я посчитал это странным.

До сегодняшнего дня я не знаю, почему встреча так и не состоялась. Полагаю, это могло оказаться результатом слабой административной поддержки в офисе Клинтон, либо она просто была слишком занята. Полагаю, это также могло объясняться тем фактом, что семью годами ранее я пять месяцев работал на сенатский комитет, проводивший расследование в отношении Клинтонов за разнообразные вещи под общим названием «Уайтуотер». Я был младшим юристом, работавшим на комитет с почасовой оплатой, продолжая трудиться в ричмондской юридической фирме. Моё внимание в основном было сосредоточено на самоубийстве бывшего заместителя советника Белого дома Винсента Фостера и работе с документами в его офисе. Но моя роль в комитете по Уайтуотеру была столь незначительной и недолгой — я покинул это назначение, когда в августе 1995 года умер наш сын Коллин — что представлялось маловероятным, что в этом заключалась причина того, что сенатор не отвечала на мои звонки.

Неотвеченные сообщения в начале 2002 года скорее всего объяснились тем фактом, что мой офис тогда осуществлял надзор за ходом расследования в отношении помилования годом ранее мужем сенатора Клинтон беглого нефтяного трейдера Марка Рича в последние часы президентства Клинтона. В 1983 году Ричу и его соотечкинику Пинкусу Грину были предъявлены шестьдесят пять пунктов уголовного обвинения тогдашним окружным прокурором Соединённых Штатов Руди Джулиани. Среди этих пунктов было уклонение от уплаты налогов, мошенничество, рэкет и торговля с врагом Соединённых Штатов — Ираном — в то время, как тот удерживал дюжины американских заложников. Рич незадолго до официального предъявления обвинения (на тот момент это было

крупнейшее дело в истории США об уклонении от уплаты налогов) бежал из Соединённых Штатов. Ему предоставили безопасное убежище в Швейцарии, которая отказалась экстрадировать его за то, что швейцарцы главным образом считали налоговыми преступлениями.

Почти через двадцать лет, в свой последний день в кабинете, Президент Клинтон даровал Ричу крайне необычное помилование. Оно было необычным, потому что помилование было даровано беглецу, что, насколько я знаю, было беспрецедентно. Было также необычно и подозрительно, что оно не прошло стандартный процесс рассмотрения в Министерстве юстиции. Это помилование видел лишь тогдашний заместитель генерального прокурора Эрик Холдер, который, без привлечения знавших это дело прокуроров или агентов, уклончиво ответил Белому дому, что он относится «нейтрально, склоняясь к положительному решению». Редакционный совет «Нью-Йорк Таймс» назвал это помилование «шокирующим злоупотреблением федеральными полномочиями». На фоне утверждений о том, что это помилование было даровано в обмен на обещания бывшей женой Марка Рича пожертвований президентской библиотеке Билла Клинтона, моя предшественница на посту окружного прокурора Соединённых Штатов на Манхэттене Мэри Джо Уайт открыла расследование, уделяя основное внимание наличию доказательств коррупционной сделки. Когда я в январе 2002 года стал окружным прокурором Соединённых Штатов, то унаследовал это являвшееся темой для СМИ расследование.

Я кое-что знал об этом деле, потому что, как ни удивительно, стоял во главе розыска беглеца Марка Рича, когда десятью годами ранее был федеральным прокурором на Манхэттене. Рича тогда представляли видные адвокаты, среди которых был Скутер Либби, задолго до того, как он стал руководителем аппарата Дика Чейни. В 1992 году я вместе с другими сотрудниками правоохранительных органов летал в Цюрих на то, что адвокаты Рича сказали нам будет переговорами по его сдаче. По словам его адвокатов, как только Рич увидит, что его обвинители были честными людьми, он сдастся. Вместе с моим боссом, окружным прокурором Соединённых Штатов Отто Обермайером, я встретился с Ричем и Пинкусом Грином в президентском номере гранд-отеля с видом на цюрихское озеро, чтобы договориться с ними о сдаче в Нью-Йорке. Тогда мы узнали, что Рич на самом деле не собирался сдаваться, не выторговав сперва сделку, гарантировавшую ему отсутствие тюремного срока. Он пустился в долгие рассуждения о своей благотворительной деятельности и по существу его дела, сказав: «Я не хочу ни дня провести в тюрьме». Обермайер ответил: «Мы этого не обещаем». Он объяснил, что мы не заключаем сделок с беглецами, и Рич имеет право высказать все эти аргументы, после того как предстанет перед федеральным судом на Манхэттене. В соответствии со швейцарским законодательством, у нас не было власти арестовать его, так что мы покинули Швейцарию и продолжали свои усилия схватить Рича во время его путешествий.

Билл Клинтон одним росчерком пера прекратил этот поиск беглеца. Теперь я был окружным прокурором Соединённых Штатов, расследовавшим, не был ли куплен тот

росчерк пера. Я мог понять, почему это заставляло сенатора Клинтон ощущать неловкость по поводу встречи со мной. В конце концов, мы не нашли исчерпывающих доказательств, чтобы предъявить какие-либо обвинения, и закрыли это дело. Вряд ли, полагал я, наши пути снова пересекутся.

* * *

6 июля 2015 года Бюро получило обращение от генерального инспектора разведывательного сообщества, созданной Конгрессом независимой службы, сосредоточенной на поиске рисков и уязвимостей по всему обширному разведывательному сообществу страны. В этом обращении поднимался вопрос, не было ли неправильного обращения с секретной информацией государственным секретарём Хиллари Клинтон при использовании её личной электронной почты. 10 июля ФБР открыло уголовное расследование. Для помощи в расследовании Министерство юстиции администрации Обамы, тогда возглавлявшееся генеральным прокурором Лореттой Линч, выделило прокуроров. Как и в случае с сотнями других расследований, это дело было открыто ФБР на уровне, намного ниже моего, и я узнал о нём, когда меня в него посвятил заместитель директора.

Факты этого дела были просты: Хиллари Клинтон использовала свою личную электронную почту с целиком созданного ей сервера и электронного адреса для ведения работы в качестве государственного секретаря. Она установила этот сервер спустя несколько месяцев после вступления в должность. Первые несколько месяцев своего пребывания в должности она использовала личный электронный адрес AT&T BlackBerry, прежде чем переключиться на домен Clintonemail.com. В ходе осуществления своей работы она переписывалась с другими госслужащими. В ходе переписки с теми людьми, как обнаружил генеральный инспектор, в теле дюжин своих электронных писем они говорили на секретные темы.

Хотя многое было сделано со времён электронных писем Хиллари Клинтон и расследования ФБР, цель расследования Бюро часто теряется. Это уголовное расследование не было сосредоточено на том факте, что госсекретарь Клинтон для осуществления своей работы решила использовать неправительственную электронную почту. В попытке размыть серьёзность дела, её защитники часто ссылались на тот факт, что один из её предшественников, Колин Пауэлл, также пользовался неправительственной электронной почтой, в его случае AOL, словно это имело отношение к расследованию. На самом деле, это совершенно не отражает сути. Я никогда не видел каких-либо указаний на то, что Пауэлл обсуждал со своего аккаунта AOL секретную на тот момент информацию, но существовали многочисленные примеры того, что госсекретарь

Клинтон делала это.

Наше расследование требовало, чтобы мы ответили на два вопроса. Первый вопрос заключался в том, покидали ли секретные документы пределы засекреченных систем, или не обсуждались ли секретные темы вне засекреченных систем. Если да, то второй вопрос заключался в том, о чём думал объект расследования, когда неправильно обращался с секретной информацией.

Информация засекречивается на основе её способности причинить вред Соединённым Штатам в случае раскрытия. Информация, помеченная низшим уровнем секретности «Конфиденциально», относится к информации, способной в случае опубликования причинить некоторый ущерб безопасности Соединённых Штатов. Информация, помеченная «Секретно», относится к материалам, которые, как ожидается, способны нанести «серьёзный» ущерб национальной безопасности. «Совершенно секретная» информация — это материалы, которые в случае обнаружения, как ожидается, нанесут «исключительно тяжёлый» ущерб безопасности Соединённых Штатов. Эта система обеспечивается целым рядом возможных административных наказаний, включая возможную потерю человеком доступа к секретной информации или работы. В наиболее серьёзных случаях возможно уголовное преследование. Целый ряд законов о шпионаже делают тяжким уголовным преступлением похищение или раскрытие информации, касающейся национальной безопасности, людям, не допущенным к ней. Эти законы чаще всего применяются, когда кто-то оказывается шпионом, или передаёт секретную информацию для публикации журналистам. Чаще используется закон, рассматривающий неправильное обращение с секретной информацией путём изъятия её из надлежащих условий или систем как мисдиминор[33], наказываемый до года тюрьмы. Даже в случае мисдиминора Министерство юстиции давно требует, чтобы следователи предъявляли убедительные доказательства того, что государственные служащие знали, что делают нечто противозаконное при обращении с секретной информацией.

В случае с госсекретарём Клинтон ответом на первый вопрос — обращались ли с секретной информацией не должным образом? — было очевидное «да». Всего было тридцать шесть цепочек электронных писем, в которых обсуждались темы, относившиеся в то время к категории «Секретно». Восемь раз в тех тысячах обменов электронными письмами на протяжении четырёх лет Клинтон со своей командой говорили на темы, считавшиеся «Совершенно секретными», иногда неявно, иногда прямо. Они не посылали друг другу секретные документы, но это не имело значения. Даже если у всех, вовлечённых в эту электронную переписку людей был соответствующий допуск и потребность знать, любой обладатель допуска к секретной информации должен также был знать, что говорить о совершенно секретной информации по незащищённым системам являлось нарушением правил обращения с секретными материалами. Будучи лишь малой частью электронной переписки Клинтон, эти обмены на совершенно секретные темы, судя по всему, были незаконными. Иными словами, были шестьдесят три цепочки электронных писем на темы, которые могли причинить «серьёзный» ущерб

национальной безопасности, и ещё восемь, которые могли рассматриваться, как способные причинить «исключительно тяжёлый» ущерб безопасности Соединённых Штатов в случае раскрытия. Тогда центральным вопросом всего дела становился: о чём она думала, когда это делала? Была ли это небрежность, или преступный умысел? Могли мы доказать, что она знала, что делала нечто, чего не должна была делать?

Знание и доказывание того, что находится в чьей-то в голове, всегда трудная задача. С самого начала этого расследования из моей головы не выходило закрытое лишь несколькими месяцами ранее недавнее дело бывшего директора ЦРУ Дэвида Петреуса. В 2011 году Петреус передал многочисленные дневники с кладезем весьма деликатной совершенно секретной информации автору, с которым у него был роман. В отличие от тех, с кем переписывалась Хиллари Клинтон, у того автора не было соответствующего допуска или законной потребности обладать этой информацией, включавшей записи обсуждений весьма деликатных программ с Президентом Обамой. Ради всего святого, Петреус был директором ЦРУ — ответственным за секреты государства. Как и любой в правительстве, он знал, что то, что он делал, было неправильным. Он даже позволял той женщине фотографировать ключевые страницы секретных документов. А затем, словно подчёркивая, что знал, что ему не следовало делать то, что он сделал, солгал агентам ФБР о том, что сделал. Несмотря на все эти чёткие и убедительные доказательства, по фактам, намного худшим для него, чем для госсекретаря Клинтон, и после того, как он демонстративно солгал ФБР, Министерство юстиции обвинило его лишь в мисдиминоре, после того как он заключил сделку о признании вины. В апреле 2015 года его признали виновным и приговорили к штрафу в сорок тысяч долларов и испытательному сроку на два года.

Обвинение в мисдиминоре, полученное Петреусом за неправильное обращение с секретными материалами было справедливым, и согласовывалось с предыдущими делами, но я решительно спорил с генеральным прокурором Холдером, что Петреуса также следовало обвинить в тяжком уголовном преступлении за ложь Бюро. Прокручивая в голове дела Марты Стюарт, Леонидаса Янга и Скутера Либби, я утверждал, что если мы не собирались привлекать отставных генералов и директоров ЦРУ к ответственности за откровенную ложь во время расследований, то как могли оправдывать тюремное заключение за то же самое тысяч других? Я считал, и по-прежнему считаю, что к Петреусу отнеслись на основе двойных стандартов по признаку классовой принадлежности. Бедного человека, неизвестного человека — скажем, молодого чернокожего баптистского священника из Ричмонда — обвинили бы в тяжком уголовном преступлении и отправили в тюрьму.

Несмотря на не стихавший барабанный бой в консервативных СМИ, полный раздутых скандалов и захватывающих дух откровений, имевших мало практического смысла, дело Хиллари Клинтон, по крайней мере, насколько мы знали вначале, казалось, и близко не приведёт к чему-то, стоящему в один ряд с делом генерала Петреуса по объёму и уровню секретности материалов, с которыми обращались не должным образом. Хотя было

похоже, что она пользовалась незащищённой системой для некоторых секретных тем, все, кому она писала, судя по всему, обладали и соответствующим допуском, и законной потребностью в обладании этой информацией. Так что, хотя мы не собирались предрешать результат, мы начали расследование в отношении Клинтон с осознанием, что вряд ли это будет дело, которым займутся профессиональные прокуроры из Министерства юстиции. Конечно же, всё могло измениться, если бы мы смогли обнаружить вещественное доказательство в виде электронного письма, в котором кто-нибудь из правительства говорил бы госсекретарю Клинтон не делать то, что она делала, или если бы мы смогли доказать, что она препятствовала правосудию, или если бы она, как Петреус, солгала нам во время опроса. Всё это включало бы в себя то, что мы смогли бы доказать вне разумных сомнений, совершенно отличный от словесных выпадов в телевизионных ток-шоу или в Конгрессе стандарт.

Вашингтон — город фракций, и видные республиканцы предсказуемо тотчас же завели песнь, что администрации Обамы нельзя доверять при расследовании в отношении вероятного претендента на президентство от Демократической партии и бывшего должностного лица администрации Обамы. Многие республиканцы, подталкиваемые самозванными экспертами по правовым вопросам и вопросам расследования в своих любимых средствах массовой информации, и зачастую реагировавшие на неточные или вводящие в заблуждение новостные репортажи, казалось, были уверены, что бывший госсекретарь совершила преступления, худшие с тех времён, как Розенберги передали русским наши ядерные секреты в 1950-х годах, и были казнены за это. Демократы, в свою очередь, с самого начала отмахивались от этого дела, заявляя, что проверка электронных писем не являлась даже «расследованием», а всего лишь «обзором», или каким-либо другим подобным вымученным эвфемизмом.

Под сильным давлением президентской кампании Клинтон, «Нью-Йорк Таймс» вернулась к опубликованной 23 июля 2015 года истории, в которой сообщалось, что Министерство юстиции рассматривает возможность открыть уголовное расследование обращения Клинтон со своей электронной почтой. Вследствие настойчивого сопротивления команды Клинтон, «Таймс» внесла две отдельные правки в свою оригинальную статью — первую, утверждавшую, что сама миссис Клинтон не являлась целью какого-либо расследования, и затем, днём позже, меняющую описание переданного генеральным инспектором в ФБР обращения с «уголовного расследования» на «нарушение режима безопасности». Хотя, может «Таймс» и считала необходимыми эти пояснения, их оригинальная история была намного ближе к истине. Это было правдой, что в обращении в ФБР генерального инспектора не использовалось слово «уголовный», но ко времени истории в новостях у нас уже было открыто полное уголовное расследование, сосредоточенное на поведении госсекретаря. Мы не стали поправлять «Таймс» и возражать кампании Клинтон, так как — следуя нашей практике — ещё не находились на подходящем этапе для подтверждения расследования. И всё же, этот эпизод ожесточённой борьбы, подробный разбор используемых слов, являлся лишь крупицей того, что будет дальше, и многие в ФБР знали это.

* * *

— Ты ведь знаешь, что подставляешься по полной?

Летом 2015 года заместителем директора ФБР был прямой, умный, обладающий мрачным чувством юмора профессиональный специальный агент по имени Марк Джулиано.

Я натянуто улыбнулся. «Ага», — сказал я. — «Живым никто не уйдёт».

Конечно, не впервые я оказался в самом центре чего-то, гарантирующего восстановление против себя, и даже ярость, кого-то из очень могущественных людей. В некотором смысле, я тогда даже представить не мог, что Марта Стюарт, Скутер Либби, «Звёздный Ветер» и политика в отношении пыток администрации Буша были подготовкой к тому, что лежало впереди. Во всех тех ситуациях мы под огромным давлением старались отодвинуть голоса со всех сторон, и следовать закону и фактам. Даже сейчас, оценивая прошедшие события, я по-прежнему считаю, что мы поступали правильно.

Расследование в отношении Клинтон, или изучение, или рассмотрение, или как бы ещё люди по обеим сторонам политического спектра не называли это, уже являлось основной темой шедшей президентской кампании. Я ясно понимал, что Джулиано намекал на то, что для ФБР это был проигрышный сценарий. У Марка в основе юмора висельника лежала виселица. Неважно, сколь честным будет итог, доверие к учреждению — и ко мне — пострадает; вопрос лишь в том, насколько сильно. Как бы странно это ни звучало, есть определённая свобода в том, чтобы быть совершенно спятившим, в осознании того, что подвергнешься нападкам вне зависимости от того, как поступишь. В любом случае, половина страны будет завывать, так что перестаём обращать на критиков внимание, и позволим лишь фактам и закону диктовать, какая это будет половина. Конечно же, в то время мне как-то в голову не приходило, что наши решения приведут в ярость обе половины.

Для помощи в деле Отдел контрразведки ФБР собрал группу из примерно двадцати экспертов — агентов, аналитиков и вспомогательного персонала. Как обычно и поступает этот отдел, они дали делу кодовое название: «Полугодовой экзамен». Эта группа, с которой я регулярно имел дело по поводу «Полугодового экзамена», варьировалась от руководителей высшего звена ФБР до старших спецагентов и аналитиков, совместно день за днём осуществлявших надзор за этим делом, и включала в себя юристов из трёх различных уровней офиса главного юрисконсульта. Я часто упоминал это собрание из двенадцати человек как «Полугодовую команду». Я не встречался с «линейными»

агентами, аналитиками и парнями из поддержки, за исключением того, что периодически благодарил за их тяжёлый труд.

На протяжении последующих восемнадцати месяцев я полагался на эту «Полугодовую команду» из двенадцати членов в помощи в принятии решений по этому делу — хотя окончательные решения всегда были моими. Отдельные члены появлялись и исчезали, когда уходили в отставку некоторые старшие руководители, но группа оставалась собранием очень талантливых людей с сильной индивидуальностью, которые зачастую вступали в схватки друг с другом, как могут только родные братья и сёстры. Мне это нравилось. Одна из младших юристов имела привычку выказывать отвращение к заявлениям, которые ей не нравились, а затем агрессивно перебивать, неважно, кто говорил. Это раздражало многих её коллег. Мне же это нравилось. Я хотел, чтобы она была в команде, потому что знал, что ей совсем было плевать на должности. Её прямота вносила полезный вклад, даже когда она ошибалась. Я хотел услышать её точку зрения, и знал, что для этого не нужна будет чья-либо подсказка, даже если ей придётся перебить старшее должностное лицо, чтобы высказать её. Это перебивание обычно стимулировало прекрасную беседу.

Вне всякого сомнения, у каждого из моих советников были свои собственные политические убеждения и взгляды. В конце концов, они были людьми. К тому же, у них были супруги, друзья или члены семьи со своими собственными точками зрения. Я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь из нашей команды — ни единый — занимал позицию, которая выглядела бы движимой их собственными политическими мотивами. И более того: я никогда не слышал аргумента или высказывания, которые посчитал бы исходящими из политической предвзятости. Никогда. Вместо этого мы дискутировали, спорили, слушали, размышляли, переживали, играли адвоката дьявола, и даже находили возможность смеяться, когда обсуждали наши основные решения. Я приказал команде подробно меня информировать, чтобы я мог быть уверен, что у следователей были все требуемые ресурсы и вся возможная защита от давления извне. И таким образом я мог принять основные решения, что, в конечном счёте, и являлось моей работой.

Первым решением, которое требовалось принять, это говорить ли о деле публично. Как обычно, ФБР отказывалось подтверждать существование какого-либо расследования в отношении пользования электронной почты госсекретарём Клинтон после того, как мы открыли его тем июлем. Но к концу сентября 2015 года, спустя почти три месяца ведения расследования, это «без комментариев» всё больше и больше выглядело глупо. В конце концов, расследование началось с публичного обращения генерального инспектора. Сами кампании и обе партии в Конгрессе говорили о нашей работе. Агенты опрашивали связанных с этим делом людей, а также взаимодействовали с людьми, которые имели возможность, и пользовались ей, говорить о нём прессе. Конгресс также хотел неких запатентованных гарантий, что мы изучаем этот вопрос, особенно потому, что в прессе стоял шум.

В политике Министерства юстиции и ФБР содержатся исключения для нашей политики «без комментариев» в отношении расследований, вызывающих чрезвычайный общественный интерес, или когда наша следственная деятельность заметна для общественности. Мы уже несколько раз пользовались этим исключением за время моего пребывания на посту директора, подтверждая уголовное расследование в отношении того, не являлись ли незаконными нападки на Внутреннюю налоговую службу со стороны политических организаций так называемого Движения чаепития, так же как подтверждая уголовное расследование в отношении гражданских прав в Фергюсоне, штат Миссури. В каждой из тех ситуаций, как и во многих других на протяжении моей карьеры, министерство принимало решение о необходимости заверить общественность, что профессионалы из правоохранительных органов расследуют эти противоречивые дела.

Так уж случилось, что мы с генеральным прокурором Лореттой Линч в начале октября запланировали совместный выход к прессе, во время которого, было ясно, на каждого из нас станут давить, предпринимает ли Министерство юстиции какие-то действия по обращению генерального инспектора разведывательного сообщества. Если мы собирались подтвердить расследование, я считал, что для этого как раз будет подходящий момент. Так что в конце сентября я запланировал встречу с генеральным прокурором, чтобы обсудить эту возможность. Старшие руководители Минюста и ФБР также присутствовали на этой встрече, происходившей в конференц-зале Командного центра Министерства юстиции.

Я знал Лоретту Линч с начала 1990-х, когда мы совместно в качестве прокуроров работали в Нью-Йорке над одним делом. Наркодилеры из Манхэттена, в отношении которых мы вели расследование, замыслили убийство федерального судьи в Бруклине, где она была помощником окружного прокурора Соединённых Штатов, так что мы объединили усилия по этому делу. Она была умным юристом и честным человеком, открытым для того, чтобы выслушать точки зрения других. В Командном центре Минюста я пояснил, что считаю, что мы достигли той точки, когда во время запланированного на 1 октября моего регулярного ежеквартального круглого стола с прессой мне следует подтвердить, что у нас открыто расследование в отношении электронной переписки Клинтон, о котором, в любом случае, уже знал весь мир, но не вдаваться в подробности.

Генеральный прокурор Линч согласилась, что имело смысл это сделать. Но затем быстро добавила: «Назови это ‘вопросами’».

— Зачем? — спросил я.

— Просто назови это ‘вопросами’, — последовал ответ.

В тот момент до меня дошло, что этот вопрос терминологии был поразительно схож с борьбой, которую в июле развернула кампания Клинтон против «Нью-Йорк Таймс». С тех самых пор команда Клинтон применяла множество эвфемизмов, чтобы избежать

использования слова «расследование». Похоже, генеральный прокурор направляла меня придерживаться той стратегии кампании Клинтон. Её «просто делай так» в ответ на мой вопрос указывало, что у неё нет юридических или процедурных обоснований своей просьбы, по крайней мере ни одного, основывавшегося на нашей практике или традициях. В противном случае, полагаю, она бы так и сказала.

ФБР не занимается «вопросами». Этот термин ничего не означает на нашем языке, и утверждать обратное означало вводить в заблуждение. Вероятно, это была ошибка, что я не настоял на своём. Но в тот момент я решил, что её просьба была слишком пустяковой, чтобы спорить, особенно в своей первой схватке с новым боссом. К тому же, я был уверен, что в любом случае пресса и общественность совершенно не проводили различия между «вопросами» и «расследованием». Возможно, она тоже это знала. Я знаю, что участники нашей встречи от ФБР считали её просьбу откровенно политической, когда мы впоследствии говорили об этом. Так же, как и по крайней мере один из старших руководителей Линч. Джордж Тоскас, тогдашний человек номер три в Отделе национальной безопасности министерства, который мне нравился, улыбнулся команде ФБР, когда мы покидали зал, и саркастично произнёс: «Ну, теперь вы Федеральное Бюро Вопросов».

Я последовал указанию генерального прокурора во время своего регулярного ежеквартального круглого стола с прессой 1 октября 2015 года. Когда репортёр задал вопрос о «расследовании», я ответил, что внимательно слежу за ним. Я сказал, что уверен в том, что у нас есть «ресурсы и персонал, выделенные на решение данного вопроса, как и всегда, когда мы делаем свою работу, так что мы в состоянии выполнять её профессионально, оперативно и независимо».

Я сделал то, что мне приказал сделать мой босс. Я сказал «вопрос». Как и ожидалось, пресса все как один упустили разницу, и сообщили, что я подтвердил существование расследования. С этого момента я называл его настоящим именем — у нас открытое «расследование», и больше я не буду его комментировать. Пока мне не пришлось много месяцев спустя.

* * *

Следователи «Полугодового Экзамена» упорно трудились всю зиму, роя в поисках доказательств, которые помогут нам установить, о чём думала госсекретарь Клинтон, когда устанавливала свою систему электронной почты, и когда ей пользовалась. Они прочитали каждое электронное письмо, которое смогли отыскать, они искали электронные письма в почтовых ящиках других, кому она могла писать, они отследили людей,

устанавливавших ей систему, обслуживавших её, и поставлявших ей мобильные устройства, и они опросили каждого, работавшего с ней в Государственном департаменте. Надзорный следователь и аналитик примерно каждые две недели встречались со мной, чтобы держать в курсе работы их команды, значительная часть которой заключалась в кропотливом восстановлении электронных записей. К примеру, агенты обнаружили подлежащий списанию сервер, на котором когда-то размещался домен её личной электронной почты, но программное обеспечение электронной почты было удалено техническим персоналом в обычном порядке, когда сервер заменили, это как если бы на дно сервера бросили миллионы крошечных фрагментов электронных писем. С невероятным кропотливым мастерством команда ФБР вновь собрала обратно большую часть этой умопомрачительной мозаики.

Тем не менее, к началу 2016 года начинало казаться, что у нас нет подлежащего судебному преследованию дела. Нам было необходимо проделать ещё большую работу, и необходимо опросить госсекретаря Клинтон — то, что следователи, как обычно в делах подобного рода, оставили на потом, после того, как соберём всю доступную информацию. Но до сих пор мы не нашли доказательств, которые могли вылиться в подлежащее судебному преследованию дело. Мы знали, что Министерство юстиции в подобной ситуации никогда не привлечёт — и никогда не привлекало — к уголовной ответственности без убедительных доказательств того, что объект нашего расследования знала, что делала что-то, чего не должна была делать. Случайность, небрежность, и даже крайняя беспечность по отношению к секретной информации не являлись чем-то, подлежащим уголовному преследованию. Никогда. Для действующего правительственного чиновника, конечно же, у такой небрежности будут серьёзные последствия, включая реальную возможность потери доступа к секретной информации или увольнения, но уголовного преследования не будет.

Если расследование продолжило бы двигаться по той же самой траектории, то задача состояла бы лишь в том, чтобы закрыть дело таким образом, чтобы сохранить уверенность американского народа, что их система правосудия работала честным, компетентным и деполитизированным образом. Конечно, мы бы ни за что не убедили в этом крайних ненавистников Клинтон в средствах массовой информации, но, надеюсь, мы смогли бы убедить большинство справедливых и непредвзятых американцев.

Но в начале 2016 года дело получило развитие, грозившее значительно осложнить эти усилия. Развитие, по сей день всё ещё неизвестное американской публике. В то время нас предупредили о некоторых попавших в руки правительства Соединённых Штатов материалах. Они поступили из засекреченного источника — источник и содержание тех материалов по сей день, как я пишу эти строки, остаётся секретным. Став достоянием общественности, эти непроверенные материалы несомненно были бы использованы политическими оппонентами, чтобы вызвать серьёзные сомнения в независимости генерального прокурора при расследовании в отношении Клинтон.

Я, например, не видел никаких случаев, когда бы генеральный прокурор Линч вмешивалась в ход расследования. Фактически, я совсем не говорил с ней об этом деле после нашего разговора «назови это вопросами» в конце сентября. Хотя в тот момент у меня вызвало озабоченность её распоряжение, впоследствии я не увидел никаких указаний на то, что она как-то контактировала со следователями или прокурорами по этому делу. Однако меня беспокоило существование секретной информации, которая однажды — скорее всего, спустя десятилетия — станет достоянием общественности, и будет использована для того, чтобы поставить под сомнение добросовестность расследования, и, что более важно, поставит под сомнения независимость ФБР.

К сожалению, этой проблеме посодействовал и Президент Обама. Он поставил под угрозу доверие к расследованию Министерства юстиции, сказав 11 октября 2015 года в передаче «60 минут», что использование Клинтон электронной почты было «ошибкой», не поставившей под угрозу национальную безопасность. Затем 10 апреля 2016 года по «Фокс Ньюс» он сказал, что Клинтон могла проявить небрежность, но не сделала ничего, чтобы умышленно навредить национальной безопасности, предположив, что всё дело в чрезмерной засекреченности материалов в правительстве. Президент Обама — очень умный человек, который очень хорошо понимает законы. По сей день я не знаю, почему он публично говорил об этом деле и, казалось, оправдал её ещё до вынесения окончательного решения. Если президент уже вынес решение, сторонний наблюдать, резонно, может задаться вопросом, и каким же образом его Министерство юстиции может поступить иначе, кроме как последовать его примеру? Правда заключалась в том, что у президента — во всяком случае, насколько мне известно — было ровно столько информации, сколько и у любого другого, получавшего её из СМИ. Его совсем не посвящали в ход нашей работы. А если он судил по СМИ, то не знал ничего, потому что до того момента утечек не было совсем. Но его комментарии, тем не менее, подставляли всех нас под едкие нападки в том случае, если дело будет закрыто без предъявления обвинений.

В начале весны, когда я начал видеть приближавшийся конец расследования с недостаточными для возбуждения уголовного дела доказательствами, я настоятельно призвал заместителя генерального прокурора — моего непосредственного начальника — поразмыслить над тем, как может выглядеть конец игры, если дело будет закрыто без предъявления обвинений. Салли Йетс была профессиональным прокурором, с которым я был поверхностно знаком на протяжении многих лет. Она и один из моих близких друзей вместе были федеральными прокурорами в Атланте, где она заработала репутацию жёсткой, вдумчивой и независимой. Всё, что я наблюдал в качестве директора ФБР, согласовывалось с этой репутацией. Так как это не было обычное дело, а 2016 год не был обычным годом, я подсказал Йейтс, что для того, чтобы убедить американцев и защитить институты правосудия, может потребоваться необычайная открытость. Я сказал, что надеюсь, что она поручит кому-нибудь изучить, что можно сделать в рамках закона. Ответа я так и не получил.

Любой следователь или прокурор, у которого после почти года расследования отсутствует ощущение, куда, скорее всего, движется его дело, некомпетентен. Прокуроры обычно ещё до завершения расследования начинают подготовку обвинительных заключений, если есть вероятность, что оно подходит к концу, а компетентные прокуроры при этом начинают думать, как завершить расследование, которое, скорее всего, закончится без предъявления обвинений. Но ни в одном случае умы не закрыты и для другого результата, если это будет продиктовано последующими доказательствами, но компетентные люди думают наперёд.

Одни выходные в начале мая я набирал проект заявления с изложением результатов этого дела с максимально возможной решительной открытостью, исходя из того, что расследование закончится нынешним состоянием дел. Если только мы внезапно не обнаружим «дымящийся ствол» в виде электронного письма или директивы, прямо указывающих на умысел Клинтон, или если она солгала нам во время опроса ФБР — и то, и другое было вероятностями — я ожидал, что дело закончится именно так. В такой отравленной политической обстановке я знал, что нам нужно заблаговременно подумать, каким образом лучше изложить наше решение. В тот первоначальный проект было внесено множество изменений. Я перебрал различные способы наиболее аккуратным образом описать суть поведения госсекретаря Клинтон. Её действия в отношении своей электронной переписки казались нам очень небрежными, больше чем обычная неосмотрительность. В какой-то момент в проекте был использован термин «грубая халатность», и также пояснялось, что в данном случае эти слова не стоило интерпретировать таким образом, как этот термин использовался в уголовном законодательстве столетней давности. Одна часть того закона от 1917 года называла тяжким уголовным преступлением, если человек «посредством грубой халатности позволяет [секретным материалам] быть удалёнными из своего надлежащего места хранения или переданными кому-либо в нарушение его доверия, или быть утерянными, украденными или уничтоженными».

История той меры предосторожности явно свидетельствовала о том, что Конгресс в 1917 году намеревался применять этот закон лишь в отношении поведения, бывшего очень близким к преднамеренному — иными словами, движимому дурными намерениями — и голосовавшие за него в то время члены Конгресса были очень обеспокоены тем, чтобы не сделать тяжким уголовным преступлением простую небрежность. Мне говорили, что Министерство юстиции с 1917 года обвинило по этому закону лишь одного человека — коррумпированного агента ФБР, чьё поведение было намного хуже, чем грубая халатность — и по нему никто вообще не был осуждён. Эти обстоятельства значительно укрепили моё ощущение, что данный закон просто неприменим к делу об электронной почте Клинтон, и, с учётом старого закона, делали использование термина «грубая халатность» неуместным и могущим привести к путанице. Так что я дал указание нашей команде подобрать другие термины, более точно описывающие её поведение. Просмотрев множество проектов, я остановился на «крайней беспечности», как лучшем способе описать это поведение.

Я дал свой проект заявления старшим сотрудникам ФБР, и попросил их подумать о трёх вещах: точности изложенных в проекте фактов; каких-либо политических или иных ограничениях на то, чтобы сделать такое заявление; и разумности и механике представления его американскому народу. Это было самое дальнее, куда я мог представить мы движемся. Я сказал, что не принял окончательного решения, но хотел бы использовать этот проект для начала нашей дискуссии. Что возможно по закону? Что имеет смысл? Если мы собираемся сделать какое-то публичное заявление, то как должны его сделать? Стоя с генеральным прокурором? В виде письменного доклада Конгрессу? В одиночку? Давайте обсудим это.

Группа руководителей ФБР разжёвывала его, правила его, обсуждала его, и спала на нём. Я хотел как можно больше отзывов, за одним большим исключением: чтобы, если потребуется, защитить независимость ФБР, я не хотел, чтобы Министерство юстиции знало о том, чем мы занимались. Самой решительной мерой продемонстрировать независимость нашего расследования будет, если ФБР объявит о чём-то без какого-либо участия Министерства юстиции. Я не знаю, был ли в этом смысл — и иногда эта идея казалась мне безумной — но это больше не было бы даже теоретической возможностью, если бы мы сказали кому-либо в Минюсте о своих дискуссиях. Они вполне могли бы дать мне указание даже не обсуждать подобные вещи, и я был бы вынужден последовать этому приказу, как когда мне приказали назвать это «вопросами». Так что мы держали всё внутри ФБР и продолжали обсуждение, пока расследование двигалось к заключительному этапу — опросу Хиллари Клинтон.

Но в этот момент расследование застопорилось. Большим спорным вопросом в деле и в публичном обсуждении этого дела являлся процесс принятия госсекретарём Клинтон решения, какие из её электронных писем вернуть в Государственный департамент после того, как государство потребовало, чтобы она передала относящиеся к работе электронные письма. По её версии, на конец 2014 года, когда государство запросило рабочие электронные письма, на её личном сервере было порядка шестидесяти тысяч электронных писем. Личные юристы госсекретаря просмотрели эти электронные письма, предъявив примерно половину из них, и удалив остальные. Я, как и вся «Полугодовая команда» ФБР, считал, что наше расследование не будет заслуживающим доверия, если мы не углубимся в этот процесс отбора. Мы не собирались просто верить им на слово. Нам требовалось знать из первых рук, как юристы принимали те решения, и мы хотели видеть использованные ими устройства, чтобы наши эксперты могли поискать следы удалённых электронных писем.

По понятным причинам, это очень нервировало юристов Министерства юстиции. На ноутбуках, которые юристы Клинтон использовали для просмотра электронной почты госсекретаря Клинтон, также хранилась их работа для других клиентов. Наша проверка этих ноутбуков потенциально могла нарушить адвокатскую тайну и меры защиты адвокатской работы не только их клиента Хиллари Клинтон, но и других не имевших

отношения к делу клиентов. Представлявшая юристов Клинтон адвокат, Бет Уилкинсон, разговаривала с Министерством юстиции на повышенных тонах: не было никакой возможности, чтобы она и те юристы собрались говорить о работе на клиента, и не было никакой возможности, чтобы они собрались предъявить свои лэптопы для того, чтобы ФБР могло заглянуть в них. Это было то, за что Уилкинсон объявила, она будет биться до самого конца. Главный юрисконсульт ФБР Джим Бейкер знал Уилкинсон, так что я попросил его поговорить с ней и подчеркнуть нашу решимость получить те лэптопы. Он так и сделал, и она тотчас же сказала юристам Министерства юстиции, что ФБР действует в обход них. В отношениях между юристами ФБР и министерства воцарился холод.

Мы были в тупике. ФБР не могло с каменным лицом сказать американцам, что мы провели компетентное расследование, не перевернув землю, чтобы понять тот процесс просмотра и удаления электронных писем. Для нас не имело значения, что в этом участвовали её юристы. Я бы не согласился завершить расследование, не увидев эти лэптопы и не опросив этих юристов. Сроки. Если госсекретарь Клинтон хочет следующие два года продолжать находиться под уголовным расследованием, ну что ж. Несмотря на всю силу этого аргумента, к середине мая мы все ещё не получили доступа к тем лэптопам. Мы стояли перед реальной перспективой того, что расследование уйдёт в лето и после политических съездов, на которых будут выдвинуты кандидаты в президенты.

В мае я отправился к Салли Йейтс и сказал ей, что это тянется слишком долго. У нас оставались считанные недели до съездов, и я был близок к тому, чтобы рекомендовать назначение специального прокурора. Мои предшественники делали это время от времени, наиболее известный случай, когда Луис Фрих письменно рекомендовал генеральному прокурору назначить одного, чтобы расследовать мероприятия по сбору средств тогдашнего Президента Билла Клинтона. Я сказал, что скоро будет слишком поздно для этого Министерства юстиции завершить расследование без серьёзного ущерба для общественного доверия к нашей работе. Для этого потребуется прокурор, неподконтрольный политическому руководству министерства. Я сказал, что не могу назвать дату, когда порекомендую подобное, но мы к ней близко подошли, если не получим эти лэптопы.

Йейтс поняла. Я не знаю, что она сделала, но практически сразу «Полугодовая команда» почувствовала инъекцию энергии и настойчивости в младших юристов Министерства юстиции. Внезапно они оказались одержимы идеей заполучить те лэптопы. В течение недели или двух юристы выторговали сделку, дававшую нам то, что мы хотели — физический доступ к лэптопам и опросы юристов, использовавших их для сортировки электронной почты Клинтон. Я не знаю, как они убедили личных юристов заключить сделку, потому что ФБР не участвовало в переговорах. Мы получили доступ, который хотели, и не нашли ничего, что изменило бы наш взгляд на это дело, но теперь я был удовлетворён, что мы сделали всё, что требовалось для заслуживающего доверия расследования.

Пока шла вся эта борьба вокруг ноутбуков юристов, я провёл июнь, всё ещё стараясь справиться с тем, что считал концом игры. Как нам закрыть дело об электронной почте Клинтон — за шесть недель до съезда Демократической партии — с максимальным доверием общественности, что институты правосудия действовали по справедливости? Случились две вещи, вернувшие меня к безумной идее лично предложить американцам необычайную прозрачность, и сделать это без руководства Министерства юстиции.

Во-первых, в середине июня российское правительство начало сбрасывать электронные письма, украденные из учреждений, ассоциированных с Демократической партией. Оно началось с группировок, называющих себя DCLeaks и Guccifer 2.0. Они украли электронную почту, намереваясь навредить Клинтон и демократам. Это делало очень реальной перспективу, что в любой момент, а не десятилетия спустя, могли быть сброшены секретные материалы, касавшиеся Лоретты Линч. Как я упоминал ранее, разглашение соответствующих материалов, достоверность которых мы не проверили, позволило бы сторонникам партий убедительно утверждать, что кампания Клинтон посредством Линч контролировала расследование ФБР.

Тогда же, в понедельник 27 июня, на раскалённом перроне аэропорта Финикса Билл Клинтон в частном порядке порядка двадцати минут общался с генеральным прокурором Линч на борту реактивного самолёта ФБР «Гольфстрим 5». Когда я впервые услышал об этой импровизированной встрече, то не обратил на неё особого внимания. Я понятия не имел, о чём они беседовали. Но на мой взгляд, мнение о том, что этот разговор мог повлиять на расследование, смехотворно. Если бы Билл Клинтон собирался попытаться повлиять на генерального прокурора, он бы не сделал это, пройдя по переполненному перрону посреди белого дня и поднявшись по лестнице мимо группы специальных агентов ФБР. К тому же, Линч в любом случае не вела расследование. Но ни один из этих ключевых моментов не отразился на экспертном мнении кабельных новостей. Пока в СМИ разгоралась огненная буря, я больше обратил внимание на то, как это становится ещё одним губительным предметом обсуждения на тему, что Министерству юстиции Обамы нельзя доверять завершать расследование в отношении электронной почты Клинтон.

В разгар этой огненной бури генеральный прокурор проигнорировала призывы полностью отказаться от своего участия в расследовании в отношении Хиллари Клинтон. Вместо этого, в пятницу 1 июля она выбрала очень странную позицию — что она не отстраняется, но примет мои рекомендации по этому делу, наряду с рекомендациями профессиональных прокуроров Минюста. Фактически, она отстранялась, но не отстранялась. Снова, очень странно.

Учитывая вымученный подход генерального прокурора то ли участия, то ли неучастия, я снова подумывал просить назначить специального прокурора. Назначение специального прокурора — кого-то вне привычной субординации и с полномочиями обеспечения независимости — являлось, как я упоминал, редким шагом. Но я решил, что будет вопиюще несправедливо так поступить. Это было не политическое решение, а этическое,

ведомое нашими ценностями. К любому объекту расследования провозглашается справедливое отношение. Команда ФБР мирового класса целый год проводила расследование в отношении Хиллари Клинтон, и все они — до единого — считали, что здесь нет подлежащего судебному преследованию дела. Просьба сейчас назначить специального прокурора создаст неправильное впечатление, что здесь что-то есть, и затем это будет тянуться многие месяцы, если не дольше. И это создаст у американцев ложное впечатление; другими словами, это будет ложью.

Многие годы я говорил о водоёме истины и доверия, который делает возможным всё то добро, что мы делаем в ФБР и Министерстве юстиции. Когда мы встаём, неважно, в зале суда или на пикнике, и представляемся частью таких организаций, благодаря этому водоёму незнакомцы верят тому, что мы говорим. Без него мы просто ещё одни партийные игроки в поляризованном мире. Когда мы рассказываем судье, или присяжным, или Конгрессу о том, что видели, или обнаружили, или слышали, они слышат это не от республиканца или демократа. Они слышат это от организации, отдельно стоящей в американской жизни. ФБР должно быть «другим» в этой стране, а иначе мы проиграем. Я всегда пользовался этой метафорой с водоёмом, потому что она одновременно охватывает его безмерность и то, как быстро он может быть осушён через маленькое отверстие в плотине. Как бы я защитил этот водоём, стоя за спиной у генерального прокурора, который выглядел политически скомпрометированным? ФБР было независимо и аполитично, и американцы должны были это видеть.

Чтобы защитить этот водоём, я принял решение. Мне нужно было наглядно отстраниться от Лоретты Линч и сделать кое-что, чего я никогда не мог себе представить до 2016 года: ФБР должно было как можно скорее отдельно изложить американцам свою точку зрения, обнародовав мои рекомендации и стоящие за ними рассуждения. Я знал, что для меня всё будет хреново. Со стороны демократов раздастся предсказуемая болтовня о моём желании всеобщего внимания, выходе из-под контроля, подвижностью эго. Со стороны республиканцев послышатся новые заявления о некомпетентности или коррумпированности Министерства юстиции. И это могло навсегда испортить мои отношения с руководством Министерства юстиции. Но я считал — и до сих пор считаю, даже оглядываясь назад — что это был лучший вариант для ФБР и Министерства юстиции.

Американский народ нуждался и заслуживал открытости, и я считал, что обладаю достаточно независимой репутацией, чтобы выйти вперёд и принять на себя удары, чтобы защитить этот водоём.

В той ситуации я собирался выступить с заявлением в штаб-квартире ФБР утром во вторник 5 июля, и закончить это дело. Если, конечно, Хиллари Клинтон не солгала нам, когда мы наконец опросили её 2 июля 2016 года.

* * *

Многие эксперты задавались вопросом, почему ФБР ждало так долго, чтобы допросить госсекретаря Клинтон в то время, как она являлась объектом расследования. Именно по этой причине. Опытные следователи всегда избегают опроса объекта, больше них знающего факты. Этот дисбаланс информированности даёт преимущество объекту, а не следователю. Особенно в делах о должностных преступлениях следователи перед тем, как опросить объект, предпочитают овладеть всеми фактами, чтобы допрашивающие могли задавать разумные вопросы, и чтобы объекту в случае необходимости могли быть предъявлены документы или заявления, сделанные другими свидетелями. Вот что ФБР делало в каждом стандартном расследовании; и это то, что «Полугодовая команда» проделала с Хиллари Клинтон. Агенты и аналитики ФБР потратили год, изучая всё, что могли, о том, как госсекретарь Клинтон установила и использовала свою личную систему электронной почты. Теперь мы были готовы увидеть, если она при обстоятельном допросе солжёт нам о чём-либо из этого, и суметь доказать, что она солгала. В делах о должностных преступлениях мы часто обнаруживаем, что объект лжёт, чтобы скрыть плохое поведение, давая нам повод для судебного преследования даже там, где мы не смогли бы завести дело на основе обвинений, с которых оно начиналось. Маловероятно, что искушённое, имеющее хороший образ лицо солжёт нам таким образом, что мы сможем это доказать, но Стюарт и Либби показали, что это вполне возможно. Опрос Клинтон, хоть и проведённый в конце нашего расследования, был крайне важен.

Прокуроры Министерства юстиции и юристы госсекретаря Клинтон для её опроса, который должен был пройти в штаб-квартире ФБР в Вашингтоне, назначили субботнее утро трёхдневных выходных по случаю Дня независимости.

Распространялось так много ложной информации о природе этого опроса, что заслуживают обсуждения имевшие место реальные события. После того, как была скрытно доставлена Секретной службой в подземный гараж ФБР, Хиллари Клинтон была опрошена совместной командой из пяти членов ФБР и Министерства юстиции. Её сопровождали пять членов её группы юристов. В тот момент никто из присутствовавших там юристов Клинтон не оставался объектом расследования по этому делу. Длившийся более трёх часов опрос проходил в защищённом конференц-зале в глубинах штаб-квартиры ФБР, и проводился двумя старшими специальными агентами по этому делу. За исключением тайной доставки в здание ФБР, они обращались с ней как и с любым другим объектом опроса. Я там не присутствовал, что удивляет лишь тех, кто не знает ФБР и его работу. Директор не присутствует на подобного рода опросах. Моя работа заключалась в принятии финального решения по этому делу, а не в руководстве расследованием. У нас были назначенные для этого профессиональные следователи, поднатеревшие во всех тонкостях этого дела.

В процедурном порядке мы также не записываем опросы не находящихся под арестом людей. Вместо этого у нас есть делающие подробные заметки профессионалы. Во время этого опроса госсекретаря Клинтон не приводили к присяге, но это тоже являлось стандартной процедурой. ФБР не приводит к присяге во время добровольных опросов. Тем не менее, согласно федеральному законодательству, если бы обнаружилось, что Клинтон солгала ФБР во время этого интервью, неважно, под присягой или нет, это всё равно являлось бы тяжким уголовным преступлением. Короче говоря, несмотря на шумиху в СМИ и Конгрессе по поводу этого факта, агенты опросили Хиллари Клинтон, следуя стандартным оперативным процедурам ФБР.

Тем вечером я провёл много времени на телефоне с руководством «Полугодовой команды», выслушивая их доклад о том, что сказала госсекретарь Клинтон. Ничто из сказанного не удивило профессионалов, которые за прошедший год провели сотни, если не тысячи часов, ходя кругами вокруг бывшего госсекретаря, читая тысячи её электронных писем и опрашивая всех из её окружения. По словам Клинтон, она не была искушена ни в технологиях, ни в безопасности, и пользовалась личным аккаунтом для удобства, чтобы избежать поддержания одновременно правительственного и личного аккаунтов электронной почты, и не считала секретным содержимое тех электронных писем. Нехватка технических знаний наглядно видна в её мемуарах, «Что случилось», в которых она, похоже, намекает, что её личный сервер в Чаппакуа был защищён от взлома, потому что стоял в доме, охраняемом Секретной службой. Взлом сервера осуществляется через интернет, а не путём разбивания стекла подвального окна. Во время опроса она также сказала, что считала, что они с её персоналом успешно «обходили» чувствительные темы, метод работы, ставший необходимым из-за плохой коммуникационной инфраструктуры Государственного департамента, не обеспечивавшей безопасность и надёжность электронной почты и телефонов у неё и её старших сотрудников. В этом была доля правды, но, к разочарованию её команды, это не меняло правил касательно секретной информации. Во время опроса Клинтон также сказала, что делегировала другим просмотр и удаление своей электронной почты, полагая, что они удалят лишь чисто личные электронные письма, и её не было ничего известно о каких-либо попытках воспрепятствовать правосудию.

После обсуждения и тщательного изучения её ответов, в её комментариях мы не нашли ничего, что могли бы вне всяких разумных сомнений счесть ложью. Ни на каком из этапов следователи не поймали её на лжи. Она ни разу не призналась в преступлении и не дала понять, что знала, что то, что она делала со своей электронной почтой, было неправильным. Неважно, поверили мы ей или нет, у нас не было веских доказательств обратного. И не было никакой дополнительной работы, которую должны были бы проделать следователи. Это дело было закончено. Теперь американцам необходимо было узнать, что установило ФБР.

Я провёл с командой воскресенье и понедельник, работая над заявлением. Мы решили

сделать его живым и личным, так чтобы люди услышали это одновременно, и мы упорно работали над тем, чтобы, как собирались, выдержать профессиональный внепартийный тон. Мы сделаем его коротким и не вызывающим вопросов, но постараемся предложить как можно больше деталей и открытости. Мы считали, что детали того, что мы сделали, и что установили, были жизненно важны для доверия к расследованию и заявлению. Каждое слово заявления было изучено группой юристов ФБР, чтобы убедиться, что оно соответствует закону и политике Министерства юстиции.

Утром 5 июля я нервничал по целому ряду причин. Было ощущение, что я собирался навредить своей карьере. «Ничего», — сказал я себе, — «тебе пятьдесят пять лет, у тебя есть деньги в банке и десятилетний срок, и ты не хочешь быть где-нибудь ещё; ты не стараешься забраться выше». Ещё я нервничал, потому что мне нравились и генеральный прокурор, и заместитель генерального прокурора, а я собирался взбесить их, не скоординировав с ними публичное заявление по громкому делу, потому что любая координация могла быть воспринята как политическое влияние. Хотя я чувствовал, что обязан был позвонить им до того, как сделаю своё заявление, чтобы сказать им, что делаю его, при этом я не собирался говорить им, о чём собираюсь рассказать. Неловко.

Когда я позвонил Салли Йейтс, то рассказал ей, что собираюсь сделать заявление по делу Клинтон, и что не координировал своё заявление с Министерством юстиции. Когда я сообщил ей эти новости, она не задала вопросов. Хотя я никогда не говорил с ней об этом, думаю, Йейтс понимала, что я делаю, и почему, и ценила это. Реакция генерального прокурора Линч была немного другой. Она лишь спросила: «Что вы будете рекомендовать?»

«Прошу прощения, но не собираюсь отвечать на это», — ответил я. — «Очень важно, чтобы я не координировал его каким-либо образом с министерством. Надеюсь, однажды вы поймёте, почему». Она ничего не сказала.

Я повесил трубку и вышел из кабинета. По пути я остановился, чтобы дать указание разослать электронное письмо всем сотрудникам ФБР. Я хотел, чтобы они сначала слышали это от меня:

Всем:

Когда я отправляю это, я собираюсь спуститься по лестнице и сделать заявление СМИ о нашем расследовании в отношении использования личного сервера электронной почты госсекретарём Клинтон, когда она была госсекретарём. Прикрепляю копию заявления, которое собираюсь сделать. Вы сразу обратите внимание, что я собираюсь предоставить больше деталей относительно нашего процесса, чем мы обычно даём в связи с расследованием, включая нашу рекомендацию Минюсту не предъявлять обвинение. Я

делаю это, так как считаю доверие американцев к ФБР драгоценной вещью, и хочу, чтобы они поняли, что мы провели это расследование компетентно, честно и независимо. Люди за пределами ФБР могут не согласиться с результатом, но я не хочу, чтобы были какие-либо сомнения, что оно было аполитичным и профессиональным, и что наши выводы справедливы, тщательно взвешены, и являются исключительно нашими. Я не координировал и не просматривал текст заявления с кем-либо, кроме небольшой группы должностных лиц ФБР, работавших над расследованием. Больше в правительстве никто понятия не имеет, что я собираюсь сказать, и так и должно быть.

Выше много местоимений «я», но это расследование и выводы являются продуктом большой и талантливой команды ФБР, состоящей из агентов, аналитиков, технических специалистов, юристов и многих других. Я держался поблизости лишь для того, чтобы просто убедиться, что у команды есть все ресурсы, которые им требуются, и что никто не вмешивается в их работу. Никто и не вмешивался. Я с гордостью представляю их работу, и ФБР в целом. Мы проделали её так, как ожидал и заслуживал американский народ.

Я намеренно надел золотой галстук, чтобы не предстать в одном из привычных цветов политических групп, красном или синем. Я подумывал о том, чтобы попытаться запомнить текст заявления, но мы до последнего момента продолжали вносить небольшие изменения в словах, так что это было невозможно. Моя замечательная группа по связям с общественностью выяснила, как спроецировать текст на заднюю стену комнаты, чтобы я мог отслеживать его, пока говорил.

Меня ругали, включая мою любимую семью, за «сикрестирование»[34], под чем они подразумевают имитацию драматической паузы — «но, сперва реклама» — телеведущего Райана Сикреста. Я сделал это неумышленно, но теперь вижу, что они имели в виду. Я полагал, что если начну с вывода, что мы рекомендуем не выдвигать обвинения, никто не станет слушать остальное. А остальное, что я сказал, было критичным для уверенности американского народа в том, что ФБР было компетентным, честным и независимым.

Как я и ожидал, люди по обеим сторонам межпартийного разрыва в Вашингтоне очень разозлились. Республиканцы были в ярости, что я отказался рекомендовать преследование в деле, которое «явно» его гарантировало. Это, как я уже отмечал, было абсурдом. Ни один справедливый человек с опытом в мире контрразведки (в котором «сливы» секретной информации расследуются и преследуются) не счёл бы это дело заслуживающим внимания профессиональных прокуроров Министерства юстиции. На это было буквально ноль шансов. Демократы были в ярости, потому что я «опорочил» Хиллари Клинтон, детально описав и осудив её поведение, и при этом рекомендовав не выдвигать обвинения.

С обеих сторон раздавались крики о моём «нарушении» политики Министерства юстиции.

Но в соответствующих случаях, когда того требуют общественные интересы, Министерство юстиции давно уже раскрывает детали поведения людей, которым не были предъявлены обвинения. Министерство поступило так весной 2015 года, после расследования ФБР убийства Майкла Брауна в Фергюсоне, штат Миссури — включая выпуск восьмидесятистраничного меморандума со всеми деталями расследования. Они снова это сделали в октябре 2015 года в деле против одного из руководителей Службы внутренних доходов Лоис Лернер, когда министерство изложило доказательства, собранные во время уголовного расследования в отношении того, не подвергала ли Служба внутренних доходов нападкам и притеснениям группы Движения чаепития. Министерство сказала, что Лернер проявила «недальновидность», но «неэффективное управление не является преступлением... Случившееся вызывает тревогу и может повлечь за собой корректирующее действие — но не влечёт за собой уголовное преследование». Как и в тех недавних примерах, это был тот случай, когда общественный интерес и доверие общественности требовали нашего пояснения, что мы узнали о поведении госсекретаря Клинтон. Без этих деталей, результат был бы намного менее достоверным и прозрачным, и причинил бы ущерб нашему водоёму доверия к институтам правосудия у американских граждан. Необычным в этом было то, что директор ФБР — с целью защитить оба учреждения — вышел сделать заявление отдельно от руководства Министерства юстиции. Это решение было принято с осознанием, что оно подставляет меня и мою профессиональную репутацию прямо под огонь со всех сторон политического спектра.

Всегда полезно взглянуть в прошлое, и если бы мне снова пришлось это сделать, кое-что я бы сделал по-другому. Я бы избежал ошибки «сикрестирования», сказав в начале своего заявления, что мы рекомендуем не выдвигать обвинений. В то время я думал, что есть риск, что после заголовка люди не будут внимательно слушать дальше, но, оглядываясь назад, риск замешательства от того, что я тянул с выводами, был больше. Ещё важнее то, что я бы постарался найти лучший способ описать поведение госсекретаря Клинтон, чем «крайняя беспечность». Республиканцы вскочили на тот старый закон, делавший тяжким уголовным преступлением обращение с секретной информацией с «грубой небрежностью» — закон, который Минюст никогда бы не применил в этом деле. Но использование мной «крайней беспечности» для многих безусловно прозвучало словно сказанное на языке закона — «грубая небрежность» — пусть даже вдумчивые юристы видели, почему это было не одно и то же. Я потратил много часов, отвечая на вопросы Конгресса об этом, и это стало главной темой для заинтересованных в нападках на ФБР и Минюст. За исключением этих двух вещей, и невзирая на направленные на меня с тех пор политические выстрелы — а по общему мнению я попал под огонь из-за этого — я бы снова поступил так же с тем заявлением, потому что по-прежнему считаю, что это была лучшая доступная альтернатива, чтобы защитить и сохранить водоём доверия к Министерству Юстиции и ФБР у американского народа.

После сентябрьских слушаний в Конгрессе, несмотря на всю критику, я мог по крайней мере сказать, что Бюро избавилось от этого ужасного дела. Мы предложили

прозрачность, стараясь показать американскому народу компетентность, честность и независимость, и теперь президентская кампания могла идти своим чередом. Несколько месяцев спустя во время нашего обеда 27 января 2017 года Президент Трамп сказал мне, что я «спас её» своей июльской пресс-конференцией. Это не было моим намерением, так же как я не собирался «спасать его» в том, что случилось позже. Целью было рассказать правду и продемонстрировать, как выглядит высшая степень лояльности — к институтам правосудия.

Так что мой заместитель директора был прав; мы действительно подставились, и это было так болезненно, как и ожидалось. Мы вкусили яда нашей политической системы, и я, как и ожидал, получил все эти удары, но ещё я чувствовал огромное облегчение, так как мы с ФБР закончили с Хиллари Клинтон и её электронными письмами.

Если бы.

Глава 11

СКАЖИ ИЛИ УТАИ

Безопасность заключается в прокуроре, который умеряет рвение человеческой добротой, который ищет истину, а не жертв, который служит закону, а не фракционным целям, и который подходит к своей задаче со смирением.

Роберт Г. Джексон, Судья Верховного суда

Хотя дело с электронной почтой Клинтон для вашингтонского политического класса казалось центром вселенной, в действительности ФБР занималось и многими другими важными вопросами. Летом 2016 года мы работали как сумасшедшие, чтобы понять, что задумали русские. Доказательства внутри разведывательного сообщества настоятельно наводили на мысль, что российское правительство пыталось тремя способами вмешаться в выборы.

Во-первых, они искали способ подорвать уверенность в американские демократические процедуры — стараясь нас скомпрометировать, чтобы наш выборный процесс больше не вдохновлял остальной мир.

Во-вторых, русские хотели навредить Хиллари Клинтон. Путин её ненавидел, обвиняя её лично в больших уличных демонстрациях против него в Москве в декабре 2011 года. Путин считал, что Клинтон дала «сигнал» демонстрантам, публично критикуя то, что назвала «тревожной практикой», до и во время парламентских выборов в России в тот год. Она сказала: «Русские люди, как и люди во всём мире, заслуживают права, чтобы их голоса были услышаны и посчитаны». Путин воспринял это как непростительные личные нападки.

В-третьих, Путин хотел помочь победить Дональду Трампу. Трамп благоприятно высказывался о российском правительстве, а Путин демонстрировал многолетнюю признательность бизнес-лидерам, заключавшим сделки вместо того, чтобы придерживаться принципов.

Центром кампании российского вмешательства стало опубликование пагубных электронных писем, похищенных у связанных с Демократической партией организаций и частных лиц. Также имелись признаки масштабных российских усилий проникнуть в поддерживаемые штатами базы данных списков избирателей. В конце июля ФБР узнало, что советник по иностранной политике кампании Трампа по имени Джордж Пападопулос несколькими месяцами ранее обсуждал получение от российского правительства пагубных для Хиллари Клинтон электронных писем. Основываясь на этой информации, ФБР открыло расследование, пытаясь понять, не работали ли американцы, включая кого-либо, связанного с кампанией Трампа, каким-либо образом с русскими в их попытках влияния.

Как и в случае расследования с электронной почтой Клинтон, Бюро месяцами сопротивлялось всем призывам репортёров и других сторонних наблюдателей подтвердить проведение расследования. Просто было слишком рано, мы не знали, есть ли у нас какие-либо зацепки, и не хотели насторожить кого-либо из проверяемых частных лиц. ФБР и Министерство юстиции не подтверждали официально наше расследование — да и затем, лишь в общих чертах — до марта 2017 года.

Более сложным был вопрос, стоило ли в пылу президентской кампании рассказать американскому народу больше об общих российских усилиях повлиять на выборы. Президент Обама и его команда по национальной безопасности весь август и весь сентябрь бились над этим вопросом. На одной из встреч с президентом мы обсуждали, имело ли смысл сделать своего рода общественную «прививку». То есть, вооружив американцев знанием о враждебных усилиях повлиять на принятие ими решения во время голосования, мы могли помочь смягчить это влияние. Я сказал, что устал быть парнем на трибуне со скандальными новостями — особенно после того избиения,

которому подвергся после сделанного 5 июля заявления — но в этом случае был готов стать голосом, в отсутствие каких-либо альтернатив. Я также признался президенту, что попытка сделать прививку может случайно поспособствовать достижению цели русских по подрыву уверенности в нашей избирательной системе. Если вы говорите американцам, что русские вмешиваются в выборы, не будет ли так, что вы просто сеете сомнения в итогах или даёте одной из сторон обоснование их проигрыша? Это было очень непросто. Президент Обама чётко видел эту дилемму и сказал, что полон решимости не помогать русским достичь их цели подорвать веру в наш процесс. Администрация продолжала обсуждать идею прививки и то, как она может выглядеть.

Спустя несколько дней, пока команда Обамы совещалась, как вариант я придумал идею представить «вакцинирующий голос», написав и поделившись с администрацией авторской статьёй в газету под моим именем. В ней излагалось, что делают русские, публикуя похищенные электронные письма, делался акцент на хакерских атаках, направленных на базы данных избирателей штатов, и рассматривались эти действия в контексте исторических попыток нарушения выборов в России. Я планировал это как предупреждение американскому народу.

Но решения принято не было. Обсуждения команды Обамы как обычно были всесторонними, вдумчивыми и очень медленными. Я подозревал, что основным фактором в их обсуждениях было всеобщее мнение проводящих опросы общественности, что у Дональда Трампа нет шансов. Во время сентябрьской встречи по поводу российских попыток, вспоминая, что Президент Обама выразил уверенность в этом исходе, сказав о Путине: «Он поставил не на ту лошадку». Зачем рисковать подорвать веру в наш электоральный процесс, казалось, пришёл он к выводу, когда российские попытки ничего не меняли? И зачем давать Дональду Трампу повод обвинить Обаму в запугивании американцев? Всё равно он проигрывает.

Наконец, месяц спустя, в начале октября, команда Обамы решила, что всё-таки требуется какое-нибудь официальное заявление администрации. Его были готовы подписать директор национальной разведки Джим Клеппер и министр национальной безопасности Джей Джонсон. Руководящая группа ФБР и я решили, что для нас нет достаточных оснований, чтобы тоже подписать его. К тому времени в СМИ уже широко освещалась информация о российской кампании по влиянию на выборы. Источниками этих историй были выявлены многочисленные неназванные правительственные должностные лица. Видные законодатели делали заявления и рассказывали в интервью СМИ о российской кампании вмешательства. Сама кандидат Клинтон говорила о российских попытках избрать её оппонента. Появление на веб-сайтах и в социальных сетях украденных электронных писем — включая ВикиЛикс и страницу в твиттере его основателя, Джулиана Ассанжа — широко и публично ассоциировалось с Россией. Учитывая всё это, октябрьское заявление администрации в лучшем случае было незначительной добавкой к осведомлённости общественности. Добавление имени ФБР ничего бы не изменило, и было несовместимо с тем, как мы надеялись действовать в канун выборов.

Несмотря на то, что могут говорить политики и эксперты, не существует письменных правил в отношении того, как ФБР и Министерство юстиции должны проводить расследования по мере приближения выборов. Но существует устойчивая норма, которой я всегда старался следовать: в предверии выборов мы должны стараться по возможности избегать каких-либо действий, которые могут повлиять на результаты выборов. В октябре 2016 года для ФБР не было веской причины говорить о русских и выборах. Американцы уже знали, что происходит, так что ФБР могло разумно избегать действовать.

Но «избегать действовать» было не вариантом, когда в октябре, спустя четыре месяца после того, как я объявил перед камерами, что ФБР провело тщательное расследование и закончило, ко мне в кабинет мощным и неожиданным образом вернулось расследование в отношении электронной почты Клинтон.

В определённый момент в начале октября кто-то в штаб-квартире ФБР (думаю, это был заместитель директора Эндрю Маккейб) сказал мне, что у бывшего конгрессмена Энтони Винера был лэптоп, который мог иметь отношение к делу об электронной почте Клинтон. Я смутно помню тот разговор. Подозреваю, потому, что это выглядело мимолётным комментарием, и упоминание того факта, что компьютер Энтони Винера мог иметь отношение к «Полугодовому» и Хиллари Клинтон, не имело для меня смысла.

Винер был опозоренным бывшим конгрессменом-демократом из Нью-Йорка, ушедшим в отставку в 2011 году после разоблачений, что он рассылал разным женщинам свои обнажённые фото. Он также являлся отдельно проживающим мужем Хумы Абедин, одной из ближайших помощниц госсекретаря Клинтон. Содержимое лэптопа Винера оказалось в распоряжении ФБР как часть уголовного расследования в отношении предполагаемого ненадлежащего контакта Винера с несовершеннолетними девочками. У уголовных следователей Нью-Йорка был ордер на обыск, позволявший им просматривать определённые файлы на этом лэптопе. В процессе своей работы следственная группа видела и другие имена файлов, но не могла открывать их в соответствии с полномочиями своего ордера на обыск, ограниченными материалами, имевшими непосредственное отношение к этому сексуальному делу. И некоторые из имён на тех тысячах файлов электронной почты навели следственную группу в Нью-Йорке на мысль, что они могут иметь отношение к делу Клинтон.

В 5:30 утра в четверг 27 октября — за двенадцать дней до выборов — Маккейб прислал мне электронное письмо, в котором говорилось, что «Полугодовой команде» необходимо встретиться со мной. Я понятия не имел, по какому поводу, но, конечно, попросил своих сотрудников как можно скорее что-нибудь организовать. Позже тем утром я вошёл в свой конференц-зал и широко улыбнулся руководителям команды, юристам и должностным лицам «Полугодового» дела, каждый из которых занимал то же самое кресло, что и столь много раз на протяжении года, пока шло расследование в отношении электронной почты Клинтон.

— Команда снова в сборе, — сказал я, скользнув в своё кресло. — Что происходит?

Пройдёт немало времени, прежде чем я снова так же улыбнусь.

Члены команды пояснили, что, похоже, лэптоп Винера содержит сотни тысяч электронных писем с личного домена электронной почты Хиллари Клинтон. Это был огромный кладёзь электронных писем госсекретаря Клинтон. В 2014 году Клинтон передала Государственному департаменту примерно тридцать тысяч электронных писем, а ещё примерно тридцать тысяч удалила как личные. Это было намного больше того числа. Но их внимание привлекло кое-что ещё. «Полугодовая команда» так и не смогла найти электронные письма госсекретаря Клинтон времён её первых нескольких месяцев на посту государственного секретаря, периода, в течение которого она использовала домен электронной почты AT&T BlackBerry. Следователи были заинтересованы найти те ранние электронные письма, потому что если и существовали так называемые электронные письма-«дымящиеся стволы» — в которых, возможно, госсекретаря инструктировали не использовать её систему личной электронной почты, или в которых она признавала, что поступает неправильно с секретными материалами — скорее всего, эти письма были в начале её срока полномочий на посту госсекретаря, когда она создала свой собственный электронный адрес. Но мы так и не нашли те ранние электронные письма с BlackBerry.

По каким-то причинам, которые не мог объяснить никто из собравшихся за столом, лэптоп Винера содержал тысячи электронных писем с домена AT&T BlackBerry. Они сказали мне, что среди них вполне могли оказаться пропавшие электронные письма с начала срока Клинтон на посту госсекретаря. Команда сказала, что не было перспектив получить согласие Винера на обыск остального содержимого лэптопа, учитывая большие проблемы с законом, которые он испытывал.

— Нам нужно Ваше разрешение на запрос ордера на обыск.

— Конечно, — быстро ответил я. — Отправляйтесь за ордером.

— Как быстро сможете вы просмотреть и дать им оценку? — спросил я.

Все присутствовавшие в комнате сказали, что этот просмотр займёт много недель. Они сказали, что просто было слишком много материала, чтобы сделать это быстрее. Им нужно было по одному прочитать десятки тысяч электронных писем, и это должны были сделать знавшие контекст люди. Это была не та ситуация, когда мы могли привлечь для этой работы сотни сотрудников ФБР. Они бы не знали, что читают или что ищут. Команда сказала мне, что не было шансов, что исследование электронной почты могло быть закончено до выборов 8 ноября, уже менее чем через две недели.

— Ладно, — сказал я. — Делайте его так быстро, как можете, но делайте хорошо, всегда

хорошо, вне зависимости от того, сколько времени это займёт.

После той встречи команда связалась с юристами Министерства юстиции, которые согласились, что нам нужно немедленно получить ордер на обыск лэптопа Винера на предмет электронной почты Клинтон. Теперь нам нужно было принять ещё одно решение.

В июле и на протяжении последующего периода времени я постоянно твердил стране и Конгрессу, что ФБР провело честное, компетентное и независимое расследование, и мы закончили. И здесь не было дела. Люди могли зарубить это у себя на носу. И тем не менее, 27 октября ФБР и Министерство юстиции просто решили запросить ордер на обыск, чтобы просмотреть громадный кладёз электронной почты Хиллари Клинтон, включая информацию, которая, предположительно, могла изменить нашу точку зрения на расследование. И, как заверили меня лучшие следователи Бюро, не было перспективы завершить этот просмотр до выборов. Какова была наша ответственность?

Как я уже отмечал, нашей давней традицией было по возможности избегать предпринимать какие-либо действия, которые могли повлиять на выборы. Эта традиция, эта норма, являлась частью моей личности. Вот почему ФБР не подписало октябрьское заявление администрации Обамы по поводу российского вмешательства в выборы. Если бы это было совершенно новое расследование, то можно было бы ничего не делать. Но в деле с электронной почтой Клинтон я видел лишь два выбора, лишь две двери, и за обеими ними скрывалось действие.

На одной двери было написано: «Скажи». Сказав, я бы рассказал Конгрессу, что первичные заявления ФБР о том, что расследование закончено, больше не являлось правдой. Это было бы очень, очень плохо. Это могло поместить Бюро и меня туда, где мы могли повлиять на выборы. Очень плохо, до тошноты. Следовало избегать, если было в человеческих силах.

Какой была та другая дверь? «Утаи», — вот что читали на ней мои глаза. От имени Федерального Бюро Расследований, организации, чей успех основывается на общественном доверии, я под присягой дал показания на публичных слушаниях в Конгрессе и американскому народу, что это дело закончено. Теперь я знал, что это больше не являлось правдой. Хранить в этот момент молчание, одновременно предпринимая шаги по получению ордера на обыск для просмотра тысяч электронных писем Хиллари Клинтон, включая, возможно, пропавшие ранее электронные письма, положительно было бы деянием укрывательства, означавшим бы, что директор ФБР ввёл в заблуждение — и продолжал вводить в заблуждение — Конгресс и американский народ.

Говори или утаи — вот два ужасных выбора. Старшие руководители «Полугодовой команды» обсудили оба. Мы говорили, затем брали перерыв, чтобы люди могли подумать, затем снова говорили. Мы сидели вокруг моего стола для переговоров и смотрели на это со всех сторон, какие только могли придумать. Мой руководитель аппарата, Джим

Рыбицки, занимал своё привычное кресло на противоположном от меня конце прямоугольного стола, так что он мог молча наблюдать за всеми участниками и их языком тел; его работа заключалась в том, чтобы убедиться, что я слышал всех, ничего не пропустив. У него необычайный эмоциональный интеллект, и если он увидит что-то важное — кто-то колеблется или кому — то не дали высказаться — он поговорит с этим человеком наедине и даст мне знать, чтобы в следующий раз я мог втянуть этого человека в обсуждение. Главный юрисконсульт ФБР Джим Бейкер играл похожую роль. Он был давним и мудрым другом, и я мог на него рассчитывать, чтобы донести до меня аргументы и опасения, если те не были озвучены в достаточной мере. Он часто приходил ко мне в частном порядке и играл роль адвоката дьявола, так как знал, что нам нужны каждая точка зрения, каждое опасение, каждый аргумент.

Мы придумывали аргументы против наших аргументов, но даже с дюжины ракурсов мы неизменно возвращались к одному и тому же: на кону было доверие к институтам правосудия. Учитывая, как думали практически все, что Хиллари Клинтон менее чем через две недели станет избранным президентом Соединённых Штатов, что случится с ФБР, с Министерством юстиции или её собственным президентством, если позже всплывёт, постфактум, что она всё ещё являлась объектом расследования ФБР? Что если после выборов мы в самом деле найдём информацию, свидетельствующую о подлежащем судебному преследованию преступным действиям? Неважно, что мы найдём, это деяние укрывательства будет катастрофическим для честности ФБР и Министерства юстиции. В свете этого выбор между вариантами «очень плохой» и «катастрофический» был не из тех, что сложно сделать. Мы должны были сказать Конгрессу, что положение изменилось.

Когда мы пришли к этому решению, одна из юристов команды задала самый сложный вопрос. Она была блестящим и тихим человеком, которого мне иногда приходилось втягивать в разговор. «Не хотите принять во внимание, что то, что вы собираетесь сделать, может помочь избранию Дональда Трампа?» — спросила она.

Я сделал паузу на несколько секунд. Конечно, это был тот вопрос, что был у всех в голове, неважно, задавали они его вслух или нет.

Я начал свой ответ с того, что поблагодарил её за этот вопрос. «Это хороший вопрос», — сказал я, — «но я ни минуту не могу над ним размышлять. Потому что дальше по этому пути лежит смерть ФБР, как независимой силы в американской жизни. Если мы начнём принимать решения основываясь на том, на чью политическую судьбу они повлияют, мы проиграем».

Другими словами, если мы в ФБР начали бы думать так, как все другие сторонники партий в Вашингтоне — что хорошо для моей «стороны», или чьему политическому будущему мы можем помочь или навредить — то у ФБР больше не было бы, и оно больше не заслуживало бы общественного доверия. Водоём был бы пуст.

Я дал указание команде рассказать старшим сотрудникам Минюста, что я считаю своим долгом проинформировать Конгресс, что мы возобновляем расследование. Я скажу как можно меньше, но ФБР должно говорить. Я сказал, что был бы рад обсудить эту тему с генеральным прокурором и заместителем генерального прокурора. Я не уверен точно, почему открыл им эту дверь, чего не сделал в июле. Думаю, отчасти это была человеческая реакция; я получил огромный шквал критики за вымораживание их в июле. Отчасти это было ещё и потому, что я считал, что они увидят проблему так, как видел её я, и поддержат меня в том, что должно было стать жестокой ситуацией. В конце концов, генеральный прокурор дал в июле публичные показания, что расследование электронной почты было проведено хорошо и полностью. Теперь её собственные прокуроры запрашивали ордер на обыск. Несомненно, она увидит, что сокрытие этого будет нечестным и катастрофическим для Министерства юстиции. Но через своих сотрудников Линч и Йейтс передали, что считают это плохой идеей, что они не советуют этого делать, но это моё решение, и они не видят необходимости говорить со мной об этом. Они не отдавали мне приказ не делать этого, приказ, которому я бы подчинился.

Они не хотели выбирать дверь: «Скажи» или «Утай»?

Получив этот ответ, я некоторое время подумывал над тем, чтобы сообщить им, что решил не говорить Конгрессу, просто чтобы посмотреть, что они станут делать, если я переложу ответственность полностью на них, но решил, что это было бы трусливо и глупо. Снова моей ответственностью стало принять удар. Я сказал «Полугодовой команде» дать Минюсту шанс просмотреть проект моего письма Конгрессу и предложить какие-либо изменения. Они воспользовались этой возможностью и, не отменяя своего совета мне не делать этого, внесли кое-какие полезные предложения в отношении того, как описать происходящее, всего лишь несколько фраз.

Пятничным утром 28 октября, в день, который, как ни странно, застрял у меня в голове как тридцать девятая годовщина нападения Насильника Рамси, я направил письмо председателям и высокопоставленным сотрудникам каждого из комитетов, которым Бюро предоставляло информацию на волне «окончания» расследования в отношении электронной почты Клинтон. Как и в июле, я снова разослал электронные письма всему персоналу ФБР на предмет происходящего:

Всем:

Этим утром я направил в Конгресс письмо в связи с расследованием в отношении электронной почты госсекретаря Клинтон. Вчера следственная группа проинформировала меня о своей рекомендации запросить доступ к электронным письмам, недавно обнаруженным в несвязанном деле. Так как те электронные письма кажутся актуальными

для нашего расследования, я согласился, что нам следует предпринять надлежащие меры, чтобы получить и просмотреть их. Конечно, обычно мы не рассказываем Конгрессу о ведущихся расследованиях, но в данном случае я чувствую обязанность сделать это, учитывая, что я неоднократно за прошедшие месяцы давал показания, что наше расследование завершено. Я также думаю, что это было бы введением в заблуждение американского народа, если бы мы не дополнили отчёт. Однако, в то же самое время, учитывая, что мы не знаем значимость этой вновь обнаруженной подборки электронных писем, я не хочу создавать ложного впечатления. В попытке сохранить этот баланс, в коротком письме и в разгар предвыборной кампании, существует значительный риск быть неправильно понятым, но я хотел, чтобы вы услышали об этом непосредственно от меня.

Моё письмо Конгрессу оказалось в прессе примерно через десять минут, что для Вашингтона было примерно на девять минут позже, чем я ожидал. И мой мир снова загорелся.

Июльские поклонники и ненавистники по большей части поменялись местами. Страх, что моё письмо может принести победу Трампу, свёл с ума обычно вдумчивых людей. Было много истерии по поводу того, как мы нарушали правила и политику Министерства юстиции. Конечно, не было подобных правил, и никогда не было в разгар выборов ситуации, подобной этой. Полагаю, что разумные люди могли бы решить не говорить о возобновлённом расследовании, но мысль о том, что мы там нарушали правила, была оскорбительной. «Скажи мне, что бы ты сделал на моём месте, и почему», — неслышно спрашивал я у редакционных писателей и говорящих голов по телевизору. Конечно, я знал ответ: большинство из них поступили бы так, как было лучше для их любимой команды. Ну, у ФБР не могло быть любимой команды. ФБР олицетворяет Госпожу Правосудие с повязкой на глазах, и должно действовать правильно вне мира политики.

Воскресным вечером 30 октября я получил электронное письмо от генерального прокурора, в котором она спрашивала, может ли встретиться со мной наедине после нашего утреннего разведывательного брифинга в понедельник в штаб-квартире ФБР.

— Конечно, — ответил я.

Когда брифинг подходил к концу, генеральный прокурор перед полным конференц-залом наших сотрудников спросила, может ли встретиться со мной. Что было немного странно, так как я по электронной почте уже согласился на личную встречу. Но весь наш персонал заметил её просьбу, в чём, полагаю, и заключался смысл. Мы сразу из комнаты, в которой проходил утренний брифинг, прошли в личный кабинет, зарезервированный за генеральным прокурором. Её и мои сотрудники ждали снаружи, и, наконец, мы были наедине.

Последние несколько дней шумные протесты в СМИ стали столь яростными, особенно, что и понятно, среди сторонников Хиллари Клинтон, что я не знал, что услышу от Лоретты Линч. Собиралась ли она накричать на меня? Угрожать мне? Предупредить меня? Передать сообщение от президента? Почти наверняка все в администрации Обамы были злы на меня и напуганы, что я подверг риску избрание Клинтон. У меня были все причины считать, что Лоретта принадлежала к этой группе.

Я первым вошёл в комнату. Я повернулся и подождал, пока генеральный прокурор закроет дверь. Затем она повернулась, опустила голову и, широко раскинув руки, направилась ко мне. Во многих отношениях это было неловко. Возможно, в основном потому, что я примерно на полметра выше Лоретты Линч. Когда наши тела сблизились, её лицо уткнулось мне в солнечное сплетение, а руки обняли меня. Я потянулся вниз и также неловко прижал предплечья к её спине.

— Я подумала, ты нуждаешься в обнимашках, — сказала она, когда мы разделились. Скорее всего, она была права. Хотя я по природе не любитель обнимашек, по прошествии последних нескольких дней я физически ощущал себя побитым. Скорее всего, я так же и выглядел.

Затем она села на диван, и жестом пригласила меня сесть в кресло рядом с ней. «Как дела?» — спросила она. Я почувствовал в её голосе искреннюю заботу.

Я сказал ей, что это было кошмаром. Я объяснил, каким я видел стоявший передо мной выбор, и что «очень плохой» был лучше чем «катастрофический». И затем она сразила меня ещё одним сюрпризом.

— Чувствовали бы они себя лучше, если бы это всплыло 4 ноября? — спросила она, намекая на пятницу накануне выборов.

— Точно, Лоретта, — ответил я.

Я не принимал решения на основе перспективы утечки, но она была права. Как только Минюст одобрил ордер на обыск, скорее всего все бы как-то узнали, что мы возобновили расследование, и мы бы выглядели непорядочными. Не сообщала ли она мне, что я поступил правильно? Не благодарила ли она меня в некотором роде за то, что я принял на себя жестокий удар? Она не собиралась отвечать мне на эти вопросы.

Несколько минут спустя наш разговор подошёл к концу. Лоретта встала и направилась к двери, но задержалась. Слегка повернув ко мне голову, она с легчайшим намёком на улыбку произнесла: «Постарайся выглядеть побитым». Она кому-то сказала, что собирается устроить мне разнос за сделанное. Куда катится мир.

Весь этот кошмар показался мне очень болезненным. Настолько, что я и в самом деле

слегка онемел. Даже любившие меня люди были сбиты с толку тем, что я сделал. Многие другие вели себя просто гадко. Я понимал. Мою жену, хотевшую, чтобы Хиллари Клинтон стала первым избранным женщиной-президентом, в основном заботило то, что я снова оказался в эпицентре. Она сказала, что понимает, почему я сделал то, что сделал, но возмущалась тем фактом, что мне пришлось стать впереди и принять ещё один удар. «Похоже, ты всё время выходишь и становишься перед ведомством, чтобы тебя пристрелили», — сказала она. — «Я понимаю это, но хотела бы, чтобы это был не ты, и хотела бы, чтобы и другие люди это понимали».

Эмоции были чрезвычайно острыми, и всё выглядело так, словно ФБР просто положило палец на чашу весов Дональда Трампа. И не было слушания, не было пресс-конференции, не было шанса объяснить, почему мы делали то, что делали, или добавить что-либо к письму, которое мы направили. Так как мы не знали, что у нас было, и что мы могли найти, любые дальнейшие публичные заявления были бы по сути ограниченными и вводными в заблуждение, и лишь добавили бы смятения и ущерба ФБР. По этой причине мы тщательно подбирали формулировки моего письма:

В связи с несвязанным делом ФБР узнало о существовании электронных писем, которые кажутся имеющими отношение к расследованию. Я пишу проинформировать вас, что следственная группа вчера сообщила мне об этом, и я согласился, что ФБР следует предпринять надлежащие следственные действия, направленные на то, чтобы дать возможность следователям просмотреть эти электронные письма, чтобы определить, содержится ли в них секретная информация, наряду с оценкой их важности для нашего расследования.

Хотя ФБР пока ещё не может оценить, могут ли эти материалы оказаться важными, и я не могу предсказать, как много времени понадобится нам для завершения этой дополнительной работы, я считаю важным проинформировать ваши Комитеты о наших усилиях, в свете моих предыдущих показаний.

В начале следующей недели, пока осуществлялся просмотр электронных писем на ноутбуке Винера, я присутствовал на совещании в Ситуационном центре Белого дома. Когда я шёл по коридорам Белого дома, и даже когда я сидел в зале заседаний, я чувствовал себя Брюсом Уиллисом в «Шестом чувстве», где (осторожно, спойлер) он не понимал, что мёртв. Я представлял себе, что могу видеть своё дыхание, когда сидел за столом Ситуационного центра. Лишь директор Национальной разведки Джим Клеппер и директор ЦРУ Джон Бреннан признавали меня, каждый из них подходил ко мне в коридоре, пока я ждал начала заседания, клал руку мне на плечо и призывал держаться. За этими двумя исключениями, больше никто в комнате даже не встречался со мной

взглядом.

Джим Клеппер был руководителем, восхищавшим меня больше всех из правительства. Под его лысой головой и ворчливым, грудным, зачастую бормочущим голосом скрывался человек, практически идеально воплощавший баланс доброты и жёсткости, уверенности в себе и смирения. Будучи руководителем ФБР, являющегося частью американского разведывательного сообщества, я докладывал директору Клепперу наряду с генеральным прокурором. Я стал ценить наши ежеквартальные вечерние встречи — «вечерние молитвы», как он их называл — на которых мы сидели в защищённой комнате в его офисе и говорили о работе и жизни. Вместе с нашими заместителями мы потягивали: я — вино, он — водку с мартини и двумя оливками, и я учился у того, кто руководил почти столько же, сколько я жил на свете. Чтобы скрепить нашу дружбу, я подарил ему галстук, который подарил мне мой шурин. Он был полностью красным и украшен маленькими бокалами мартини. Так как мы считали себя честными людьми, я не скрывал, что передариваю, когда протянул ему этот галстук. Клеппер неизменно на наших вечерних молитвах надевал этот галстук с мартини.

По мере приближения к последней неделе перед выборами, я каждый день проверял, как дела у «Полугодовой команды». Они постоянно трудились, читая сотни новых электронных писем Клинтон, которых мы никогда прежде не видели. В огромном прорыве, который, как меня заверяли, был невозможен, волшебники из Оперативного технологического отдела нашли способ убрать электронным способом дубликаты, чтобы агентам и аналитикам не пришлось читать сотни тысяч электронных писем. Коммерческое программное обеспечение нам бы не помогло. Но специально написанная компьютерная программа урезала их число всего до нескольких тысяч, которые они читали ночь за ночью. Несмотря на то, что команда сказала мне 27 октября, в конце концов существовала возможность закончить просмотр до выборов.

5 ноября, в субботу перед выборами, команда сказала мне, что они к утру закончат просмотр электронных писем и будут готовы встретиться со мной, чтобы изложить свою точку зрения. Мы встретились воскресным утром, за два дня до выборов. Там и в самом деле были тысячи новых электронных писем Клинтон с домена BlackBerry, но ни одно из них не относилось к соответствующему периоду времени. Были новые рабочие электронные письма, к и от госсекретаря Клинтон. Были электронные письма с секретным содержанием, но ни одно из них не было для нас новым. Ни одно из новых электронных писем не изменило их точку зрения на дело. Я нажимал и нажимал, желая убедиться, что в них не говорила усталость. «Нет», — упирались они, — «мы устали, но тем не менее уверены, что это правильный ответ».

Тогда мы начали обсуждать, что теперь делать. Общая точка зрения группы заключалась в том, что написав в Конгресс 28 октября, я был обязан снова написать в Конгресс. Был один человек, придерживавшийся иного мнения. Глава Сектора национальной безопасности ФБР утверждал, что было уже слишком поздно снова говорить. Он не

выдвигал сильных аргументов, лишь, что просто считает, что выборы слишком близко. Я думаю, он реагировал на ту боль, что вызвало наше первое письмо. Мы выслушали, какое-то время попинали эту идею и решили, что нам снова нужно написать в Конгресс. Если нашим правилом в этих уникальных условиях — «Скажи или Утай» — являлось быть настолько прозрачными, насколько это возможно, в отношении действий Бюро, тогда не имело смысла поступить по-другому 6 ноября, чем мы поступили 28 октября. Как и раньше, мы дали возможность старшим руководителям Министерства юстиции отредактировать проект моего письма, и они дали нам несколько советов.

В воскресенье 6 ноября мы направили короткое письмо в Конгресс, информируя их, что расследование в отношении Клинтон закончено, и наша точка зрения не изменилась. Мы не рассматривали дополнительного публичного заявления, потому что если бы я за два дня до выборов стал перед камерами, чтобы рассказать, что мы нашли на лэптопе Энтони Винера, это могло лишь внести ещё больше путаницы. По причинам, которые я не мог ещё объяснить, ФБР установило, что на лэптопе Винера хранилось большое число новых рабочих электронных писем Клинтон (после того, как она перед этим заявила, что передала Государственному Департаменту все рабочие электронные письма), а также виденные нами ранее многочисленные электронные письма на секретные темы. Команде пришлось проделать дополнительную следственную работу в отношении Хумы Абедин и Энтони Винера, чтобы установить, как у них оказались секретные электронные письма. Лучше, решили мы, продублировать первоначальное уведомление Конгрессу со столь же коротким уведомлением о закрытии. Не было времени отправить электронное письмо работникам ФБР; они обо всём услышат из новостей ещё до того, как включают свои компьютеры в понедельник утром. ФБР решило не утаивать от Конгресса и американского народа важную информацию, и мы невероятно упорно трудились, чтобы компетентно закончить дело до Дня выборов. Я поблагодарил «Полугодовую команду», сказав им, что никогда прежде не работал с более прекрасной группой людей, и что они помогли мне достойно справиться с по-настоящему сложными проблемами.

Тем вечером мы с Патрис и одной из наших дочерей отправились в местный ресторан “Тех-Мех”. Новости о вновь закрывающемся деле в втором письме были повсюду. Один из посетителей, проходя мимо моего столика, прошептал: «Хиллари, вперёд!». Я слишком устал, чтобы обращать на это внимание. Я не собирался идти на выборы. Я больше не хотел иметь к этому никакого отношения. Я глубоко сожалел, что мы оказались втянуты в это. Я хотел выпить, так что заказал восхитительную маргариту со льдом и солью, и даже из этого сделали новость: «Вашингтон Пост» написала, что меня заметили пьющим «гигантскую» маргариту.

* * *

Я провёл немало времени, оглядываясь назад в 2016 год. И пусть даже взгляд в прошлое не всегда открывает идеальный вид, он предлагает уникальный и ценный ракурс.

Как и многие другие, я был удивлён, когда Дональд Трамп стал избранным президентом. Из опросов общественного мнения в СМИ я полагал, что победу одержит Хиллари Клинтон. С тех пор я множество раз задавал себе вопрос, не повлияло ли на меня то предположение. Не знаю. Безусловно, не осознанно, но было бы глупо сказать, что оно не могло на меня повлиять. Вполне возможно, что так как я принимал решения в обстановке, когда Хиллари Клинтон была уверена, что станет следующим президентом, моя обеспокоенность по поводу возможности сделать её нелегитимным президентом, утаив возобновлённое расследование, была весомее, чем если бы выборы оказались ближе, или если бы по всем опросам впереди был Дональд Трамп. Но я не знаю.

Я видел и читал сообщения, что Хиллари Клинтон винит меня, по крайней мере, отчасти, в своём удивительном поражении на выборах. Я знаю, что в одном месте своей книги она написала, что чувствовала, словно я «пырнул» её. Она много трудилась в своей профессиональной жизни, чтобы стать первой женщиной-президентом Соединённых Штатов, и вполне понятно, что тот проигрыш, столь неожиданный и непредсказуемый, сильно ранил её. Я читал, что она чувствовала гнев по отношению ко мне лично, и сожалею об этом. Я сожалею, что не постарался лучше объяснить ей и её сторонникам, почему я принял те решения, которые принял. Я также знаю, что многие демократы схожим образом были сбиты с толку — даже разъярены — моими действиями.

После выборов я принял участие в секретном совещании с группой сенаторов из обеих партий. Ближе к концу совещания, не имевшего отношения к электронной почте Хиллари Клинтон, один из демократов, тогдашний сенатор Эл Франкен выпалил то, о чём, скорее всего, думали многие. Он сказал, что хочет обратиться к «слону в посудной лавке», которым «ты был для Хиллари Клинтон». Я спросил лидера Сената Митча Макконнелла, который тоже присутствовал, могу ли я воспользоваться возможностью ответить на это. Макконнелл сел и тоном, казавшимся близким к довольному, сказал: «Конечно. Бери столько времени, сколько нужно».

Я сказал собравшимся сенаторам, что хотел бы, чтобы они вместе со мной вернулись назад во времени и взглянули на произошедшее с моей точки зрения — с точки зрения ФБР. «Отправьтесь со мной в 28 октября», — сказал я. Даже если я не мог убедить их, что принял правильное решение, я надеялся, что по крайней мере смогу пояснить, о чём я думал, про двери, которые видел, и почему я выбрал ту, что была с табличкой «Скажи» вместо той, что была с табличкой «Утай». Я не со всем в расследовании справился идеально, но сделал всё возможное с имевшимися у меня фактами. Это был ключевой момент, который я пытался донести в тот день, и по крайней мере одного из присутствовавших я убедил. Когда я закончил говорить, сенатор Чак Шумер подошёл ко мне. Со слезами на глазах он одной рукой взял меня за руку, а другой потянулся, чтобы

несколько раз похлопать меня по центру груди. «Я знаю тебя», — сказал он. — «Я знаю тебя. Ты был в невыносимом положении».

Я очень надеюсь, что то, что мы сделали — что я сделал — не стало решающим фактором на выборах. Я сказал это с женой и дочерьми, голосовавшими за Хиллари Клинтон и прошедшими с Женским маршем 2017 года в Вашингтоне на следующий день после инаугурации Дональда Трампа. Как я сказал в показаниях, сама идея о том, что моё решение повлияло на исход, заставляет меня чувствовать себя слегка тошнотворно (или, как позже меня поправила одна из моих грамотных дочерей, «тошно»). И не потому, что Дональд Трамп такой весьма плохой человек и руководитель (настолько плохой, что скорее всего не понял, что я имел в виду, когда сказал в показаниях, что мысль о влиянии на выборы заставила меня чувствовать себя «слегка тошнотворно»). Она вызывала у меня тошноту, потому что я посвятил свою жизнь служению институтам, которые люблю именно за то, что они не играют роли в политике, потому что они действуют независимо от страстей вокруг электорального процесса. Но выборы 2016 года были как никакие другие. Один из моих детей показал мне твит, по-видимому отражавший чувства в то время. В нём говорилось: «Этот Коми такой полит-хакер. Лишь не могу понять, какой партии».

Я не люблю, когда меня критикуют, но мне нужно обращать внимание на критику, потому что все люди иногда могут ошибаться. Всё же, чтобы не оказаться парализованным и раздавленным сомнениями, я пользуюсь эмпирическим правилом: если критика исходит от человека, которого я знаю, как вдумчивого, я обращаю на неё пристальное внимание. Я даже обращаю внимание на анонимную критику, и даже со стороны яростных сторонников партий, если их логика или фактологическая информация говорят мне, что они могут видеть что-то, что я пропустил. Остальных психов, а психов всегда хватало, я игнорирую.

Больше всего меня достают утверждения, что я влюблён в свою собственную праведность, свою собственную добродетель. Я давно беспокоюсь о своём эго. Я горжусь тем, что стараюсь поступать правильно. Я горжусь тем, что стараюсь быть честным и откровенным. Я думаю, что мой путь лучше, чем у наводнивших нашу общественную жизнь лживых партийцев. Но существует опасность, что вся эта гордость может меня ослепить и закрыть для других точек зрения на то, что есть правильно.

Я сотни раз прокручивал в голове дело об электронной почте Клинтон. Кроме ошибок в том, как я преподнёс себя во время публичного заявления перед телекамерами 5 июля, я убеждён, что если бы снова мог всё это сделать, я бы всё сделал точно так же, учитывая свою роль и то, что я знал в то время. Но ещё я думаю, что здравомыслящие люди вполне могли всё сделать по-другому.

К примеру, если бы я был демократом, служившим в предыдущих демократических администрациях, не уверен, что отстраниться от генерального прокурора для заявления 5 июля было бы целесообразным выбором. Если бы у меня была демократическая родословная, меня бы обрисовали как конфликтующего партийца, и я бы не смог

достоверно отстраниться от политического руководства Минюста, чтобы независимо представить учреждение. Конечно, даже директор ФБР с демократической родословной, не сделавший бы отдельного заявления, в конце октября оказался бы перед тем же самым выбором, сказать или утаить, потому что он или она в той или иной мере проинформировали бы Конгресс, что расследование было закончено в июле.

Если бы я не служил так долго в Министерстве юстиции и не возглавлял организацию при администрации Буша, не знаю, чувствовал бы я необходимость защищать больше, чем ФБР. Я также не знаю, хватило бы у меня смелости отстраниться от генерального прокурора, если бы я не видел отрицательную сторону перекладывания — в вопросе пыток — в свои последние дни в качестве заместителя генерального прокурора в 2005 году. Мой опыт публичных выступлений также сделал возможным организовать пресс-конференцию в прямом эфире. Другой директор, с иным опытом за плечами, мог бы переложить всё на Минюст, предоставив этому учреждению разбираться со своими проблемами.

Другой директор ФБР мог бы в конце июня, после посещения Биллом Клинтоном самолёта генерального прокурора, запросить назначение специального прокурора. Я по-прежнему считаю, что это было бы нечестным по отношению к Хиллари Клинтон, но могу представить, что другой директор скорее поступил бы таким образом, чем попытался защитить институты таким образом, как это сделал я.

Другой человек мог бы решить подождать, чтобы посмотреть, что смогут найти следователи, как только получат ордер на обыск электронной почты Клинтон на компьютере Энтони Винера. Это было слишком ненадёжно, так как «Полугодовая команда» говорила, что не было способа завершить просмотр до выборов, но я могу представить, что другой директор решил бы слегка рискнуть, тайно проведя расследование за неделю до выборов. Это, конечно, после наших неловких обнимашек, входит в намерения Лоретты Линч. Если бы я не сказал чего-нибудь, какой была перспектива утечки на той неделе? Довольно высокой. Хотя «Полугодовая команда» на протяжении года расследования и зарекомендовала себя стойкой к утечкам, люди в отделе уголовных расследований ФБР в Нью-Йорке знали, что происходит что-то, имеющее отношение к Хиллари Клинтон, а ордер на обыск являлся серьёзным шагом. Круг теперь был шире, чем раньше, и включал в себя Нью-Йорк, где в предыдущие месяцы у нас уже были утечки, связанные с Клинтон. Утаивание нового расследования и последующая утечка прямо перед выборами могли оказаться ещё хуже, если можно представить себе что-то хуже. Но здравомыслящий человек мог бы так поступить.

Ещё я сотни раз спрашивал себя, следовало ли мне более оперативно принять меры, услышав что-то о ноутбуке Винера где-то в начале октября. Но до 27 октября я не понимал, что это значит. Я занимался другими делами и проблемами и полагал, что если это важно, то команда доведёт это до меня. Если бы мне сказали об этом раньше, уверен, что я отреагировал бы так же, как 27 октября — нам нужно немедленно отправляться за

теми электронными письмами. Следовало или могли бы мне сказать детали раньше 27 октября — это вопрос, на который я не могу ответить.

Для ФБР президентские выборы 2016 года были как никакие другие, и даже зная то, что я знаю сейчас, я бы не поступил по-другому, но могу представить на моём месте хороших и принципиальных людей, принимающих другие решения в отношении каких-то вещей. Я думаю, что другие решения привели бы к большему ущербу для институтов правосудия нашей страны, но не уверен в этом. Молюсь, чтобы ни одному будущему директору ФБР не пришлось выяснять это.

* * *

В конце ноября, после выборов, я был в Овальном кабинете на совещании по национальной безопасности с президентом и другими старшими руководителями. У меня всё ещё было то ощущение из «Шестого чувства», особенно в окружении людей, скорее всего думавших, что они продолжают свой срок в Белом доме при новом президенте-демократе. Но Президент Обама не входил в их число. Он как всегда поприветствовал меня, и был профессионален и доброжелателен.

Выдающийся эксперт языка тела, каковым он являлся, возможно Президент Обама почувствовал, что я ощущал себя не в своей тарелке, а возможно он просто почувствовал, что по целому ряду причин было важно мне что-нибудь сказать. Когда совещание закончилось, он попросил меня остаться. Я сел на диван, спиной к дедушкиным часам. Он сел в своё обычное кресло, спиной к камину. Фотограф Белого дома Пит Соуза задержался, чтобы запечатлеть этот момент, но президент выставил его за дверь. Спустя несколько секунд, остались лишь мы вдвоём.

Затем Президент Обама наклонился вперёд, опершись предплечьями о колени. Он начал с длинного вступления, пояснив, что не собирался говорить со мной о каком-либо конкретном деле или конкретном расследовании.

— Я просто хочу Вам кое-что сказать, — сказал он.

Я знал, как сильно Обама хотел, чтобы Хиллари Клинтон выиграла Белый дом. Он неустанно агитировал за неё и, по некоторым оценкам, усерднее за неё, чем любой другой президент за своего желанного преемника. Я знал, что он тяжело воспринял поражение, как и весь персонал Белого дома. Но я уважал Президента Обаму и был очень открыт ко всему, что он собирался сказать.

— Я выбрал Вас на пост директора ФБР благодаря Вашей честности и Вашим способностям, — сказал он. Затем он добавил кое-что, показавшееся мне поразительным. — Я хочу, чтобы Вы знали, что за прошедший год не случилось ничего — ничего — что бы изменило мою точку зрения.

Он не говорил, что согласен с моими решениями. Он не говорил об этих решениях. Он говорил, что понимает, откуда они исходят. Боже, это были те слова, которые мне нужно было услышать.

Я ощутил волну эмоций, практически на грани слёз. Президент Обама на подобного рода встречах не был внешне эмоциональным человеком, но всё же я заговорил с ним в необычно эмоциональных выражениях.

— Это много для меня значит, господин Президент. Я ненавижу последний год. Последнее, чего мы хотели, это оказаться вовлечёнными в выборы. Я просто стараюсь поступать правильно.

— Знаю, знаю, — ответил он.

Я сделал паузу, а затем решил кое-что добавить. Возможно, это было то, что, я полагал, чувствовала значительная часть страны.

— Господин Президент, жена убьёт меня, если я не воспользуюсь возможностью поблагодарить Вас и сказать Вам, как сильно мне будет Вас не хватать.

Хотя я не поддерживал Президента Обаму, когда он баллотировался, я проникся глубоким уважением к нему, как к руководителю и человеку, и лишь в тот момент я ощутил всю тяжесть его предстоящего ухода, и что это будет значить.

Не в силах сдержаться, я добавил: «Я боюсь следующих четырёх лет, но с другой стороны чувствую, что обязан теперь остаться».

Он ничего не сказал на это. Не было ни намёка на то, что он думает о новом президенте или будущем страны, хотя, несомненно, он многое бы мог сказать в обоих отношениях. Вместо этого, он похлопал меня по руке, затем мы встали и пожали руки, и я покинул Овальный кабинет. Вскоре в том же самом кабинете появится новый и совершенно иной обитатель.

БАШНЯ ТРАМПА

И так как поиск истины — это то, о чём мы все говорим... возможность — даже ощущение — того, что этот поиск может быть дискредитирован, глубоко беспокоит нас, как и раньше, как и должна.

Роберт М. Гейтс, директор ЦРУ

Небольшая кавалькада полностью бронированных внедорожников — с директорами национальной службы разведки, Центрального Разведывательного Управления, Агентства Национальной Безопасности и Федерального Бюро Расследований — направлялась к высокой сияющей золотом башне в центре Манхэттена. Было 6 января 2017 года, две недели до Дня инаугурации, и мы все прилетели тем утром. Полиция Нью-Йорка провела наши автомобили через баррикаду в переулок между Мэдисон и Пятой авеню Манхэттена. Мы двинулись группой в окружении нашей охраны, и вошли через боковой вход в жилую зону Башни Трампа.

Пресса в своей зоне ожидания на Пятой авеню не видела нашего приезда, как и протестующие в своих собственных зонах ожидания неподалёку. Тем не менее, это была ещё та сцена в сравнительно тихом холле жилой зоны Башни Трампа. Мы были толпой на два лифта руководителей и охранников. Из одного лифта вышла направлявшаяся на прогулку с крошечной собачкой дама. Она со своей собачкой, обе одетые в дорогие куртки для защиты от холодного дня на Пятой авеню, прошли сквозь нашу плотную группу тёмных костюмов и вооружённых людей. Руководители спецслужб, с запертыми чемоданчиками с нашими национальными секретами в руках, вежливо бормотали: «Извините».

После всех картинок в прямом эфире входящих и идущих по позолоченному холлу Пятой авеню, словно в каком-то реалити-шоу, претендентов на должности и высокопоставленных лиц, руководители крупнейших спецслужб нашей страны тайком пробирались внутрь, чтобы встретиться с избранным президентом. Мы пробирались, чтобы рассказать ему о том, что сделала Россия для того, чтобы постараться помочь ему избраться.

Это должно было быть третье и заключительное информационное совещание

руководства разведывательного сообщества — называемого внутри правительства РС — чтобы рассказать о секретных выводах оценки разведывательным сообществом (ОРС) действий России во время президентских выборов. По указанию Президента Обамы аналитики из ЦРУ, АНБ и ФБР координируемые старшими аналитиками из ОДНР — Офиса Директора Национальной Разведки — потратили месяц, собирая воедино все источники информации, чтобы дать правительственным должностным лицам, наряду с новой администрацией Трампа, полную картину уровня российского вмешательства в президентскую кампанию 2016 года. Для открытой публикации была подготовлена размытая несекретная версия ОРС. Но это был мясистый материал. Речь шла о том, чтобы поделиться самой чувствительной информацией, включая источники и методы — откуда точно мы знали то, что знали — подробно разъясняя, почему мы достигли необычного состояния общего мнения с высокой степенью уверенности, что Россия активно вмешалась в американские президентские выборы.

Четыре агентства объединились в оценке, которая одновременно была ошеломляющей и простой: российский президент Владимир Путин организовал серьёзные усилия по влиянию на президентские выборы 2016 года. Эти усилия, исходившие из кибер-активности, социальных сетей и российских государственных СМИ, имели множество целей: подорвать общественное доверие к американскому демократическому процессу, опорочить Хиллари Клинтон и причинить ущерб её шансам на избрание и потенциальному президентству, и помочь избраться Дональду Трампу.

Наш первый брифинг по оценке состоялся днём ранее, 5 января 2017 года, с должностными лицами Овального кабинета. Джим Клеппер, директор национальной разведки, изложил проделанную работу, сделанные выводы и основания для этих выводов перед Президентом Обамой, вице-президентом Байденом и их старшими помощниками. Президент задал множество вопросов, как и вице-президент.

В такие моменты как эти, я подчас ловил проблеск тёплых, братских, а иногда и нестерпимых взаимоотношений между Бараком Обамой и Джо Байденом, двумя очень разными личностями. Обычно картина бывала такой: Президент Обама проводит серию обменов мнениями, очень чётко и ясно направляя разговор в русло «А». Затем в некий момент Байден встречается с вопросом: «Господин Президент, могу я кое-что спросить?». Обама вежливо соглашается, но что-то в выражении его лица подсказывает, что он прекрасно знает, что следующие пять-десять минут мы все будем двигаться в направлении «Я». Выслушав и вежливо обождав, Президент Обама затем обратно возвращает разговор в русло.

В данном случае мы не отвлекались. После продолжительного обсуждения разведывательной оценки президент спросил о плане на следующие брифинги. Директор Клеппер пояснил, что на следующее утро мы должны были встретиться с «Бандой восьми»^[35] — допущенными к разведывательным материалам высокопоставленными должностными лицами Конгресса, демократами и республиканцами — а затем

немедленно отправиться в Нью-Йорк, чтобы проинформировать избранного президента и его старших сотрудников.

Клеппер пояснил Обаме, что был необычный вопрос, который требовалось довести до сведения господина Трампа: дополнительный материал — которые станут называть «досье Стила» — содержащий различные утверждения в отношении Трампа. Этот материал был собран считавшимся надёжным частным лицом, бывшим офицером союзной разведки, но не был полностью проверен. Материал содержал некоторые дикие вещи. Среди них были неподтверждённые утверждения, что избранный президент принимал участие в необычных действиях сексуального характера с проститутками в России во время поездки в Москву в 2013 году, действиях, в какой-то момент заключавшихся в том, что проститутки мочились на кровать в президентском номере отеля Ритц-Карлтон, в котором во время визита туда останавливался Обама. Другое утверждение заключалось в том, что эти действия были записаны российской разведкой с целью возможного шантажа избранного президента. Директор Клеппер пояснил, что мы считаем, что СМИ собираются сообщить о данном материале, и поэтому мы пришли к выводу, что для разведывательного сообщества было важно предупредить нового президента.

Казалось, всё это не вызвало никакой реакции Обамы — по крайней мере, с нами он ей не поделился. Ровным голосом он спросил: «Какой план этого брифинга?»

Бросив на меня кратчайший косой взгляд, Клеппер набрал воздуха и сказал: «Мы решили, что директор Коми после завершения общего брифинга ОРС один на один встретится с избранным президентом, чтобы сообщить ему об этом материале».

Президент не сказал ни слова. Вместо этого он повернул голову влево и посмотрел прямо на меня. Он подчёркнуто приподнял и опустил брови, а затем отвернулся. Полагаю, вы могли бы прочесть в этом молчаливом выражении всё, что захотите, но, по-моему, его взмах бровями Граучо Маркса[36] одновременно отражал тонкий юмор и выражение озабоченности. Он практически говорил мне: «Удачи в этом». Я начал ощущать ком в животе.

Когда совещание закончилось, мой взгляд упал на вазу с яблоками на кофейном столике Овального кабинета. Так как президент и миссис Обама были ярыми сторонниками здорового образа жизни — Первая леди организовывала кампанию в школах по замене мусорной еды на овощи и фрукты — яблоки годами были атрибутом Овального кабинета. Я не вполне был уверен, что они съедобны, но однажды видел, как руководитель аппарата Денис Макдоноу взял два за раз. Несомненно, он не стал бы есть пластиковые муляжи фруктов. Моя младшая дочь давным-давно попросила меня принести ей президентское яблоко, а это, несомненно, был последний раз, когда в Овальном кабинете вместе окажемся я и яблоко. Теперь или никогда. Стащить яблоко по завершении встречи по поводу российского вмешательства? Так пошло. Но отцовский долг перевесил

пошлость. Я прихватил яблоко. Никто меня не остановил. В машине я сфотографировал его и отправил фотографию своей дочери, привезя продукт тем вечером. Она дала мне попробовать кусочек. Не пластик.

* * *

Позже в тот день мне позвонил министр национальной безопасности Джей Джонсон, являвшийся моим другом со времён, когда мы вместе были федеральными прокурорами на Манхэттене в 1980-х. Он тем утром был на брифинге в Белом доме. Я понятия не имею, звонил ли он мне по просьбе Президента Обамы, и обсуждали ли они эту тему вдвоём, но он озвучил то, как я воспринял взмах бровями в Овальном кабинете.

— Джим, меня беспокоит этот план, чтобы ты неофициально проинформировал избранного президента, — сказал он.

— Меня тоже, — ответил я.

— Ты когда-нибудь встречался с Дональдом Трампом? — спросил он.

— Нет.

— Джим, пожалуйста, будь осторожен. Будь очень осторожен. Всё может пойти не очень хорошо.

Я поблагодарил Джея за заботу и за звонок. Это не заставляло меня чувствовать себя лучше.

Тем не менее, я не видел выхода. ФБР было известно об этом материале. Двое сенаторов Соединённых Штатов по отдельности связались со мной, чтобы предупредить о его существовании и о том факте, что у многих в Вашингтоне оно либо есть, либо они знали о нём. CNN проинформировали пресс-службу ФБР, что собираются им воспользоваться сразу же на следующий день. Правда это или нет, важный элемент обезвреживания любых попыток принуждения официального должностного лица — это рассказать данному должностному лицу, что могут сделать или сказать враги. ФБР называет это «оборонительным брифингом».

Как, чёрт возьми, можно было проинформировать человека о российских усилиях, и не рассказать о данном документе? Но это было настолько непристойно и постыдно, что не было смысла говорить ему об этом при группе, особенно при группе под руководством

назначенцев Обамы, уходящих в отставку в тот момент, когда Трамп стал президентом. Я оставался директором ФБР, мы знали эту информацию, и этому человеку нужно было всё рассказать. Было абсолютно логично, чтобы это сделал я. План был разумным, если это слово применимо в контексте разговора с новым президентом о проститутках в Москве. И всё же, этот план вызывал у меня глубокий дискомфорт.

Дискомфорт вызывало не только это: давным-давно я понял, что люди склонны полагать, что вы действуете и думаете так же, как они бы в схожей ситуации. Они проецируют своё мировоззрение на вас, даже если вы смотрите на мир совершенно по-другому.

Существовал реальный шанс, что Дональд Трамп, политик и жёсткий торговец, решит, что я машу у него перед носом этой темой с проститутками, чтобы прижать его, получить рычаг. Он вполне мог предположить, что я вытаскивал Дж. Эдгара Гувера, потому что Гувер именно так поступил бы на моём месте. Взмах бровей не вполне отражал ситуацию; на самом деле это был полный отстой.

Та часть про «вытаскивал Дж. Эдгара Гувера» заставила меня стремиться иметь в сумке какой-нибудь инструмент, чтобы успокоить нового президента. Мне нужно было быть готовым сказать что-то, если это в принципе возможно, что снизило бы накал. После обстоятельного обсуждения со своей командой я решил, что мог бы заверить избранного президента, что ФБР в настоящий момент не проводит в отношении него расследования. Это было буквально правдой. У нас не было открытого на него контрразведывательного дела. До тех пор, пока русские не попытаются каким-либо образом воздействовать на него, нас в самом деле не волновало, забавлялся ли он в Москве с проститутками.

Главный юрисконсульт ФБР Джим Бейкер энергично спорил, что такое заверение, пусть и являвшееся правдой, может быть ошибочно узким: другое поведение избранного президента было, или наверняка станет, объектом тщательного расследования, не координировалась ли его кампания с Россией. Также выражалась озабоченность по поводу того, что ФБР впоследствии может оказаться обязанным сообщить Президенту Трампу, если мы откроем в отношении него расследование. Я видел логику этой позиции, но ещё я видел большую опасность, что известный своей импульсивностью новый президент развяжет войну с ФБР. А я был полон решимости соответственно сделать всё, что мог, чтобы успешно работать с новым президентом. Так что я отверг чуткий совет Джима Бейкера, и отправился в Башню Трампа с «мы не расследуем вас» в заднем кармане. Снова мы оказались в беспрецедентной ситуации.

К началу 2017 года, после всех дебатов вокруг дела Клинтон, я стал относительно узнаваемым публичным лицом. Даже если я хотел скрыться из поля зрения, мой рост делал это ещё сложнее. Было понятно, что какое-то число республиканцев разделяли точку зрения Хиллари Клинтон, что я повлиял на результаты выборов в пользу Трампа. Насколько сторонники Клинтон ощущали гнев — а в некоторых случаях даже ненависть — ко мне, в Мировой Башне Трампа я был чем-то вроде знаменитости. Отчего моё прибытие в Башню Трампа становилось очень неловким. Я не хотел, чтобы на меня смотрели иначе, чем на

других делающих свою работу руководителей спецслужб.

Мы собрались в небольшом принадлежащем «Организации Трампа» конференц-зале. Он был безлико оформлен, и оснащён закрывавшим стеклянную стену временным тяжёлым золотым занавесом от пола до потолка — в противном случае нашу встречу было бы видно из коридора. Избранный президент вовремя вошёл в комнату в сопровождении избранного вице-президента и остальных назначенных старших руководителей Белого дома.

Это был первый раз, когда я лицом к лицу встретился с Дональдом Трампом. Он оказался ниже, чем выглядел во время дебатов с Хиллари Клинтон. С другой стороны, при взгляде на избранного президента мне бросилось в глаза, что наяву он выглядел точно так же, как по телевизору, что удивило меня, так как чаще всего наяву люди выглядят по-другому. Его пиджак был распахнут, а галстук был слишком длинным, как обычно.

Его лицо казалось слегка оранжевым, с яркими белыми полумесяцами под глазами в том месте, где, как я предполагал, он надевал маленькие защитные очки, и уложенными в выразительную причёску светлыми волосами, которые, при ближайшем рассмотрении, похоже все были его собственными. Помню, я тогда ещё подумал, сколько времени у него должно уходить утром на их укладку. Когда он протянул руку, я мысленно отметил её размер. Она была меньше моей, но не казалась необычной.

Трамп привёл в маленькую конференц-комнату всех своих старших руководителей. Избранный вице-президент Майк Пенс, руководитель аппарата Райнс Прибус, советник по национальной безопасности Майк Флинн и пресс-секретарь Шон Спайсер сели за овальный стол переговоров, при этом Трамп и Пенс сели на противоположных концах. Они были молчаливыми и серьёзными. Когда мы пожимали руки, избранный вице-президент на несколько секунд задержал рукопожатие и вразяжку произнёс моё имя: «Джииним». Это показалось мне странной комбинацией некоего приветствия старого друга и утешения того друга. Не думаю, что мы когда-либо встречались, хотя вспоминаю наш телефонный разговор четырнадцатью годами ранее, в 2003 году, когда я был окружным прокурором Соединённых Штатов на Манхэттене, и мы проводили расследование в отношении парня, регистрировавшего типичные ошибочные названия популярных детских веб-сайтов таким образом, что когда дети ошибались при наборе имён “Disneyland.com” или “Bobthebuilder.com”, их перенаправляли на порнографический веб-сайт. Моей реакцией было: «Это должно быть преступлением». Когда я обнаружил, что это стало федеральным преступлением всего несколько месяцев назад, я запросил контактные данные члена Конгресса, ответственного за «Закон о Точности Доменных Имен», чтобы поблагодарить того человека. Выяснилось, что это конгрессмен от Индианы Майк Пенс, рассказавший мне по телефону, что протолкнул этот закон после того, как один из его собственных детей был перенаправлен подобным тошнотворным образом.

Ближе всех к избранному президенту сидел директор Клеппер, а справа от него директор

ЦРУ Джон Бреннан, директор АНБ Майк Роджерс, и я. Позади меня у стены сидели будущий директор ЦРУ Трампа Майк Помпео, назначенный советник по внутренней безопасности Том Боссерт, и заместитель советника по национальной безопасности К. Т. Макфарланд. В комнате также присутствовал помощник по разведывательным брифингам ЦРУ избранного президента — профессиональный сотрудник, в чью задачу входило проводить с новым президентом регулярные разведывательные брифинги — чтобы вести записи.

К этому времени я относительно тесно поработал с двумя президентами, вдобавок к десяткам других руководителей в правительстве. Мне было любопытно посмотреть, как Трамп, классический случай «рыбы без воды», будет действовать в совершенно чуждой роли. Управлять частной семейной компанией, конечно, совсем не то, что страной — или хотя бы большой государственной корпорацией. Вам приходится иметь дело с различными избирателями, которые не отчитываются перед вами, и жить в системе законов и правил, не распространяющихся на типичного исполнительного директора.

Как я видел в других руководителях, быть достаточно уверенным в себе, чтобы быть скромным — уютно чувствовать себя в собственной шкуре — вот основа эффективного руководства. Это смирение делает возможным множество вещей, ни одна из которых не важнее единственного скромного вопроса: «Что я упускаю?». Хороших руководителей постоянно беспокоит их ограниченная способность увидеть. Чтобы подняться над этими ограничениями, хорошие руководители руководствуются здравым смыслом, что не одно и то же, что рассудком. Рассудок — это способность решить проблему, разгадать загадку, справиться с набором фактов. Здравый смысл — это способность покрутить проблему или набор фактов, и посмотреть на них чужими глазами, наблюдателей с другими предубеждениями, мотивами и опытом. Ещё это способность взять набор фактов, и переместить его в пространстве и времени — может, в зал слушаний или заседаний, спустя несколько месяцев или лет — или в отдел новостей авторитетного издания, или в зал заседаний совета директоров конкурента. Рассудок — это способность собрать и представить, что говорят документы и свидетели; здравый смысл — это способность сказать, что означают те самые факты, и какое влияние они окажут на остальную публику.

В свою первую встречу с Трампом я хотел посмотреть, как он обеспечит тот баланс уверенности и скромности, и продемонстрирует ли признаки здравомыслия. Признаю, я был настроен скептически. От кампании у меня осталось впечатление, что он был крайне неуверенным в себе человеком, что делало для него невозможным проявление скромности, и что весьма маловероятно, что он окажется достаточно уверенным и скромным, чтобы задаться лежащим в основе здравого суждения вопросом «Что я упускаю?». Но в тот день в Башне Трампа я недостаточно увидел, чтобы понять, правильной или нет была та оценка. Избранный президент был должным образом сдержанным и серьёзным.

Директор Клеппер представил оценку разведывательного сообщества, точно так же, как

ранее Президенту Обаме и «Банде восьми». Было несколько вопросов и комментариев, большинство которых исходили от Тома Боссерта на заднем ряду. Во время обсуждения вмешательства России в выборы я помню, что Трамп слушал, не прерывая, и задал лишь один вопрос, больше похожий на утверждение: «Но вы установили, что на результат это не повлияло, верно?». Клеппер ответил, что мы не проводили такого анализа, не являвшегося нашим делом, и не входившим в нашу компетенцию. Единственное, что мы могли сказать, это что не обнаружили доказательств изменения результата подсчёта голосов.

Что я посчитал существенным, так это то, чего не спросили Трамп и его команда. Они собирались возглавить страну, атакованную иностранным противником, и у них не было вопросов о том, какой может быть следующая российская угроза. Они даже не спросили, как Соединённые Штаты могут подготовиться, чтобы встретить эту угрозу. Вместо этого, с всё ещё находившимися на своих местах четверыми из нас — включая двух уходящих назначенцев Обамы — избранный президент и его команда немедленно переключились на обсуждение стратегии сообщения о России. О том, как они могли бы преподнести свою версию того, что мы им только что рассказали. Говоря, словно нас там не было, Прибус начал описывать, как могло бы выглядеть заявление для прессы по поводу этой встречи. Команда Трампа — Прибус начал, а Пенс, Спайсер и Трамп подхватили — спорила о том, как преподнести эти сведения к максимальной политической выгоде. Они не упускали случая подчеркнуть, что не было влияния на голосование, а значит, русские не избирали Трампа. Клеппер вмешался, чтобы напомнить им то, что сказал примерно шестьдесят секунд назад: разведывательное сообщество не анализировало американскую политику, и мы не предлагали свою точку зрения на это.

Я был на многих разведывательных брифингах с двумя предыдущими президентами, и никогда не видел, чтобы президенты Буш или Обама на глазах руководителей разведывательного сообщества обсуждали информационную и политическую стратегию. Всегда была черта. Разведывательное сообщество делает факты; Белый дом делает политику и подаёт информацию, и делает это сам. Горький урок иракской войны — на основе неправильных сведений об оружии массового поражения — состоял в том, чтобы «никогда их не смешивать». Я пытался говорить себе, что, возможно, это потому, что у Трампа и его команды было мало опыта в подобных делах — у Трампа, конечно же, не было хоть какого-нибудь государственного опыта — но в одно мгновение черта между разведкой и политикой начала исчезать.

Пока я сидел там, в моих мыслях всплыла самая странная картинка. Я старался выкинуть её из головы, потому что она казалась слишком неуместной и драматичной, но та постоянно возвращалась: я думал об общественных клубах нью-йоркской мафии, картине времён моих дней в качестве федерального прокурора на Манхэттене в 1980-х и 1990-х годах. “Ravenite”[37]. “Palma Boys”[38]. “Cafe Giardino”. Я не мог стряхнуть эту картинку. И, оглядываясь назад, она не была столь уж неуместной и драматичной, как я думал в то время.

Итальянская мафия, как упоминалось ранее, называла себя Коза Ностра — «наше дело» — и всегда проводила черту между кем-то, являвшимся «вашим другом», что означало кого-то вне семьи, и кем-то, являвшимся «нашим другом», что означало официального члена семьи. Я сидел там и думал: «Срань Господня, они пытаются сделать каждого из нас “amica nostra” — “нашим другом”». Втянуть нас. Как бы безумно это ни звучало, внезапно у меня возникло ощущение, что в мгновение ока избранный президент стал пытаться сделать всех нас частью той же семьи, и что «Команда Трамп» сделала это «нашим делом». На протяжении всей моей карьеры разведка была «моим делом», а политическая подача — «вашим делом». «Команда Трамп» хотела изменить это.

Я должен был прямо что-то сказать тогда. В конце концов, я не особо стеснялся, когда дело доходило до самоутверждения перед руководителями других администраций. Не уверен, что это что-то бы поменяло, но, возможно, мне следовало рассказать новой команде о шаг за шагом выработанных поколениями нормах поведения, чтобы стараться держать политику подальше от разведки, чтобы гарантировать, что президент получает лучшие факты, неважно, нравятся они ему или нет, и чтобы защитить разведывательное сообщество от обвинений в том, что их выводы политически мотивированы. Полагать, что руководители разведки охотно примут участие в беседе о том, как сделать пиар в поддержку какой-либо президентской администрации, в лучшем случае было наивной идеей, отражавшей непонимание нашей роли. Думать, что члены уходящей администрации Обамы станут частью таких усилий, было просто глупо.

Но в тот момент я убедил себя, что говорить об этом было бы безумием. Я не знал этих людей, а они не знали меня. Мы просто подавали «русские пытались вас избрать». Должен ли я сейчас читать им лекцию о том, как вести себя с нами? Как раз когда я собирался провести личную встречу с избранным президентом, чтобы поговорить о русских шлюхах? Нет. Не думаю. Так что, я ничего не сказал. И никто больше ничего не сказал. Никому из команды Трампа не пришло в голову сказать: «Эй, может оставим этот разговор на потом» или «Господин избранный президент, может нам пора идти».

Мне действительно кажется, что это Трамп прекратил обсуждение информационной стратегии, сказав, что они могли бы поговорить об этом в другое время. В этот момент Райнс Прибус спросил, есть ли у нас что-нибудь ещё сообщить им.

«Оба-на», — подумал я.

Клеппер ответил: «Ну, да, есть кое-какой дополнительный чувствительный материал, который, как мы полагаем, директору Коми есть смысл обсудить с вами меньшим составом. Мы попрощаемся, так что он сможет обсудить его с вами наедине».

— О'кей, насколько меньшим? — глядя на меня, спросил избранный президент.

— Вам решать, сэр, — сказал я, — но, я полагал, нам вдвоём.

Вмешался Райс Прибус: «Как насчёт меня и избранного вице-президента?»

— Без проблем, сэр, — ответил я, поворачиваясь к избранному президенту. — Решать целиком вам. Я просто не хотел бы делать это большим составом.

— Не знаю, знал ли Трамп, что я собирался сказать, но избранный президент махнул Прибусу рукой и затем указал на меня. — «Только мы вдвоём. Всем спасибо».

Группа пожала посетителям руки, и все разошлись. У меня в голове звенели слова Джея Джонсона: «Джим, пожалуйста, будь осторожен. Будь очень осторожен».

Мы молча подождали, пока все разойдутся. Когда мы остались одни, избранный президент, отбросив комплименты, заговорил первым. «У тебя был адский год», — сказал он, добавив, что я «достойно» справился с расследованием электронной почты, и что у меня была «хорошая репутация». Это было мило с его стороны, и в его голосе, казалось, звучала истинная забота и признательность. Я с натянутой улыбкой кивнул в знак благодарности. Он сказал, что люди из ФБР «действительно такие как ты» и выразил надежду, что я останусь директором.

Я ответил: «Я так и собираюсь, сэр».

Хотя могло показаться вежливым или очевидным сказать избранному президенту в ответ что-нибудь приятное, я не поблагодарил его за эти слова, потому что у меня уже была эта работа, на оговорённый десятилетний срок, и я не хотел, чтобы выглядело так, словно мне было необходимо снова представлять свою кандидатуру. Фактически, лишь однажды в истории Бюро директора ФБР уволили до истечения его срока — когда в 1993 году Билл Клинтон без труда снял Уильяма Сешнса из-за утверждений о серьёзных этических нарушениях. По иронии судьбы, человек, которым заменил его Клинтон, Луис Фрих, оказался занозой в теле администрации, когда проявил настойчивость в расследованиях предполагаемых преступлений администрации.

После того, как Трамп закончил свой длившийся около минуты вступительный монолог, я разъяснил характер материала, который собирался обсудить, и почему мы считаем важным, чтобы он знал о нём. Затем я начал резюмировать обвинение досье, что он в 2013 году в Москве был в отеле с проститутками, и что русские засняли этот эпизод. Я не упомянул то конкретное утверждение в досье — что проститутки мочились друг на друга на той самой кровати, на которой когда-то спали Президент Обама и Первая леди, в качестве способа испачкать кровать. Я подумал, что для того, чтобы проинформировать его о материале, подробности не имели значения. Он и без того был достаточно странным. Когда я говорил, у меня было странное ощущение нахождения вне тела, словно я со стороны наблюдаю, как говорю с новым президентом о проститутках в

России. Я не успел закончить, как Трамп пренебрежительным тоном резко оборвал. Ему не терпелось выразить протест, что эти утверждения не являлись правдой.

Я пояснил, что не говорю, что ФБР верит в эти обвинения. Мы просто считаем, что важно, чтобы он знал, что они там были, и широко распространяются.

Я добавил, что одной из задач ФБР является защита президентства от любого рода принуждения, и неважно, правдивы или нет эти утверждения, ему было важно знать, что русские могут сказать подобное. Я подчеркнул, что мы не хотели скрывать от него эту информацию, особенно учитывая, что пресса собиралась сообщить об этом.

Он снова решительно отверг эти обвинения, спросив — полагаю, риторически — похож ли он на парня, нуждавшегося в услугах проституток.

Затем он принялся обсуждать дела, в которых женщины обвиняли его в сексуальных домогательствах, тему, которую я не поднимал. Он упомянул количество женщин, и, похоже, помнил их обвинения. Когда он принялся всё сильнее и сильнее оправдываться, и разговор начал балансировать на грани катастрофы, я инстинктивно вытащил из сумки инструмент: «Мы не ведём расследования в отношении вас». Казалось, это его успокоило.

Моё дело было сделано, разговор окончен, мы пожали руки, и я покинул конференц-зал. Вся личная встреча заняла примерно пять минут, и теперь я уходил, возвращаясь тем же путём к заднему входу. Другие директора ушли вперёд. Проходя по коридору, я миновал шедших в другую сторону двоих человек в зимних пальто. Один выглядел знакомым, но я продолжил идти. Проходя мимо меня, он окликнул: «Директор Коми?», и я остановился и обернулся. Джаред Кушнер представился, мы пожали руки, и я продолжил свой путь.

Я вышел через боковую дверь, сел в бронированный автомобиль и отправился в офис ФБР на Манхэттене, чтобы сделать то, что любил. Я этаж за этажом обходил кабинеты и кабинки ФБР, благодаря невероятных людей за их работу. После неприятного разговора мне это было просто необходимо, словно принять душ.

10 января, спустя четыре дня после встречи с Трампом, сетевое издание “BuzzFeed” полностью опубликовало тридцатипятистраничное досье, о котором я говорил Трампу. Статья начиналась:

В данном досье содержатся взрывные — но непроверенные — утверждения, что российское правительство годами «культивировало, поддерживало и помогало» избранному Президенту Дональду Трампу, а также собирало на него компрометирующую информацию, несколько недель циркулировавшие среди выборных должностных лиц, агентов разведки и журналистов. Это досье, представляющее собой записанную на

протяжении месяцев коллекцию заметок, включая специфические, непроверенные и потенциально непроверяемые утверждения о контактах между помощниками Трампа и российскими оперативниками, а также графические утверждения о задокументированных русских половых актах.

В ответ, избранный президент написал твит: «ФЕЙКОВЫЕ НОВОСТИ — ПОЛНЕЙШАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОХОТА НА ВЕДЬМ!»

На следующий день, 11 января, у меня состоялся ещё один разговор с будущим президентом. За три года работы при Президенте Обаме я никогда не говорил с ним по телефону, и лишь дважды разговаривал с ним лично наедине. И вот я, всё ещё находясь в администрации Обамы, стоял у окна своего кабинета в штаб-квартире ФБР, второй раз за пять дней лично беседуя с Дональдом Трампом. Держа телефон у уха, я видел, как внизу по тёмной Пенсильвания-авеню движутся автомобили. На другой стороне улицы оживлёнными кабинетами светилось Министерство юстиции. Помню, я посмотрел вправо-вверх на ярко освещённый Монумент Вашингтона. Я видел его, высоко возвышающимся над новым только что открытым на Пенсильвания-авеню в шаговой доступности от Белого дома отелем Трампа.

Избранный Президент Трамп звонил из Нью-Йорка. Он начал звонок снова с похвал в мою сторону, что теперь выглядело скорее разговорным приёмом, чем искренним выражением одобрения. Он добавил: «Я очень надеюсь, что ты собираешься остаться». Я снова заверил его, что остаюсь в ФБР.

Затем он перешёл к цели звонка. Он сказал, что очень обеспокоен «утечкой» российского «досье» и тем, как это произошло. Я не был уверен, полагал ли он, что утечка произошла из федерального агентства, так что пояснил, что это досье не являлось правительственным документом. Оно было собрано частными сторонами, и затем передано многим людям, включая Конгресс и прессу. ФБР не просило, чтобы его создали, и не платило за его создание. Документ не был секретным, и не являлся правительственным документом, так что было не совсем корректно называть это «утечкой».

Затем он сказал, что размышлял о той части, о которой я проинформировал его наедине в Башне Трампа. Он поговорил с людьми, которые ездили с ним в 2013 году в Москву на конкурс «Мисс Вселенная». Теперь он вспомнил, что даже не останавливался в Москве на ночь. Он заявил, что прилетел из Нью-Йорка, отправился в отель лишь для того, чтобы сменить костюм, и тем же вечером улетел домой. А затем он удивил меня, выдвинув утверждение, которое я особенно старался не обсуждать с ним.

— Ещё одна причина, по которой ты знаешь, что это неправда: я — гермофоб[39]. Ни в

кчем случае я не позволил бы людям рядом с собой писать друг на друга. Ни за что.

Я даже рассмеялся вслух. Я решил не говорить ему, что предполагаемые действия, по всей видимости, не требовали ни останавливаться на ночь, ни даже быть в тесной близости к участникам. Фактически, хотя и не знал наверняка, я себе представлял, что президентский номер в Ритц-Карлтон в Москве был достаточно большим, чтобы гермофоб находился на безопасном расстоянии от действия. Я всё это подумал, и ничего этого не сказал.

Вместо этого я смотрел на монументы и думал, что случилось со мной и нашей страной, если директор ФБР говорит об этом с нашим новым президентом. Во второй раз изложив аргументы в свою защиту на тему, которая меня совершенно не волновала, избранный президент завершил разговор. Я направился отыскать своего руководителя аппарата, Джима Рыбицки, чтобы сказать ему, что мир сошёл с ума, и я оказался в середине всего этого.

Мир оставался безумным.

Глава 13

ТЕСТЫ НА ПРЕДАННОСТЬ

Дружба, связи, семейные узы, доверие, преданность, подчинение — тот клей, что держал нас вместе.

Босс мафии Джозеф Бонанно, в своей автобиографии «Человек чести»

Инаугурация Дональда Д. Трампа в качестве сорок пятого президента Соединённых Штатов состоялась 20 января 2017 года в присутствии толпы, численность которой сразу и знаменитым образом стала предметом спора. Новый президент решил продемонстрировать, что число собравшихся ради него зрителей, бывшее немалым, превышало число людей, присутствовавших на инаугурации Барака Обамы в 2009 году.

Чего не было. Никакие доказательства, фотографии или что иное, не изменили его точку зрения, которая, как, казалось, согласились все, кроме его пресс-службы, просто была ложной. Этот маленький момент приводил в глубокое замешательство всех нас, занимающихся тем, что пытаемся установить правду, неважно, в уголовном расследовании или в оценке планов и намерений противников Америки. Большая часть жизни полна сомнений, и является предметом толкований, но есть вещи, которые объективно, проверяемо, являются либо правдой, либо ложью. Это просто являлось неправдой, что, как он утверждал, на инаугурации присутствовала самая большая толпа за всю историю, или даже, что толпа у Трампа была больше, чем у Обамы. Утверждать обратное, означало не высказывать своё мнение, точку зрения, свой взгляд. Это означало лгать.

Два дня спустя, в воскресенье 22 января, я присутствовал на вечернем приёме в Белом доме для руководителей различных правоохранительных структур, обеспечивавших безопасность и поддержку на инаугурационных мероприятиях. В тот день были задействованы контртеррористические, разведывательные и спецназовские возможности ФБР в тесном сотрудничестве с Секретной службой, как и на каждой инаугурации. Мне сказали, что Президент Трамп хочет поблагодарить агентства за всю их тяжёлую работу. Это показалось мне по-настоящему приятным поступком со стороны президента. Несмотря на это, мне не нравилась идея отправиться лично, по паре причин.

Во-первых, я не считал, что для ФБР будет полезно, если на видео или фотографиях меня будут видеть ошивающимся с новым президентом. Учитывая, как много людей, казалось, считали, что я помог ему избраться, было мало смысла в поддержании ложного нарратива, что я и, косвенно, Бюро, каким-то образом были близки к Президенту Трампу. Во-вторых, по телевизору шли игры конференции НФЛ. Приём в 5 вечера заставлял меня пропустить конец игры «Пэкерс» против «Фэлконс» и начало игры «Стилерс» против «Пэтриотс». Новый президент не являлся фанатом футбола?

Но мои сотрудники утверждали, что мне было важно пойти. Я был директором ФБР. Я не хотел обидеть остальных руководителей или новую администрацию, не появившись. И я сказал себе, что мои опасения сильно преувеличены. Это будет групповой приём, не подразумевавший индивидуальных фото меня с президентом для прессы. К тому же я решил записать футбол на DVR и избегать любых разговоров о счёте, пока не посмотрю. Так что я отправился в Белый дом.

Как я и надеялся, приём начался как приятное собрание руководителей правоохранительных органов из местных, штатовских и федеральных агентств. Нас было примерно тридцать, включая руководителей полиции Капитолия, столичной полиции Вашингтона и полиции парков. Эти люди и их агентства являлись давними партнёрами ФБР, и многие из нас знали друг друга по работе. Мы собрались в большом овальном Синем зале резиденции Белого дома. По периметру комнаты персонал Белого дома поставил небольшие столики с закусками и безалкогольными напитками. Я ходил по залу,

пожимая руки и благодарив парней за их работу с ФБР.

Я был занят тем, что старался держать разумную дистанцию от Трампа. Так что я выяснил, откуда президент скорее всего войдёт в комнату, и направился к противоположному концу к окнам, выходящим на Южную лужайку в сторону Монумента Вашингтона. Я не смог бы отойти ещё дальше, не выбравшись из окна, вариант, начинавший выглядеть всё более привлекательным, по мере того, как шло время.

Чувствуя себя в безопасности в дальнем конце комнаты, я устроился рядом с Джо Клэнси, директором Секретной службы. Клэнси, бывший глава Отдела охраны Президента, был возвращён из отставки Президентом Обамой, чтобы возглавить проблемное агентство. Его жена осталась в Филадельфии, так что я справился о ней и их дочери, которую я видел, когда она пела на церемонии в честь 150-летней годовщины Секретной службы. Я часто шутил, что Секретная служба была старшей сестрой ФБР, которому было лишь сто лет, и её агенты обучали наших первых специальных агентов.

Клэнси — замечательный, добрый, приземлённый человек. Пока мы с ним болтали, открылись двойные двери, и вошли сотрудники Белого дома с высокими прожекторами, установив их так, что они освещали самую дальнюю от меня область, у дверей. Я верно угадал, откуда войдёт президент. Но меня беспокоило, что яркий свет означал, что будут камеры и репортёры, и это поразило меня, так как было несвойственно для мероприятия по выражению благодарности рядовым сотрудникам правоохранительных органов. Несколько минут спустя вошли президент с вице-президентом. Их сопровождала и тут же окружила толпа фотографов и телеоператоров.

Президент начал говорить, и его глаза обвели комнату, скользя по рассредоточившимся по периметру руководителям. К счастью, его взгляд миновал меня, и остановился на Джо Клэнси. Он произнёс имя Джо и сделал жест, приглашая присоединиться к нему и вице-президенту. Джо никогда не стремился к всеобщему вниманию, но покорно вошёл в практически слепящий свет телевизионных прожекторов. Президент неуклюже обнял его и попросил постоять с ним и вице-президентом, как бы напоказ.

Затем Трамп продолжил говорить, глядя влево и в сторону от меня. Я не мог поверить своей удаче. Он не видел меня! Как это было возможно? Затем мне пришло в голову. Я стоял напротив плотной синей шторы. На мне был синий костюм, не совсем в цвет шторы, но очень близко. Должно быть, он послужил мне камуфляжем! Как здорово! Я думал, что мне очень повезло, что они организовали мероприятие в этой комнате, потому что у меня не было костюмов в цвет Зелёного или Красного зала. Теперь, когда это было моим спасением, я двинулся ещё ближе к шторе, прижимаясь к ней спиной, отчаянно стараясь стереть себя из поля зрения президента. Я буквально цеплялся за синюю штору, полный надежды, что смогу избежать опрометчивого и совершенно нелепого телевизионного объятия с новым президентом Соединённых Штатов.

Штора работала.

До определённого момента.

Продолжая говорить в своём привычном ритме потока сознания и свободной ассоциации, президент снова принялся шарить взглядом слева направо в направлении меня и моей защитной шторы. В этот раз мне не так повезло. Маленькие глазки с белыми тенями остановились на мне.

«Джим!» — воскликнул Трамп. Президент позвал меня к себе. — «Он знаменитее меня». — Ужасно.

Моя жена Патрис знала меня с девятнадцати лет. Во время бесконечного телерепортажа того, что ощущалось мной как тысячеметровый проход по Синему залу, она, сидя дома, смотрела телевизор и, указав на экран, сказала: «Это 'вот, дерьмо' выражение лица Джима». Да, так и было. Мой внутренний голос кричал: «С чего он взял, что это хорошая идея? Разве он не считается мастером телевидения? Это полный провал. И я никоим долбаным образом не собираюсь обниматься с ним».

ФБР и его директор не являются частью чьей-либо политической команды. Весь кошмар расследования электронной почты Клинтон касался защиты целостности и независимости ФБР и Министерства юстиции, защиты водоёма истины и доверия. То, что Трамп на второй день нахождения в должности собирался публично поблагодарить меня, являлось угрозой для этого водоёма.

Ближе к концу своего тысячеметрового прохода, я протянул Президенту Трампу правую руку. Это должно было быть рукопожатие, ничего более. Президент схватил мою руку. Затем он потянул её вперёд и вниз. Вот оно. Он собирался обниматься по национальному телевидению. Я напряг правую сторону тела, призывая годы отжиманий и тяги гантелей. Он не получит объятий, не будучи гораздо сильнее, чем выглядел. Он и не был. Я помешал обняться, но в ответ получил кое-что похуже. Президент наклонился вперёд и поднёс рот к моему правому уху. «Я действительно с нетерпением жду поработать с тобой», — сказал он. К несчастью, из-за угла направления телекамер многие во всём мире, включая моих детей, подумали, что видели поцелуй. Весь мир «видел», как Дональд Трамп целует человека, которого некоторые считали причастным к его избранию. Несомненно, хуже уже быть не могло.

Президент Трамп сделал движение, как бы приглашая меня стать рядом с ним, вице-президентом и Джо Клэнси. Попытившись, я с улыбкой отмахнулся. «Я недостойн», — пыталось сказать выражение моего лица. «Я не самоубийца», — говорил мой внутренний голос. Побуждённый и подавленный, я вернулся в дальний конец комнаты.

Прессу отпустили, и руководители полиции с директорами начали выстраиваться для

фото с президентом. Всё происходило в полной тишине. Я сделал вид, что пробираюсь в задний ряд, и выскользнул через боковую дверь, через Зелёный зал, в коридор и вниз по лестнице. По пути я услышал, как кто-то назвал счёт игры «Пэкерс» против «Фэлконс». Здорово.

Возможно, я придавал слишком большое значение обычной театральности Трампа, но этот эпизод вызвал у меня беспокойство. Не было сюрпризом, что Президент Трамп вёл себя в манере, полностью отличавшейся от его предшественников — я не мог представить Барака Обаму или Джорджа У. Буша просящими кого-либо подняться на сцену, словно участника шоу «Цена удачи». Что было печально, так это то, что Трамп символически казалось просил делать руководителей правоохранительных органов и агентств национальной безопасности — подходить и целовать кольцо великого человека. Было чрезвычайно важно, чтобы эти руководители не делали этого — и даже чтобы не выглядело так, словно они делают это. Трамп либо этого не знал, либо ему было всё равно, хотя я довольно незабываемо провёл следующие несколько недель, стараясь довести это до него и его сотрудников.

* * *

В пятницу 27 января 2017 года — на двадцать первый день моих взаимоотношений с Дональдом Трампом — я снова был в Белом доме. Я как обычно обедал за своим столом, когда моя помощница Алтея Джеймс соединила меня с женщиной, звонившей из Белого дома и сказавшей, что переключает меня на президента. Он звонил спросить, не хочу ли я этим вечером «прийти на ужин». Это было ненормально, но у меня было ощущение, что у меня нет выбора. Я ответил: «Конечно, сэр». Он спросил, во сколько лучше, в шесть или шесть тридцать. Я ответил: «Как Вам удобнее, сэр». Он выбрал шесть тридцать. Я повесил трубку и затем позвонил Патрис, чтобы отменить запланированный ужин в тайском ресторане.

Днём я повстречал недавно ушедшего в отставку директора национальной разведки Джима Клеппера на церемонии награждения ФБР его редким статусом Почётного Специального Агента. Пока мы стояли, ожидая выхода на сцену, я рассказал ему о приглашении на ужин, пояснив, что оно вызывало у меня чувство глубокого дискомфорта. Он предположил, что это будет групповое мероприятие, сказав, что слышал, что на ужин в Белый дом пригласили ещё кого-то. Это заставило меня немного расслабиться.

Не было никакой возможности, чтобы президент ужинал наедине с директором ФБР. Кто-нибудь в Белом доме должен был сказать ему, что так просто не делали, по крайней мере со времён Никсона и Гувера. Я вспомнил, что Президент Обама пригласил меня в

Белый дом на всесторонний разговор до моего выдвижения, потому что, как он пояснил, «когда ты станешь директором, мы не сможем беседовать подобным образом», что означало, что он не сможет обсуждать со мной всесторонние философские вопросы. Главу ФБР нельзя было ставить в ситуацию личной встречи и беседы с президентом Соединённых Штатов — особенно после выборов, как в 2016 году. Само упоминание могло скомпрометировать с трудом завоёванную целостность и независимость ФБР. Я боялся, что Трамп ожидал именно этого.

Я прибыл в Белый дом по Вест Икзекьютив Драйв, маленькой дороге между входом в цокольный этаж Белого дома и зданием Олд Икзекьютив Офис. Служба безопасности ФБР остановила машину у того же самого входа с навесом, которым я пользовался, когда направлялся в Ситуационный Центр. Я вошёл и сказал дежурному офицеру Секретной службы, что прибыл на ужин с президентом. Он выглядел слегка смущённым, и попросил меня присесть. Вскоре молодая женщина проводила меня в длинной прогулке через Западное крыло, по Розовому саду на нижний этаж Резиденции Белого дома. Мы поднялись по лестнице, которой я никогда раньше не видел, приведшей нас к Зелёному залу на первом этаже.

Пока ждал в дверях, я болтал с двумя стюардами, незаметно оглядываясь по сторонам в поисках остальных гостей президентского ужина. Стюарды были афроамериканцами близкого к моему возрасту, и проработали в Белом доме около десяти лет. Каждый из них был под два метра, и ещё оба служили на подводных лодках во время своей действительной службы. Естественно, разговор зашёл о габаритной высоте проёмов на подводных лодках, и один из них сообщил, что длина коек была метр девяносто, что в точности соответствовало его росту. Посмеиваясь, мы согласились, что подводная лодка не для меня. Стоя у входа в Зелёный зал, пока мы продолжали ждать и болтать, я увидел его — стол, безошибочно накрытый для двоих. Одно место было помечено карточкой с каллиграфической надписью «Директор Коми». По-видимому, другое место предназначалось президенту. Мне было очень не по себе, и не только потому, что мне не нравилась идея в третий раз обсуждать русских проституток.

Президент появился в назначенное время, в 18:30. Скоро последовали комплименты. Увидев меня, уже стоящим в дверях, он сказал: «Мне это нравится. Мне нравятся люди, которые не опаздывают. Я думаю, руководитель никогда не должен опаздывать».

На нём был привычный темно-синий костюм, белая рубашка и слишком длинный красный галстук. Он совсем ничего не сказал стюардам. Он указал мне на стол, который был шириной примерно полтора метра, и размещён прямо под декоративной люстрой в центре прямоугольной комнаты.

Как следует из названия, стены Зелёного зала покрыты шёлковой тканью этого цвета. Позже я прочёл, что Джон Адамс использовал её в качестве спальни, а Томас Джефферсон сделал её столовой, но с тех пор президенты использовали её в качестве

гостиной. Тем вечером мебель убрали в пользу нашего небольшого обеденного столика. За правым плечом президента я видел одну из двух стоявших по обеим сторонам камина статуэток, державших на своих головах каминные полки из белого мрамора, что выглядело очень больно.

Я обнаружил на своей тарелке большую бежевую карточку, на которой курсивом было написано всё меню из четырёх блюд. Салат, жареные креветки, цыплёнок в пармезане с пастой и ванильное мороженое. Президент начал с любования своей собственной карточкой меню, которую держал в руках.

— Они каждый раз от руки пишут всё это, — восхитился он, говоря о персонале Белого дома.

— Каллиграф, — кивнув, согласился я.

У него был недоуменный вид. «Они пишут его от руки», — повторил он.

В какой-то момент в самом начале, может, когда стюарды принесли креветок, Трамп спросил напрямик: «Итак, что ты хочешь делать?». Это был странный вопрос, который я сперва не совсем понял, но, не дожидаясь ответа, он пустился в монолог, ясно давая понять, что он имел в виду: хотел ли я сохранить свой пост.

Он сказал, что множество людей хотят быть директором ФБР, но что он очень высокого мнения обо мне. Он сказал, что слышал обо мне много хорошего, и знает, что люди в ФБР тоже очень высокого мнения обо мне. Он сказал, что, несмотря на это, он поймёт, если я захочу «уйти», учитывая всё, через что я прошёл, хотя затем упомянул, что для меня лично это было бы плохо, потому что выглядело бы так, словно я сделал что-то неправильно. Он закончил, сказав, что знает, что мог бы «что-то поменять в ФБР», если бы захотел, но хочет знать, что я думаю.

Теперь мне стало совершенно ясно, что происходит. Организация ужина, как подбор блюд, так и притворство Трампа, что он не просил уже неоднократно меня остаться, убедила меня, что это была попытка установить патронажные отношения. Вероятно, кто-то сказал ему, а может это просто случайно пришло ему в голову, что он «просто так дал» мне эту должность, и что ему нужно получить что-то взамен. Это лишь добавило странности впечатлению. Президент Соединённых Штатов пригласил меня на ужин, и решил, что моя гарантия занятости входила в меню.

Я ответил, что согласен, что он в любой момент, как пожелает, может уволить директора ФБР, но что я хотел бы остаться и заниматься работой, которую люблю и считаю, что делаю хорошо. Я сказал, что не ожидал вернуться в правительство, но считал эту работу чрезвычайно полезной, и хотел бы отбыть свой срок. Чувствуя, что ему от меня нужно больше, я добавил, что он может положиться на мою «надёжность» в одном

определённом смысле. Не в том смысле, как иногда этот термин используют политики — как «надёжный» голос для одной команды. Я сказал, что он может рассчитывать, что я всегда скажу ему правду.

Я сказал ему, что не совершал подлостей и не устраивал утечек. Но, сказал я, политически я не на чьей-то стороне, и на меня нельзя рассчитывать в традиционном политическом смысле, пояснив, что это отвечает наилучшим интересам президента. ФБР и Министерство юстиции участвуют в наиболее противоречивых расследованиях в стране, расследованиях, которые зачастую касаются видных представителей президентской администрации, как это было с расследованием в отношении Карла Роува и Скутера Либби во времена администрации Буша. ФБР способно авторитетно выполнять эту работу, потому что не является — и не выглядит — инструментом в руках президента. Без этой репутации и реальности как Минюста, так и ФБР, у президента не остаётся способа проводить расследования в отношении своей администрации, кроме назначения некого специального прокурора.

Очевидно, эти рассуждения его не удовлетворили. Вскоре он с серьёзным выражением лица произнёс: «Мне нужна преданность. Я ожидаю преданности».

Во время последовавшей тишины я не шевелился, не говорил и не менял выражения лица. Президент Соединённых Штатов только что попросил преданности директора ФБР. Это было сюрреалистично. Склонные защищать Трампа могут представить, как бы выглядело, если бы Президент Обама позвал директора ФБР на ужин тет-а-тет во время расследования в отношении старших должностных лиц его администрации, затем обсудил его гарантию занятости, а затем сказал, что ожидает преданности. Несомненно, на «Фокс Ньюс» тут же бы появились люди, призывающие к импичменту Обамы. Конечно, если уж на то пошло, это было не то, что я вообще мог бы представить, чтобы сделал Обама или Джордж У. Буш. В моем понимании, такая просьба напоминала церемонию посвящения в Коза Ностру «Сэмми Быка» — с Трампом в роли босса семьи, спрашивающего, есть ли у меня то, что нужно, чтобы быть «сделанным человеком». Я этого никогда не делал, и никогда не сделаю. Я был полон решимости не давать президенту ни намёка на согласие с его просьбой, так что просто промолчал вместо этого. Мы, казалось, целую вечность глядели друг на друга, но, возможно, это была лишь пара секунд. Я снова уставился на мягкие белые мешки под его невыразительными голубыми глазами. Помню, в тот момент я думал, что президент не понимает роли ФБР в жизни Америки, и его не волнует, что сорок лет выстраивали те люди. Нисколько.

В начале своей карьеры и в более молодом возрасте, мне бы не хватило мужества сохранить хладнокровие, не нарушить леденящий взгляд сигнализирующим согласием кивком или каким-нибудь выдвинутым словом. Даже в возрасте пятидесяти шести лет, с изрядным числом шрамов, будучи четвёртый год на посту директора ФБР, мне всё ещё приходилось говорить себе, сидя в метре от президента и глядя ему прямо в лицо. Внутренний голос твердил: «Ничего не делай; даже не шевелись».

Трамп нарушил это неловкое противостояние, опустив взгляд в свою тарелку, и переключившись на другую тему. Моя холодная реакция, казалось, не особо его расстроила, если вообще расстроила. Ужин продолжился, и довольно мило.

Когда наша встреча продолжилась — я не использую слово «разговор», так как этот термин неприменим, когда практически всё время говорит один человек — я снова попытался помочь Президенту Трампу понять, какую ценность президенту оказывает разделение между ФБР и Белым домом. Но было очень трудно вставить хоть слово. Остаток ужина, лишь время от времени делая паузы, чтобы поесть, он изливал потоки слов о размере толпы на своей инаугурации, о том, какое освещение свободных СМИ он смог сгенерировать во время выборов, о недоброжелательности кампании. Он изложил свою точку зрения на расследование в отношении электронной почты Клинтон, выделив в нём три фазы, каждая из которых, в его рассказе, носила моё имя. В «Коми-один», сказал он, я «спас её» своим заявлением от 5 июля, что в отношении неё нет подлежащего судебному преследованию дела. Хотя он добавил, что я ошибся с этим выводом. В том, что он назвал «Коми-два», я сделал то, что должен был, проинформировав Конгресс о возобновлении расследования. В «Коми-три», которой стало моё заключительное письмо Конгрессу, во второй раз закрывавшее дело, он сказал, что я снова спас Хиллари, но что она «совершенно не поняла» этого. Он словно пересказывал сюжетную линию своего любимого телесериала.

Он говорил об убранстве Белого дома, сказав что-то вроде: «Это роскошь. А я знаю роскошь». Помню, я снова посмотрел на бедную статую, которую видел за его плечом, с каминной полкой на голове, и подумал, что в этом есть смысл. Он пустился в новые объяснения — я много видел их по телевизору — о том, что он не высмеивал репортёра-инвалида. Он сказал, что не обращался плохо с длинным списком женщин, подробно рассматривая каждый случай, как это было в нашем предыдущем разговоре. Он настаивал, что ни за что не стал бы щупать ту даму, сидевшую рядом с ним в самолёте. А идея, что он схватил порнозвезду и предложил ей деньги, чтобы пройти в его комнату, была абсурдной. Его манера говорить напоминала конкурс устных головоломок со счётчиком времени. Он в торопливой последовательности брался за тему, откладывал, брался за несвязанную тему, откладывал, возвращался к исходной теме, снова и снова. Но каждый раз именно он выбирал темы и откладывал их. Ничто в его поведении и близко не напоминало то, как мог или должен был руководитель выстраивать взаимоотношения с подчинёнными.

Все мы пытаемся осознать то, что много лет твердила мне Патрис, когда я занимал тот или иной пост: «Дорогой, дело не в тебе». Ей часто приходилось напоминать мне, что что бы ни чувствовали люди — радость, грусть, испуг или смущение — вряд ли это имело какое-то отношение ко мне. Они получили подарок, или потеряли друга, или получили результаты медицинских тестов, или не могли понять, почему их любовь не отвечает им взаимностью. Всё это имело отношение к их жизни, их проблемам, их надеждам и мечтам.

Не ко мне. Природа человеческого бытия затрудняет нас — или, по крайней мере, мне — прийти к осознанию этого естественным путём. В конце концов, я могу познать мир лишь через себя. Это делает всех нас склонными считать, что всё, о чём мы думаем, всё, что мы слышим, всё, что мы видим, всё это про нас. Полагаю, мы все так делаем.

Но руководителю необходимо постоянно приучать себя думать иначе. Это в двух отношениях важный вывод для руководителя. Во-первых, он позволяет вам слегка расслабиться, будучи уверенным в том, что вы не настолько важны. Во-вторых, осознание того, что люди не всё время сосредоточены на вас, заставит вас попытаться представить, на чём они сосредоточены. Я считаю основой эмоционального интеллекта способность представить чувства и видение другого «я». Некоторые, кажется, рождаются с большим изначальным депозитом эмоционального интеллекта, но все мы можем развить его практикой. Ну, большинство из нас. У меня было ощущение, что никто не научил этому Дональда Трампа.

Президент задал очень мало вопросов, которые могли послужить приглашением к обсуждению. Вместо этого он делал постоянные утверждения, оставляя меня в раздумьях, соглашался ли я своим молчанием со «всеми», что у него была самая большая инаугурационная толпа за всю историю, что он произнёс отличную инаугурационную речь, что он никогда не обращался плохо с женщинами, и так далее. Шквал слов практически был предназначен для того, чтобы не допустить подлинного двустороннего диалога.

Затем была непостижимая, излишняя ложь. К примеру, в какой-то момент президент сказал мне, что руководитель аппарата Райнс Прибус не знает о нашей встрече, что выглядело невероятным. Руководитель аппарата должен знать, когда президент ужинает один на один с директором ФБР. Затем, позже, на том же самом ужине Трамп случайно проговорился: «Райнс знает о нашей встрече».

Во время очередного зигзага разговора он спонтанно поднял то, что назвал «темой золотого дождя», повторив многое из того, что сказал мне ранее, и добавив, что его беспокоит, что может быть «хотя бы один процент вероятности» того, что его жена Меланья думает, что это правда. Это меня немного смутило, потому что я тотчас начал гадать, почему его жена должна думать, что есть хоть какая-то вероятность, пусть и небольшая, что он был в Москве с мочившимися друг на друга проститутками. При всех моих недостатках, существует нулевая вероятность — буквально, абсолютно нулевая — что Патрис поверит утверждению, что я в Москве был с писающими друг на друга проститутками. Она бы рассмеялась над самым предположением. Что это за брак, с каким человеком, что супруга делает вывод, что существует лишь 99 процентная вероятность того, что её муж не делал этого?

Я практически уверен, что президент не знаком с пословицей «Нечестивый бежит, когда никто не гонится», потому что он просто не мог остановиться, продолжая добровольно

объяснять, почему это не могло быть правдой, и закончив тем, что сказал, что подумывает попросить меня расследовать эти обвинения, чтобы доказать, что это ложь. Я сказал, что это ему решать. В то же самое время, я выразил озабоченность, что подобная вещь создаст нарратив, что мы проводим расследование в отношении него лично, и добавил, что к тому же очень трудно доказать, что чего-то никогда не было. Он ответил, что, может быть, я прав, но неоднократно просил меня подумать над этим и сказал, что и он подумает.

Один из немногих его вопросов, снова, кажется, возникший из ниоткуда, касался того, как я сравниваю Генерального прокурора Эрика Холдера и Лоретту Линч. Я ответил, что Холдер был намного ближе к Президенту Обаме, что как являлось преимуществом, так и таило в себе опасность. Я в качестве предлога воспользовался возможностью снова объяснить, почему было так важно, чтобы ФБР и Министерство юстиции были независимы от Белого дома. Я сказал, что в этом заключался парадокс: на протяжении истории некоторые президенты решали, что раз от Минюста исходят «проблемы», им следует стараться держать министерство ближе к себе. Но, в конечном счёте, размывание этих границ ещё сильнее усугубляло проблемы, подрывая общественное доверие к ведомствам и их работе. У меня не было ощущения, что он имел хоть какое-то представление о — или заинтересованность в — том, о чём я говорил.

На том ужине мне в голову пришло кое-что ещё касательно Президента Трампа, что я посчитал очень поучительным. Я не помню, чтобы вообще видел, как он смеётся. Не во время светской беседы перед заседаниями. Не во время разговора. Не даже здесь, во время якобы расслабленного ужина. Мысль о человеке, которого я никогда не видел смеющимся, не покинула меня и много месяцев спустя. Мне было интересно, обратил ли на это внимание кто-нибудь ещё, или хоть где-нибудь на тысячах часов видео он смеялся? Он буквально десятилетия провёл на виду у видеокамер, между своей хорошо спланированной карьерой бизнес-магната и годами в качестве звезды телешоу. Так что я из любопытства погуглил и посмотрел видео на ютубе. За все свои поиски я нашёл лишь одно видео того, что можно было бы назвать, как Дональд Трамп изображает смех, снятое в январе 2016 года, когда он спросил аудиторию в Нью-Гэмпшире об источнике шума на заднем плане, напоминавшем лай собаки, и кто-то крикнул: «Это Хиллари». Есть риск того, что я слишком широко интерпретирую это, и полагаю возможным, что он может шутить наедине с женой, детьми или каким-либо любимым сотрудником, или что я пропустил набор его смеха на публике, но я не знаю другого избранного руководителя, который бы достаточно регулярно не смеялся на публике. Полагаю, его очевидная неспособность к этому уходит корнями в глубокую неуверенность, в его неспособность быть уязвимым или рискнуть оценить юмор других, что, по зрелом размышлении, на самом деле очень грустно у руководителя, и немного пугает у президента.

Практически в конце нашего ужина он задал ещё один вопрос — сделал первую настоящую попытку узнать что-то о своём госте. Он поинтересовался, как я оказался директором ФБР. В ответ я сказал ему, что был приятно удивлён, что Президент Обама

думал об этой должности так же, как я: он хотел компетенции и независимости, и не хотел, чтобы ФБР была вовлечена в политику, а хотел спать ночью зная, что у ФБР хорошее руководство. Я подробно изложил нашу первую дискуссию в Овальном кабинете, которая, как прямо в тот момент пришло мне в голову, являлась полной противоположностью той, что разворачивалась за этим ужином. Президент Трамп ответил, сказав, что счастлив, что я хочу остаться, потому что слышал обо мне столько хорошего от столь многих людей, включая его кандидатур на посты министра обороны и генерального прокурора.

Затем он вернулся к теме преданности, снова сказав: «Мне нужна преданность».

Я снова выдержал паузу. «Я всегда буду честен с Вами», — сказал я.

Он сделал паузу. «Это то, чего я хочу, честной преданности», — произнёс он. Казалось, это удовлетворило его как некий вид «сделки», в которой мы оба были в выигрыше.

Я сделал паузу. «Вы получите её от меня», — сказал я, отчаянно желая закончить наше неловкое противостояние и говоря себе, что достаточно сделал для того, чтобы чётко заявить свою позицию.

В тот момент мне на ум пришло кое-что ещё: «лидер свободного мира», представляющийся великим бизнес-магнатом, ничего не понимал в руководстве. Этичные руководители никогда не просят преданности. Личной преданности требуют те, кто управляют с помощью страха — вроде боссов Коза Ностры. Этичные руководители заботятся о тех, кем руководят, и предлагают им честность и порядочность, приверженность и самопожертвование. Они обладают уверенностью, которая порождает смирение. Этичные руководители знают о своём собственном таланте, но остерегаются своих собственных ограничений — понимать и рассуждать, видеть мир таковым, каков он есть, а не таким, каким они хотят, чтобы он был. Они говорят правду и знают, что принятие мудрых решений требует, чтобы люди говорили им правду. И для того, чтобы получать эту правду, они создают обстановку высоких стандартов и глубокого рассмотрения — не побоюсь этого слова, «любви» — которая строит прочные связи и делает возможными выдающиеся достижения. Этичному руководителю никогда не пришло бы в голову просить преданности.

После десерта — двух шариков мороженого каждому — я отправился домой и написал заметку об этом ужине, что быстро стало моей практикой с Президентом Трампом после тех случаев, когда мы говорили наедине. Я никогда прежде не делал ничего подобного в своих разговорах с другими президентами, и не делал заметок, будучи директором ФБР, о встречах с любыми другими людьми, но ряд факторов свидетельствовал о том, что с этим президентом будет разумно поступать так. Во-первых, мы затрагивали темы, связанные с обязанностями ФБР и лично президентом, и я обсуждал эти вещи с человеком, чью честность я ставил под серьёзное сомнение с тех пор, как наблюдал его президентскую кампанию. Мне нужно было защитить ФБР и себя, потому что я не мог доверять, что этот

человек скажет правду о наших разговорах. Как было моей практикой, я распечатал две копии заметки. Одной я поделился с группой старших руководителей ФБР, и затем мой руководитель аппарата подшил её в свои файлы. Другую я запер дома, по двум причинам: я считал эту заметку своей личной собственностью, как дневник; и я беспокоился, что однажды точные воспоминания о разговорах с этим президентом могут оказаться важными, что, к сожалению, оказалось правдой.

Глава 14

ТУЧА

Если бы честность была прибыльной, все были бы честными.

Томас Мор

8 февраля 2017 года руководитель аппарата Райнс Прибус пригласил меня в Белый дом, чтобы встретиться с ним в его кабинете, большой комнате со столом для переговоров и камином, из которой открывался вид на большое здание Эйзенхауэр Икзекутив Офис. Это была та же самая комната, в которой я тринадцать лет назад находился вместе с вице-президентом Диком Чейни, чтобы выслушать его точку зрения, что тысячи умрут, если Министерство юстиции не примет его точку зрения о законной электронной слежке. Это была та же самая комната, в которой я ближе к полуночи сидел позже на той же неделе в 2004 году, после противостояния у больничной кровати Джона Эшкрофта.

Теперь я находился там как в продолжение моего ужина с Президентом Трампом, и потому что Прибус хотел понять, а я хотел разъяснить надлежащие взаимоотношения между ФБР и Белым домом. Прибус никогда прежде не работал в президентской администрации, и казался искренне заинтересованным в том, чтобы всё было правильно.

К тому времени у меня уже был опыт взаимодействия с двумя другими руководителями аппарата Белого дома. Моим самым запоминающимся и спорным опытом взаимодействия была гонка с Энди Кардом в больницу во время администрации Буша.

Будучи директором ФБР при Президенте Обаме, я лучше узнал его руководителя аппарата. Денис Макдоноу был необычайно порядочным, чутким и в то же время жёстким человеком. Все руководители аппарата отличаются, как и все люди, своими личными качествами и качествами руководителя. Но всех их объединяет опыт длительного недосыпа, пока они стараются эффективно управлять работой Белого дома и привести некий порядок в то, что в лучшие времена могло представлять собой хаотичное предприятие. Конечно же, ни один президент в нашей истории и близко не сравнится с Дональдом Трампом, который привнёс свои собственные навыки и проблемы, и уникальный хаос.

Я не очень хорошо знал Прибуса. Он часто казался и смущённым, и раздражённым, и нетрудно представить, почему. Управлять Белым домом Трампа было бы трудной задачей даже для опытного управленца, каковым Прибус не являлся. Ранее бывший председателем Республиканского Национального Комитета, а ещё ранее — юристом из Висконсина, Прибус никогда прежде не служил в федеральном правительстве. Как мог кто-то вроде него — или, если уж на то пошло, вообще кто-то — уметь обращаться с кем-то вроде Дональда Трампа? Понятия не имею. Но, казалось, Прибус старается.

Наша встреча длилась примерно двадцать минут, была приятной, и охватывала различные секретные темы, наряду с тем, как ФБР и Министерству юстиции следует взаимодействовать с Белым домом. Когда мы закончили, он спросил меня, не хочу ли я встретиться с президентом. По иронии, эта просьба совершенно перечёркивала весь смысл нашей встречи. Я только что закончил обсуждать важность того, чтобы Белый дом дисциплинированно работал через Министерство юстиции, если хочет общаться с ФБР, за исключением экстренных случаев, касающихся национальной безопасности, и обсуждений политики Совета национальной безопасности — как в случае с шифрованием — в которых ФБР являлось ключевым участником. Темой разговора было, что ФБР должно держаться на расстоянии вытянутой руки. Прибус сказал, что понимает, и затем тотчас же захотел ещё сильнее приблизить меня.

После моих последних встреч, ещё один визит к президенту не был в моём списке приоритетов. Так что я ответил, нет — спасибо, но нет — добавив, что я уверен, что президент сильно занят. Он снова спросил. Я снова возразил.

Затем он сказал: «Сиди. Уверен, он будет рад тебя видеть. Посмотрю, в Овальном кабинете ли он». Он прошёл по коридору короткое расстояние до Овального кабинета, и вернулся несколько минут спустя. Улыбнувшись, он сказал: «Он будет рад тебя видеть».

Я ответил без тени улыбки: «Здорово».

Когда мы вдвоём вошли в Овальный кабинет, президент разговаривал с пресс-секретарём Белого дома Шоном Спайсером, который ушёл вскоре после нашего прибытия, оставив нас с Прибусом с президентом наедине.

Хотя я не в первый раз встречался с новым президентом, я впервые встречался с ним в его новом кабинете. Казалось, ему здесь было не комфортно. Он сидел в пиджаке вплотную к знаменитому столу «Резолют»[40], положив обе руки на столешницу. В итоге, любого, разговаривавшего с ним, от него отделял большой массив дерева.

За время дюжин встреч с Президентами Бушем и Обамой я не могу вспомнить, чтобы вообще видел их располагавшимися за столом. Вместо этого, они садились в кресло у камина и проводили встречи в более открытой, повседневной обстановке. Я видел в этом определённый смысл. Учитывая, как людям сложно расслабиться и открыться перед президентом, шансы гораздо выше в гостинной зоне, где мы можем притвориться собравшимися за кофейным столиком друзьями. Соответственно, президент может попытаться стать одним из группы, и расположить остальных говорить ему правду. Но когда президент сидит на троне, защищённый большой деревянной преградой, как обычно делал Трамп во время моих взаимодействий с ним, формализм Овального кабинета гиперболизируется, и шансы получить всю правду рушатся.

Я также обратил внимание, что Президент Трамп сменил шторы, которые теперь были ярко-золотистыми. Позже я узнал, что это были шторы Билла Клинтона, что, учитывая публичную точку зрения Трампа на бывшего президента и его жену-кандидата, выглядело странным поворотом. (Пресса сообщила, что позже Президент Трамп заменил шторы Клинтона на свой собственный вариант золотистых).

Когда президент поприветствовал меня, я сел в небольшое деревянное кресло, касаясь коленками его стола. Прибус попытался направить разговор к теме так называемого русского досье, которое мы обсуждали уже много раз. Не знаю, зачем он это делал, но на этот раз президент не был заинтересован в обсуждении конкретно этой темы. Вместо этого, сидя за столом, которым когда-то пользовались Президенты Кеннеди и Рейган, он пустился в один из своих хаотичных монологов потока сознания. На этот раз основное внимание уделялось телеинтервью, которое он несколькими днями ранее дал на «Фокс Ньюс» Биллу О'Райли. Интервью вышло во время шоу перед игрой Суперкубка, которую я пропустил. Но я видел множество последовавших после него комментариев.

Во время этого интервью О'Райли надавил на Президента Трампа относительно того, «уважает» ли он российского президента Владимира Путина:

«Я уважаю его», — сказал Трамп, — «но я уважаю многих людей. Это не означает, что я собираюсь ладить с ним».

«Но он — убийца», — сказал О'Райли. — «Путин — убийца».

«Есть много убийц. У нас есть много убийц», — ответил Трамп. — «Как думаете? Наша страна так невинна?»

Ответ Трампа, казалось, приравнявший агрессивный режим Путина к американской демократии, вызвал шквал критики со всех сторон. Он также укладывался в нарратив, что Трамп был слишком близок к российскому правительству, странная линия для поддержки Трампом. Я часто удивлялся, почему Трамп, учитывая многочисленные подходящие случаи осудить вторжения к соседям и репрессии — даже убийства — своих собственных граждан российским правительством, отказывался хотя бы изложить очевидные факты. Возможно, из чувства противоречия, а, возможно, в этом было что-то более сложное, объяснявшее его постоянные уклончивые ответы и оправдания Владимира Путина. Всё же, это показалось мне странным. Возможно, существовало какое-то разумное геополитическое обоснование того, чтобы не осуждать публично плохое поведение иностранного правительства в своих собственных внутренних делах. Но четырьмя неделями ранее в Башне Трампа президента, казалось, не беспокоило, когда руководители разведывательного сообщества единодушно проинформировали его, что Россия вмешивалась, чтобы уничтожить нашу демократию, и пыталась склонить чашу весов на наших выборах. Даже за закрытыми дверями его не покорило поведение России. Его не интересовало, что ещё могут сделать наши враги. Мы знали, что Владимир Путин беспрецедентным образом вмешивался в американские выборы, по крайней мере отчасти для того, чтобы помочь победить Трампу. Комментарии вроде сделанного О'Райли лишь подчёркивали, почему Путин хотел, чтобы на посту оказался он.

В своей задиристой манере, О'Райли бросил вызов президенту, заявив о его очевидной близости к Путину. И снова Трамп удвоил своё нежелание критиковать российское правительство.

Теперь, три дня спустя, по-видимому, ужаленный или, по крайней мере, озабоченный этой критикой, президент всё ещё кипел и оправдывался.

«Что мне делать?» — вопрошал Трамп, не обращаясь ни к кому конкретно. — «Сказать, что я не уважаю руководителя крупной страны, с которым пытаюсь поладить?»

Сперва, ни Прибус, ни я ничего не сказали. Мы бы и не смогли, даже если захотели, потому что, как всегда, Президент Трамп не оставлял другим возможности сказать. О'Райли поставил сложный вопрос, сказал он нам. «Так что я дал хороший ответ», — продолжил он, глядя на нас, практически настаивая, что не существовало другого рационального способа увидеть это. — «Действительно, это был отличный ответ. Я действительно отлично ответил».

Пока Трамп продолжал говорить, я видел, что он убеждает себя в этой сюжетной линии и очевидно считал, что убеждает и нас тоже. Конечно, я не считал вопрос О'Райли сложным, а ответ Трампа хорошим, но он и не искал ответной реакции.

Фактически, к этому времени я достаточно имел дело с президентом, чтобы суметь

прочитать кто-то в поступках Трампа. Его утверждения о том, что «все думают», и что это «очевидная правда», выливаются на вас, без возражений, как это было за нашим ужином, потому что он никогда не прекращает говорить. В результате Трамп втягивает всех присутствующих в молчаливый круг согласия. С его болтовнёй по сто слов в минуту, без возможности другим встрять в разговор, я видел, как легко все находящиеся в комнате могли стать соучастниками его предпочитаемого набора фактов или заблуждений. Но, как однажды сказал Мартин Лютер: «Вы в ответе не только за то, что говорите, но и за то, чего не говорите».

Сидя там, я наблюдал, как президент выстраивает из своих слов кокон альтернативной реальности, усердно заворачивая в него всех нас. Должно быть, я согласился с тем, что у него была самая большая толпа на инаугурации за всю историю, как он утверждал на наших предыдущих встречах, потому что я не оспорил этого. Следовательно, должно быть, я соглашался с тем, что его интервью с О'Райли было великолепным, его ответы блестящими, потому что сидел там и не возражал. Но чёрт меня подери, если я собирался снова позволить проделать с собой этот трюк. И на этот раз он предоставил мне благоприятную возможность. Глядя на меня, он сказал: «Ты ведь считаешь, что это был отличный ответ?», и попытался продолжить.

Я не упустил возможности и сделал то, чего, скорее всего, никогда бы не сделал, если бы был моложе — особенно президенту Соединённых Штатов. То, чего я никогда не видел, чтобы делал кто-нибудь ещё из окружения Трампа за то ограниченное число случаев моего взаимодействия с ним. Не могу вспомнить, оборвал ли я его на полуслове, или была короткая пауза перед тем, как он пустился в следующий набор утверждений, с которыми, предполагалось, мы все согласимся, но я прервал его монолог.

«Первая часть Вашего ответа была замечательной, господин Президент», — сказал я в то время, как он переводил дыхание, глядя на меня с пустым выражением лица. — «Но не вторая часть. Мы не убийцы, как Путин».

После этого замечания Трамп совсем замолчал. В этой ярко освещённой комнате со сверкающими золотистыми шторами, казалось, по его лицу пробежала тень. Я видел, что в его глазах что-то изменилось. Жёсткость, или мрачность. В мгновение ока глаза сузились, а челюсти сжались. Он выглядел как то, кто не привык, что с ним спорят или поправляют окружающие. Он был тем, у кого, предполагалось, всё было полностью под контролем. Своим небольшим комментарием я только что вылил ушат холодной воды критики и реальности на его постыдное моральное сравнение путинских убийц с мужчинами и женщинами в нашем правительстве. И столь же быстро, как сердитое выражение пробежало по ему лицу, оно исчезло. Словно я ничего не говорил, и вообще никогда не появлялся на свет. Встреча была окончена.

Президент поблагодарил меня за то, что я пришёл. Прибус, не сказавший ни слова во время этой ссоры, проводил меня из кабинета, и ушёл без каких-либо разговоров.

Я вернулся в штаб-квартиру ФБР и рассказал членам своей команды, что, вероятно, этим поступком закончил всяческие личные взаимоотношения с президентом. Я сопротивлялся его требованию обещания верности двумя неделями ранее, а теперь я прорезал кокон, раскритиковав человека за столом. У нас не будет дружеских взаимоотношений, какие были у меня с Президентами Бушем и Обамой. Необязательно это было плохо. Директора ФБР не должны быть слишком близки к действующему президенту или его администрации — что, конечно, и было первоначальной причиной, по которой я был в тот день в Белом доме.

Тем не менее, эта встреча меня потрясла. Я никогда не видел в Овальном кабинете ничего подобного. Когда я очутился на орбите Трампа, у меня снова возникли воспоминания о своей предыдущей карьере в качестве прокурора против мафии. Круг молчаливого согласия. Все под полным контролем босса. Клятвы преданности. Мировоззрение мы-против-них. Ложь во всём, большая и малая, на службе некоему кодексу преданности, ставившему организацию выше морали и выше правды.

* * *

Менее чем через неделю я снова оказался на этой сцене, снова касаясь коленями стола «Резолют».

14 февраля я отправился в Овальный кабинет на запланированный контртеррористический брифинг с Президентом Трампом. Он снова вещал из-за стола, а наша группа полукругом сидела лицом к нему в шести креслах на противоположном конце. Я сидел в одном полукруге с вице-президентом Пенсом, заместителем директора ЦРУ, директором Национального контртеррористического центра, министром внутренней безопасности и моим новым боссом, генеральным прокурором Джеффом Сешнсом. К тому времени новый генеральный прокурор занимал пост менее недели. Моим первым впечатлением о нём было, что он жутко напоминал Альберто Гонсалеса — ошеломлён и не соответствовал этой должности — но Сешнсу не хватало доброжелательности, которую излучал Гонсалес.

Президент выглядел странно безразличным и растерянным во время этого секретного брифинга. У меня было что сказать важного и безотлагательного касательно текущей террористической угрозы внутри Соединённых Штатов, но это не вызвало никакой реакции. В конце этого энергосберегающего заседания он дал знать, что брифинг окончен. «Всем спасибо», — громко произнёс он. Затем, указав на меня, он добавил: «Я просто хочу поговорить с Джимом. Всем спасибо».

И вот снова то же самое.

Я не знал, о чём он хочет поговорить, но эта просьба была столь необычной, что я подозревал, что в ближайшем будущем у меня появится ещё одна заметка. Поэтому я знал, что мне нужно постараться запомнить каждое произнесённое им слово, в точности как он его сказал.

Не имея выбора в этом вопросе, я остался в своём кресле, в то время как участники начали покидать Овальный кабинет. Однако, генеральный прокурор задержался у моего кресла. Как мой босс в Министерстве юстиции, он несомненно и справедливо считал, что должен присутствовать на этом разговоре. «Спасибо, Джефф», — пренебрежительно произнёс президент, — «но я хочу поговорить с Джимом».

Затем настал черёд Джареда Кушнера. Кушнер сидел позади меня с другими помощниками Белого дома на диванах и стульях у кофейного столика. Похоже, он лучше других в комнате знал своего тестя, и, казалось, попытался подобным образом вмешаться. Втягивая меня в разговор, пока остальные освобождали кабинет — Джаред говорил о расследовании электронной почты Клинтон, и каким трудным оно должно было быть — возможно, он думал, что Трамп забудет, что просил выйти всех, включая него. Без шансов.

«О'кей, Джаред, спасибо», — сказал Трамп. Его зять, похоже, столь же неохотно, как Сешнс, тоже вышел.

Когда дверь рядом с дедушкиными часами закрылась, и мы оказались вдвоём, президент посмотрел на меня.

«Я хочу поговорить о Майке Флинне», — сказал он. Флинн, его советник по национальной безопасности, накануне был вынужден подать в отставку. Я не очень хорошо знал Флинна, но давал вместе с ним показания в 2014 году, когда он служил директором военной разведки. Я нашёл его приятным.

Флинн, генерал армии США в отставке, в декабре 2016 года много раз беседовал с российским послом в Соединённых Штатах, чтобы заручиться российской поддержкой в срыве резолюции Объединённых Наций — на которую администрация Обамы не собиралась налагать вето — осуждавшей Израиль за расширение его поселений на оккупированной территории, а также чтобы убедить русских не обострять их ответ на санкции администрации Обамы наложенные в качестве результата российского вмешательства в выборы 2016 года. Эти разговоры о санкциях стали темой большого интереса со стороны общественности, после того как о них в начале января сообщили в СМИ, а избранный вице-президент Пенс опроверг по телевидению, что Флинн разговаривал с русскими о санкциях. Пенс сказал, что знает это, так как говорил с

Флинном. 24 января, как часть нашего продолжавшегося расследования российских попыток влияния, я направил в Белый дом двоих агентов опросить Флинна о его разговорах с русскими. Он солгал агентам, отрицая, что подробно обсуждал с российским послом те самые темы.

Президент начал с того, что сказал, что генерал Флинн не сделал ничего плохого, говоря с русскими, но ему пришлось позволить ему уйти, потому что тот ввёл в заблуждение вице-президента. Он добавил, что у него были другие опасения по поводу Флинна, которые не назвал.

Затем президент выдал длинный список комментариев по поводу проблемы с утечкой секретной информации — опасение, которое я разделял. Как и всех президентов до него, его расстраивало, что люди с доступом к секретной информации тут и там болтали о ней с репортёрами. Я пояснил, что это была давняя проблема, мучившая его предшественников, и что трудно было заводить дела, потому что для этого иногда от нас требовалось устанавливать следственные контакты с представителями СМИ (например, путём судебного запроса записей телефонных разговоров). Но ещё я сказал ему, что если бы мы смогли завести дело — если бы мы смогли прижать к стене кого-либо из источников утечки секретной информации — это послужило бы важным сдерживающим сигналом. Хотя я не делал никаких отсылок или предложений о преследовании представителей СМИ, президент сказал что-то насчёт того, как мы однажды посадили журналистов в тюрьму, и это заставило их говорить. Это была отсылка к расследованию в отношении Скутера Либби, когда репортёр «Нью-Йорк Таймс» Джудит Миллер в 2005 году провела в тюрьме почти три месяца за неуважение к суду, выразившееся в отказе подчиниться судебному ордеру на запрос информации о её разговорах с Либби. Затем он призвал меня обсудить с генеральным прокурором Сешнсом способы быть более агрессивными, открывая дела против источников утечки секретной информации. Я сказал ему, что передам это сообщение.

После того, как президент несколько минут говорил об утечках, в дверь рядом с дедушкиными часами заглянул Райнс Прибус. Я видел позади него ожидавшую группу людей, включая вице-президента. Президент махнул ему закрыть дверь, сказав, что скоро закончит. Дверь закрылась.

Затем президент вернулся к теме Майка Флинна, сказав: «Он хороший парень, и через многое прошёл». Он повторил, что генерал Флинн не сделал ничего плохого во время своих визитов к русским, но ввёл в заблуждение вице-президента.

Затем он сказал: «Надеюсь, ты ясно видишь, что следует оставить это в покое, оставить в покое Флинна. Он хороший парень. Надеюсь, ты сможешь оставить его в покое».

В то время я понял, что президент просит, чтобы мы прекратили всяческое расследование в отношении Флинна в связи с ложными заявлениями о его разговорах в декабре с

российским послом. Я не понял, что президент говорит о более широком расследовании в отношении России или возможных связей с его кампанией. В любом случае, это было очень тревожным, учитывая роль ФБР как независимого следственного органа. Воображаю реакцию, если бы Президент Хиллари Клинтон попросила наедине переговорить с директором ФБР, и призвала его свернуть расследование в отношении её советника по национальной безопасности.

Я не прервал президента, чтобы возразить, что то, что он просит, неуместно, как, вероятно, мне следовало поступить. Но если он не знал, что то, что он делает, неуместно, зачем бы он просто-напросто выгнал из кабинета всех, включая моего босса и вице-президента, чтобы поговорить со мной наедине?

Вместо этого я лишь согласился, что «он хороший парень», или казался таковым из того, что я знал о нём. Я не сказал, что «оставлю его в покое».

Президент не выказал никакой реакции на мой ответ, и ненадолго вернулся к проблеме утечек. Разговор был окончен, и я встал и вышел через дверь рядом с дедушкиными часами, пробираясь сквозь большую группу ожидавших там людей, включая Прибуса, вице-президента и нового министра здравоохранения и социальных служб Тома Прайса. Никто со мной не разговаривал.

Из машины я отправил своим сотрудникам электронное письмо, что брифинг по контртерроризму, на который они потратили так много времени, готовя меня к нему, прошёл хорошо, но «теперь мне нужно написать ещё одну заметку». Я имел в виду, что у меня был ещё один разговор с президентом, который было необходимо задокументировать. Я подготовил несекретную заметку о разговоре насчёт Флинна и обсудил эту тему со старшими руководителями ФБР, включая заместителя директора Маккейба; моего руководителя аппарата Джима Рыбицки; и главного юрисконсульта ФБР Джима Бейкера. Менее чем за месяц я написал уже множество заметок о встречах с Дональдом Трампом. Я знал, что мне нужно было запомнить эти разговоры как из-за их содержания, так и потому, что знал, что имею дело с генеральным директором, который хорошо может лгать о них. Мне нужна была своевременная запись для защиты ФБР и себя.

Остальные руководители ФБР согласились, что было важно не внушать следственной команде взгляд на Флинна — и, шире, на предполагаемую российскую координацию с кампанией Трампа в 2016 году — по просьбе президента, чего мы и не собирались делать. Также мы пришли к выводу, что, учитывая, что это был разговор один на один, не было способа подтвердить мой рассказ. Мы решили, что было бессмысленно сообщать о нём генеральному прокурору Сешнсу, который, как мы ожидали, скорее всего откажется от вовлечения в связанные с Россией расследования. (Так он и сделал двумя неделями позже). Обязанности заместителя генерального прокурора тогда исполнял окружной прокурор Соединённых Штатов, который не останется на этой должности. Мы решили

придумать по ходу продвижения нашего расследования, что делать с просьбой президента и её последствиями.

После встречи с президентом 14 февраля я дал указание Джиму Рыбицки организовать для меня на следующее утро беседу с генеральным прокурором по завершении нашего регулярного брифинга по средам по угрозам. После завершения регулярного заседания комнату покинули все, кроме генерального прокурора, меня и наших руководителей аппаратов. Сешнс сидел за столом напротив меня в защищённом конференц-зале Министерства юстиции. Он располагался на том же самом месте, и, скорее всего, в том же самом кресле, в котором сидела Лоретта Линч, когда говорила мне называть расследование в отношении электронной почты Клинтон «вопросами».

Когда комната освободилась, я сделал то, что обещал президенту, и передал его озабоченность утечками и его ожидание, что мы будем агрессивными, преследуя их. Оптимистично предполагая, что генеральный прокурор обладает каким-то влиянием на Президента Трампа, я затем воспользовался возможностью попросить его не допускать в будущем моих разговоров один на один с президентом. «Так не должно быть», — сказал я. — «Вы — мой босс. Вас нельзя выгонять из комнаты, чтобы он мог поговорить со мной наедине. Вы должны находиться между мной и президентом». Он не спросил, не случилось ли что-то, беспокоившее меня, а я не рассказал по причинам, которые обсудил выше. Вместо этого, знакомым мне движением Джон опустил взгляд на стол, и его глаза заматались взад-вперёд, из стороны в сторону. Насколько помню, он ничего не сказал. После непродолжительного метания взгляда, он положил обе руки на стол и встал, поблагодарив меня за то, что я пришёл. По его позе и лицу я прочёл, что он не сможет помочь мне. Мы с Рыбицки вышли. Я был так сбит с толку этим молчаливым метанием взгляда, что попросил Рыбицки позвонить руководителю аппарата Сешнса, чтобы убедиться, что тот осознал мою озабоченность и важность того, чтобы генеральный прокурор оградил меня от президента. Его руководитель аппарата подтвердил, что они поняли.

Но они не поняли. Или не смогли.

* * *

Я буду продолжать бороться с Президентом Трампом ещё три месяца. 1 марта я собирался сесть в вертолёт, чтобы лететь на опиоидный саммит в Ричмонд, когда моя помощница Алтея Джеймс позвонила мне на мобильный сказать, что президент хочет поговорить со мной. Я понятия не имел, на какую тему, но предположил, что это должно быть важно, так что ждал на вертолётной площадке в «Субурбане» ФБР. Руководитель

Управления по контролю за наркотиками и мой старый друг Чак Розенберг ждал меня в вертолётё.

Спустя несколько минут мой мобильный зазвонил, и оператор Белого дома объявил президента. Он был на линии, чтобы сказать, что звонит «просто узнать, как у тебя дела». Я ответил, что всё хорошо, и у меня много дел. Чтобы поддержать разговор, я сказал ему, что генеральный прокурор, кажется, сразу взялся за дело с хорошей речью о насильственных преступлениях. Он ответил: «Это его работа». Этот длившийся менее минуты неловкий разговор поразил меня, как ещё одна попытка приблизить меня, убедиться, что я “amica nostra”, «наш друг». Зачем бы ещё президент Соединённых Штатов, у которого, предположительно, миллион дел, звонил директору ФБР, чтобы просто «узнать, как у тебя дела». Я вышел из автомобиля и присоединился к руководителю УКН, извинившись за задержку по причине того, что президент просто захотел сказать «как оно».

30 марта Трамп позвонил мне в ФБР, чтобы описать российское расследование как «тучу», снижающую его возможность действовать в интересах страны. Он сказал, что не имел никаких дел с Россией, не развлекался в России с проститутками, и всегда предполагал, что его записывают, когда он в России. Примерно в четвёртый раз он утверждал, что «история с золотым душем» была ложью, снова спросив: «Можешь себе представить, проститутки?». Очевидно, стараясь добиться моего сочувствия, он добавил, что у него прекрасная жена, и всё это очень болезненно для неё.

Он спросил, что мы могли бы сделать, чтобы «разогнать эту тучу». Я ответил, что мы проводим расследование так быстро, как только можем, и будет весьма полезно, если мы ничего не найдём, что мы хорошо проделали свою работу. Он согласился, но затем ещё раз подчеркнул те проблемы, которые ему это доставляло.

Затем президент спросил, почему в Конгрессе на прошлой неделе состоялись слушания по поводу России — на которых я, по указанию Министерства юстиции, подтвердил расследование ФБР возможной координации между Россией и кампанией Трампа. Я пояснил, что от руководства обеих партий в Конгрессе поступил запрос на дополнительную информацию, и что председатель юридической комиссии Сената, сенатор от Айовы Чарльз Грассли даже придержал утверждение заместителя генерального прокурора, пока мы не посвятим его в детали нашего расследования. Я также рассказал, что мы в точности проинформировали руководство Конгресса, в отношении каких лиц проводим расследование, и что мы сообщили руководству Конгресса, что не проводим расследования в отношении конкретно Президента Трампа. Он неоднократно говорил мне: «Нам нужно обнародовать этот факт». Я не сказал президенту, в основном потому, что знал, что он не захочет это слышать, что ФБР и Министерство юстиции по множеству причин не горели желанием выступить с публичным заявлением, что у нас нет открытого дела в отношении Президента Трампа, наиболее важной из которых было то, что это породит обязанность исправлять это заявление, если

статус поменяется.

Далее президент сказал, что, если кто-то из связанных с ним «сателлитов» сделал что-то не так, будет здорово это выяснить. Он повторил, что не делал ничего дурного, и надеется, что я найду способ объявить о том, что мы не проводим в отношении него расследования.

Резко сменив тему, он перевёл разговор на заместителя директора ФБР Эндрю Маккейба. Он сказал, что не поднимал «тему Маккейба», потому что я сказал, что Маккейб был честным, хотя губернатор Вирджинии от демократов Терри Маколифф был близок к Клинтонам, и давал ему (я думаю, он имел в виду жену Маккейба) деньги на кампанию. Я знал, о чём он говорит. Жена Маккейба, Джилл, врач из северной Вирджинии, участвовала в выборах в законодательное собрание штата Вирджиния и проиграла в 2015 году, когда Маккейб руководил отделением ФБР в Вашингтоне, округ Колумбия. Она получила приглашение к участию в выборах от губернатора Маколиффа, и её кампания по большей части финансировалась за счёт средств контролируемых губернатором комитетов политических действий. Трамп неоднократно за время президентской кампании обвинял ФБР в том, что оно снисходительно к Хиллари Клинтон, потому что жена Энди была связана с губернатором Вирджинии, старым другом Клинтонов. Будучи кандидатом в президенты, Трамп также ошибочно утверждал, что сама Хиллари Клинтон давала деньги жене Маккейба.

В любом случае, это утверждение по целой куче причин являлось вздором — включая то, что ФБР точно не было тайным обществом любителей Клинтон. Хотя специальные агенты обучены оставлять за дверью свои политические предпочтения, они имеют тенденцию склоняться в правую сторону политического спектра — и Маккейб давно считал себя республиканцем. А ФБР на протяжении многих лет расследовало различные дела в отношении Клинтонов, включая период президентства Билла Клинтона, когда директор ФБР Луис Фрих, бывший специальный агент, прилюдно сдал свой пропуск в Белый дом, потому что считал Клинтона объектом уголовного расследования.

Но Трамп дважды в начале своего срока спрашивал меня, «нет ли у Маккейба со мной проблем, потому что я был довольно жесток с его женой». Я ответил, что Энди — настоящий профессионал, и отодвинул всё это в сторону.

Я не понимал, почему президент поднял это сейчас по телефону — возможно, это была попытка поторговаться, а может, угроза, что он начнёт атаку на заместителя директора. Я повторил, что Маккейб честный человек, не руководствующийся политикой.

Президент Трамп закончил, сделав упор на «тучу», которая мешала его способности заключать сделки для страны, и сказал, что надеется, что я найду способ обнародовать, что в отношении него не ведётся расследования. Я ответил, что посмотрю, что мы можем сделать, и что мы проведём расследование хорошо и так быстро, как только сможем.

Сразу после того разговора я позвонил исполняющему обязанности заместителя генерального прокурора Дану Боенте (так как Сешнс отказался от участия в вопросах, касающихся России, и не было утверждённого заместителя генерального прокурора), чтобы доложить о просьбе президента разогнать тучу российского расследования и сказать, что жду его указаний. Я ничего не слышал от него до следующего звонка Трампа спустя две недели.

* * *

Утром 11 апреля президент позвонил спросить, что я сделал в отношении его просьбы «обнародовать», что против него лично не ведётся расследования. В отличие от большинства других наших взаимодействий, не было ни комплиментов, ни жизнеутверждающих введений, чтобы выяснить, что я задумал. Казалось, он был на меня рассержен.

Я ответил, что передал его просьбу исполняющему обязанности заместителя генерального прокурора, но ничего не услышал в ответ. Он ответил, что «туча» стоит на пути его возможности выполнять свою работу. Он сказал, что, возможно, его людям следует связаться с исполняющим обязанности заместителя генерального прокурора. Я сказал, что именно так следует рассматривать его просьбу. Юриконсульту Белого дома следует связаться с руководством Минюста, чтобы передать эту просьбу, что и было традиционным каналом.

Он сказал, что так и поступит. Затем он добавил: «Потому что я был очень лоялен к тебе, очень лоялен. Знаешь, у нас это было».

Я не ответил и не спросил, что он имел в виду под «этим», но всё выглядело попыткой выпросить ответное обещание лояльности, то, чего он изо всех сил старался добиться, вспомнив, что я фактически сопротивлялся обещанию преданности. На «том», что у нас было, частном ужине в Зелёной комнате, ему была лишь обещана «честная преданность». Невзирая ни на что, в ответ на его странную попытку выпросить преданность я лишь сказал, что единственным способом было, чтобы юриконсульт Белого дома позвонил исполняющему обязанности заместителя генерального прокурора. Он сказал, что именно так и поступит, и разговор был окончен.

Это был последний раз, когда я говорил с Президентом Трампом. Мы доложили о звонке исполняющему обязанности заместителя генерального прокурора. Очевидно, он ничего не сделал с 30 марта, ответив: «О, Боже, я надеялся, что всё само прекратится».

Но оно не прекратится.

* * *

Соответственно, все это, наконец, закончилось бурей ужасного поведения. 9 мая 2017 года я был в Лос-Анджелесе на мероприятии Набора многообразия агентов. Это была попытка, которую мы перед этим устраивали в Вашингтоне и Хьюстоне, где мы приглашали талантливых цветных молодых юристов, инженеров и выпускников бизнес-школ послушать, почему им следует согласиться на урезанную зарплату и стать специальными агентами ФБР. Я любил подобные мероприятия — которые соответствовали нашему стремлению привлечь больше агентов из меньшинств — и те два пока что имели огромный успех. Многообразие Бюро являлось ключом к нашей устойчивой эффективности. Как отмечалось ранее, основным препятствием было то, что так много молодых людей с высоким потенциалом, особенно чернокожих и латиноамериканцев думали о ФБР, как о «Мужике[41]». Кто захочет работать на «Мужика». Я любил подобные мероприятия, потому что они давали мне и другим руководителям ФБР шанс чуть больше показать этим талантливым людям, что представляет собой «Мужик» и женщина из ФБР.

Эти молодые люди жаждали изменить мир к лучшему, и мы могли показать им, как выглядит жизнь служения, самопожертвования и выдающегося изменения ситуации к лучшему. Практически никто не уходил из ФБР, однажды вкусив жизни специального агента. Моей миссией было бросить вызов этим замечательным молодым людям попробовать присоединиться к той жизни. Мероприятия в Вашингтоне и Хьюстоне дали удивительно высокие результаты. Я направлялся в Лос-Анджелес, чтобы побеседовать более чем с пятью сотнями потенциальных новых агентов. Я знал, что в аудитории много будущих специальных агентов. Я не мог дождаться, чтобы соединиться с ними.

Хотя мероприятие по набору проводилось вечером, я прилетел достаточно рано, чтобы было время посетить отделение ФБР в Лос-Анджелесе. Я привык повсюду обходить офисы ФБР, этаж за этажом и кабинет за кабинетом, встречаясь с каждым сотрудником и пожимая каждую руку. Это стоило тех усилий, потому что могу сказать, для наших людей много значило, что директор лично благодарил их. В большой организации вроде ФБР, с отделениями по всей стране и по всему миру, это помогает напомнить людям, что вы цените выполняемую ими трудную работу. Что вы заботитесь о них, не только в профессиональном смысле, но именно о них — и их семьях. В каждой поездке я выкраивал несколько часов на посещение местных отделений, чтобы встретиться с работающими в них удивительными людьми.

Я встретился с дюжинами сотрудников в Лос-Анджелесе на их рабочих местах. Руководство отделения в Лос-Анджелесе проявило заботу и собрало всех, не имеющих рабочего места — уборщиков и работающих в комнатах связи. Они все сидели за столами в большом командном центре. Я начал свою речь перед ними примерно в 2 часа дня по времени Лос-Анджелесе, 5 часов по Вашингтону. Я рассказал, что мы в 2015 году переписали программное заявление ФБР, сделав его короче, и лучше выразив важность нашей ответственности. Нашей новой поставленной миссией было «защищать американский народ и поддерживать Конституцию Соединённых Штатов». Я сказал, что хотел, чтобы оно было короче, чтобы все знали его, объединялись с ним и делились им с соседями, и особенно с молодыми людьми. Я ожидал, что все поймут...

И затем я замер на полуслове.

На телеэкранах вдоль задней стены я видел надпись большими буквами «ОТСТАВКА КОМИ». Экраны располагались позади моей аудитории, но присутствующие заметили моё замешательство, и начали оборачиваться на стульях. Я рассмеялся и сказал: «Довольно забавно. Кто-то сильно постарался». Я продолжил свою мысль: «В ФБР нет вспомогательного персонала. Я ожидаю...»

Сообщение на экране сменилось. На трёх экранах, показывавших три разных новостных канала, я теперь видел те же самые слова: «КОМИ УВОЛЕН». Я больше не смеялся. В комнате поднялся шум. Я сказал аудитории: «Слушайте, я собираюсь выяснить, что происходит, но неважно, правда это или нет, моё послание будет неизменным, так что позвольте мне закончить его, и затем пожать вам руки». Я сказал: «Каждый из вас лично несёт ответственность за защиту американского народа и поддержку Конституции Соединённых Штатов. У всех нас разные роли, но одна миссия. Спасибо за то, что выполняете её хорошо». Затем я двинулся вдоль сотрудников, пожимая каждую руку, и направился в личный кабинет узнать, что происходит.

Директор ФБР путешествует с группой связи, чтобы Министерство юстиции или Белый дом в считанные секунды могли с ним связаться, в любое время дня и ночи. Но никто не звонил. Ни генеральный прокурор. Ни заместитель генерального прокурора. Никто. Фактически, я днём ранее видел генерального прокурора. Несколькими днями ранее я по его просьбе наедине встречался с вновь утверждённым заместителем генерального прокурора, чтобы он смог попросить моего совета, как ему выполнять свою работу — которую я выполнял с 2003 по 2005 года. В конце октября, незадолго до выборов, нынешний заместитель генерального прокурора служил окружным прокурором Соединённых Штатов в Балтиморе, и он приглашал меня поговорить со всеми его сотрудниками о руководстве и о том, почему я в июле принимал те решения, которые принимал в отношении электронной почты Клинтон. Тогда он восхвалял меня как воодушевляющего руководителя. Теперь же он не только не позвонил, но и являлся автором объясняющего моё увольнение меморандума, описывающего моё руководство в

2016 году как отвратительное и неприемлемое. В свете наших недавних контактов, это являлось для меня абсолютной бессмыслицей.

Всё, что я знал, это то, о чём сообщалось в СМИ. После долгих попыток мы узнали, что сотрудник Белого дома находился в Вашингтоне на Пенсильвания-авеню, пытаюсь доставить мне письмо президента. Мне позвонила жена, сказав, что они с детьми видели новости. Я ответил, что не знаю, правда ли это, и мы пытаемся выяснить, что происходит. Позвонил Пэт Фитцджеральд, и я сказал ему то же самое.

Я получил эмоциональный звонок от генерала Джона Келли, тогдашнего министра внутренней безопасности. Он сказал, что его тошнит от моего увольнения, и что он собирается уйти в знак протеста. Он сказал, что не хочет работать на бесчестных людей, подобным образом обращающихся с кем-то вроде меня. Я настоятельно просил Келли не делать этого, заявив, что стране нужны принципиальные люди в окружении этого президента. Особенно этого президента.

Моя изумительная помощница, Алтея Джеймс, получила письмо у того парня из Белого дома у входной двери на Пенсильвания-авеню. Она отсканировала его и отправила мне по электронной почте. Я был уволен прямо с этого момента президентом, который неоднократно хвалил меня и просил остаться, по рекомендации заместителя генерального прокурора, хвалившего меня как отличного руководителя, рекомендации, принятой генеральным прокурором, который устранился от всех вопросов, связанных с Россией, и который, по словам Президента Трампа за нашим ужином, считал меня великолепным. Поводы для этого увольнения были ложью, но письмо было настоящим. Я ощущал тошноту и лёгкий шок.

Я вышел из кабинета, за дверьми собралась большая группа сотрудников ФБР в Лос-Анджелесе. У многих в глазах были слёзы. Я кратко переговорил с ними, сказав, что ценности ФБР больше и сильнее любого из нас. Я сказал, что покидать их — разбивает мне сердце, но им следует знать, что это их человеческие качества — честность, компетентность и независимость — делали мой уход столь болезненным. Мне было больно покидать их. Я направился в кабинет руководителя лос-анджелесского отделения ФБР Дейдры Файк. Я выбрал её на эту должность и доверял её суждению. Моим первым побуждением, как и её, было, что мне в любом случае следует присутствовать на мероприятии по многообразию, как частному гражданину. Это было то, о чём я глубоко заботился, и я всё ещё мог побудить этих талантливых мужчин и женщин присоединиться к этой жизни, пусть я больше и не являлся частью её. Хотя в конце концов мы решили, что я буду отвлекать внимание, потому что СМИ устроят цирк и провалят мероприятие. Я мог принести больше вреда, чем пользы. Я решил отправиться домой.

Что подняло вопрос: как я попаду домой? Я оставил это решение человеку, который несколько минут назад стал исполняющим обязанности директора ФБР, моему заместителю Эндрю Маккейбу. Эти новости стали для него таким же большим сюрпризом,

как и для меня. Теперь он руководил. Ему и его команде пришлось выяснять, что было законным и подходящим. В шоке от происходящего, я подал мысль арендовать кабриолет и проехать две тысячи семьсот миль в одиночку. Но затем я понял, что я не одинок и не сумасшедший. Исполняющий обязанности директора решил, что, учитывая, что ФБР продолжает нести ответственность за мою безопасность, лучше всего было вернуть меня на том же самом самолёте, на котором я прилетел, вместе с охраной и лётным экипажем, которым в любом случае надо было возвращаться в Вашингтон. Мы сели в автомобиль, чтобы направиться в аэропорт.

В поездке из лос-анджелесского отделения ФБР в аэропорт нас сопровождали новостные вертолёты. Пока мы медленно катились в лос-анджелесской пробке, я посмотрел вправо. В соседнем автомобиле мужчина вёл и смотрел на мобильном устройстве транслировавшие нас эфирные новости. Он повернулся, улыбнулся мне сквозь открытое окно и показал большой палец. Не уверен, как он при этом держал руль.

Как мы делали всегда, мы с полицейским эскортом въехали на перрон аэропорта и остановились у трапа самолёта ФБР. Моей обычной практикой было подойти поблагодарить сопровождавших нас офицеров, но я был в таком шоке и растерян, что чуть не забыл сделать это. Мой специальный помощник Джош Кэмпбелл, как это часто бывало, заметил то, что я пропустил. Он слегка толкнул меня локтем и сказал подойти поблагодарить копов. Так я и поступил, пожав руку каждому, а затем поднялся по трапу самолёта. Я не мог смотреть на пилотов или свою службу безопасности из опасения, что могу не сдержать эмоции. Они хранили молчание. С вертолётom вели трансляцию, как наш самолёт вырывается и взлетает. Эти кадры были во всех новостях.

Президент Трамп, очевидно поглядывавший в Белом доме телевизор, увидел кадры, как я благодарю копов и улетаю. Они привели его в ярость. На следующий день рано утром он позвонил Маккейбу и сказал, что хочет провести расследование, каким образом мне позволили воспользоваться самолётом ФБР для возвращения из Калифорнии.

Маккейб ответил, что мог бы посмотреть, каким образом мне позволили прилететь обратно в Вашингтон, но что ему не было в этом необходимости. Маккейб сказал президенту, что он санкционировал это. Самолёту нужно было возвращаться, охране нужно было возвращаться, а ФБР было обязано вернуть меня в сохранности.

Президент взорвался. Он приказал, чтобы мне не позволили снова вернуться в здание ФБР. Мои бывшие сотрудники сложили мои вещи в коробку, точно я умер, и доставили мне домой. Этот приказ запрещал мне видиться и передавать дела людям из ФБР, с которыми я очень сблизился.

Трамп во время кампании много кричал о Маккейбе и его жене — бывшем кандидате. С тех пор он был заиклен на этом.

Всё ещё в ярости от Маккейба, Трамп затем спросил его: «Ваша жена проиграла выборы в Вирджинии, не так ли?»

— Да, так и есть, — ответил Энди.

Затем президент Соединённых Штатов сказал исполняющему обязанности директора ФБР: «Спросите её, каково это, быть неудачником», — и повесил трубку.

* * *

Я сидел в одиночестве в самолёте, направляясь домой, пытаюсь собраться с мыслями и делая то, что было бы нарушением правил, если бы я всё ещё являлся сотрудником ФБР. Я открыл свой чемодан и достал бутылочку «Пино Нуар», которую вёз домой из Калифорнии. Я пил красное вино из бумажного стаканчика для кофе и смотрел в окно на огни страны, которую так любил. Когда мы подлетели к Вашингтону, я спросил пилотов, могу ли сесть с ними спереди, чтобы испытать посадку в аэропорту имени Рейгана так, как никогда ранее, несмотря на сотни полётов на самолётах ФБР. Я сел на откидное сиденье позади них, надел наушники и наблюдал, как двое талантливых специальных агентов-пилотов сажают самолёт в последний раз со мной в качестве пассажира. Они перемещали меня по всей стране и всему миру, и теперь лишний раз жали мне руку, со слезами на глазах прощаясь.

Летя тем вечером из Калифорнии домой и потягивая красное вино, я оставался наедине со своими мыслями о том, что будет дальше. Я не планировал ничем заняться, кроме как взять какое-то время на то, чтобы понять, что делать со своей жизнью. В последующие дни мои друзья по своей собственной инициативе поделились со средствами массовой информации тем, что я рассказывал им о своей борьбе за то, чтобы установить должные границы между ФБР и Белым домом Трампа, и о моих усилиях по сопротивлению просьбе Президента Трампа обещания преданности за нашим ужином, но были и тёмные истории о моём опыте взаимодействия с президентом, которые ещё не попадали в СМИ.

Это может прозвучать странно, но на протяжении своих пяти месяцев работы при Дональде Трампе я желал ему успеха на посту президента. Это не политическое предпочтение. Если бы избрали Хиллари Клинтон, я бы желал ей успеха на посту президента. Я думаю, это и значит любить свою страну. Нам нужно, чтобы наши президенты добивались успеха. Мои встречи с Президентом Трампом вызывали у меня печаль, не гнев. Я не очень хорошо знаю его или его жизнь, но ему, кажется, не посчастливилось повстречать людей вроде Гарри Хауэлла, демонстрирующих, что собой представляет жёсткое и доброе руководство, или поработать на кого-то, достаточно

уверенного в себе, чтобы быть скромным, вроде Хелен Фейхи, и ощутить разницу. Хотя я уверен, что он видел человеческие страдания и сталкивался с личными потерями, я не увидел никаких признаков того, что это сформировало его так, как меня с Патрис потеря нашего сына Коллина, или миллионов других, испытавших потери, а затем направивших свою боль в сопереживание и заботу о других. Я извлёк горькие уроки из своего опыта в качестве задиры, и из лжи о своей баскетбольной карьере, и из того, что увидел, как «лёгкая ложь» может стать привычкой. Я вообще не вижу признаков того, что ложь причиняет Трампу боль, или что ему претит причинять боль другим людям, что печально и пугающе. Без всего этого — без замешанной на жёсткости доброты, без баланса уверенности в себе и скромности, без сопереживания и без уважения к правде — мало шансов, что Президент Трамп сможет привлечь и удержать вокруг себя тот тип людей, которые нужны каждому президенту, чтобы принимать мудрые решения. Это заставляет меня грустить из-за него, но это также заставляет меня волноваться за нашу страну.

В пятницу 12 мая Президент Трамп написал твит с предупреждением мне и своим тридцати девяти миллионам подписчиков: «Лучше бы Джеймсу Коми надеяться, что нет 'плёнок' наших разговоров, прежде чем начинать давать утечки в прессу». Это показалось мне странным. Он угрожал мне? У меня не было планов говорить с прессой или давать утечки секретной информации. Всё, что я хотел, это выбросить из головы Дональда Трампа, так что я не стал тратить время на обдумывание, что бы это значило. Вместо этого я оставался в доме, спал, делал зарядку и избегал собравшуюся в конце проезда к моему дому толпу СМИ.

Во вторник 16 мая мы с Патрис планировали проскользнуть мимо прессы и на несколько дней выбраться из города. Тем утром я проснулся примерно в 2 часа от мысли: твит президента меняет мой взгляд на то, как относиться к нашей встрече 14 февраля 2017 года, когда он выразил «надежду», что я прекращу расследование в отношении его бывшего советника по национальной безопасности Майка Флинна. Хотя я написал несекретную заметку о том разговоре, мы с руководством ФБР на этом застряли, так как это было бы моим словом против слова президента. Мы не отказались от её выполнения, а вместо этого решили придержать её — и не доводить до сведения следственной группы, чтобы президент не оказывал на них влияния. Мы смогли ещё раз обдумать это, когда в Министерстве юстиции решали, как они будут осуществлять руководство расследованиями в отношении администрации Трампа и России, после того как генеральный прокурор сделал самоотвод. Но этот твит о плёнках всё менял, подумал я, лёжа там в темноте. Если есть записи моих разговоров с Президентом Трампом, то появится подтверждение того факта, что он сказал, что хочет, чтобы я прекратил расследование в отношении Флинна. Это больше не будет моё слово против его. Если есть запись, то будет слышно, как президент Соединённых Штатов говорит мне в Овальном кабинете: «Надеюсь, ты сможешь оставить его в покое».

Я лежал в кровати, обдумывая это запоздалое открытие. Я мог оставить всё как есть и надеяться, что руководство ФБР увидит то, что увидел я в твите Трампа о записях, и что

они начнут давить на Министерство юстиции, чтобы получить эти записи. Возможно, ФБР даже подтолкнёт Минюст к тому, чтобы назначить независимого прокурора, чтобы добиться этого. Возможно, я мог бы довериться тому, что система сработает. Но я доверился системе несколькими годами ранее в вопросе о пытках. Тогда я доверил генеральному прокурору донести до Белого дома озабоченность нашего министерства политикой в отношении пыток на встрече, на которую меня не пустили, но ничего не случилось. Теперь я не собирался снова сделать ту же ошибку. На этот раз я мог и собирался что-то сделать, потому что, по иронии, благодаря Дональду Трампу теперь я был частным гражданином.

Я доверял ФБР, но я не доверял тому, что руководство Министерства юстиции при нынешних генеральном прокуроре и заместителе генерального прокурора будет поступать правильно. Было нужно что-то, что может заставить их поступать правильно. Теперь, когда я был частным гражданином, я мог что-то сделать. Я решил, что подниму эту историю в СМИ, предав гласности указание президента от 14 февраля, чтобы я прекратил расследование в отношении Флинна. Это могло заставить Министерство юстиции назначить специального прокурора, который мог бы тогда отправиться за записями, о которых сделал твит Трамп. И хотя мне был запрещён доступ в здание ФБР, у меня дома надёжно хранилась копия моей несекретной заметки о его просьбе.

На рассвете утра вторника я связался со своим хорошим другом Дэном Ричманом, бывшим прокурором, а ныне профессором юридического факультета Колумбийского университета. Дэн с момента моего увольнения давал мне юридические консультации. Я сказал, что собираюсь послать ему одну несекретную заметку и хотел бы, чтобы он поделился содержанием этой заметки — но не самой заметкой — с репортёром. Я считал, что если сам сделаю это, то вызову безумство прессы — как минимум у моей подъездной дорожки — и мне будет трудно отказаться от последующих комментариев. Я бы, конечно, сказал правду, если бы меня спросили, сыграл ли я в этом какую-то роль. Сыграл. Мне пришлось. Чтобы было понятно, это не было «утечкой» секретной информации, неважно, сколько раз политики, политологи или президент называли это так. Частный гражданин может легально делиться с прессой несекретными подробностями разговора с президентом, или включать эту информацию в книгу. Я верю в силу прессы и знаю, что Томас Джефферсон был прав, когда писал: «Наша свобода зависит от свободы прессы, и та не может быть ограничена без риска быть потерянной».

Я не знаю, разразившаяся ли вслед за раскрытием мною разговора от 14 февраля об «оставить в покое» буря в СМИ вынудила руководство Министерства юстиции назначить специального юрисконсульта. ФБР уже могло требовать назначения специального юрисконсульта, увидев твит Трампа о записях. Я лишь знаю, что Министерство юстиции вскоре сделало это, предоставив Роберту Мюллеру полномочия расследовать согласованность между российским правительством и кампанией Трампа, а также все связанные с этим вопросы.

Я также не знаю, найдёт ли этот специальный юрисконсульт уголовные правонарушения в действиях президента или других лиц, которым на момент написания этих строк не было предъявлено обвинения. Один из ключевых вопросов, который, как я полагаю, изучает команда Боба Мюллера, это являлись или нет настоятельная просьба ко мне свернуть наше расследование в отношении его советника по национальной безопасности и моё увольнение попыткой Президента Трампа воспрепятствовать правосудию, что является федеральным преступлением. Это, безусловно, возможно. В отношении этого есть по меньшей мере одно косвенное доказательство, а команда Мюллера может собрать больше. Я возбуждал и осуществлял надзор над многими делами, связанными с воспрепятствованием правосудию, но в данном случае я не являюсь прокурором. Я — свидетель. У меня есть одна точка зрения на поведение, которое я наблюдал, и которое, пусть и нарушая основные нормы этичного руководства, может не являться нелегальным. Например, центральное место в вопросе воспрепятствования занимает информация о намерениях президента Трампа. Есть ли исчерпывающие доказательства того, что он намеревался с коррупционным умыслом предпринять те или иные действия с целью воспрепятствования уголовному расследованию? Так как я не знаю всех фактов, то не могу с какой-либо долей уверенности ответить на этот вопрос. Я лишь знаю, что на момент написания этих строк специальный юрисконсульт Мюллер со своей командой напряжённо работают, и американцы могут быть уверены, что, если их расследование каким-либо образом не будет заблокировано, они доберутся до истины, какой бы она ни была.

* * *

8 июня 2017 года я публично давал показания специальному комитету Сената по разведке, который хотел услышать о моих взаимодействиях с Президентом Трампом. По какой-то причине президент лишь поднял интерес людей к моей точке зрения. Я решил написать отчёт о некоторых из своих деловых отношений с ним, и заранее предоставить его комитету, чтобы мне не пришлось долго говорить в начале дачи свидетельских показаний, и чтобы дать сенаторам шанс переварить то, что я написал, и задать дополнительные вопросы.

Я хотел воспользоваться своим коротким вступительным заявлением, чтобы сделать одну вещь — попрощаться с людьми из ФБР, то, на что у Президента Трампа не хватило приличия или милосердия позволить мне сделать. Это также давало мне возможность опровергнуть, от их и моего имени, ту ложь, которую рассказывала администрация о том, что ФБР находится в замешательстве. Я знал, что они будут смотреть, и я мог обращаться прямо к ним.

Я репетировал то, что хотел сказать, перед Патрис и одной из наших дочерей. Они были шокированы тем, что я собирался говорить без записей, но я сказал им, что это должно идти от сердца, и что если я принесу текст, то это закончится тем, что я устану в него. Как бы ни действовало на нервы говорить без записей перед миллионами людей, это был тот способ, который бы многое значил для людей из ФБР. Патрис также беспокоилась, что в своей нервозности я стану улыбаться как дурак или хмуриться, словно кто-то умер. Мне пришлось найти промежуточное положение между этими двумя.

Я засомневался в своём решении прийти без записей, стоя в конференц-зале и ожидая приглашения в зал сенатских слушаний. Что если я застыну? Что если у меня перепутаются все слова? Обычно я не нервничаю на публике, но это было сумасшествие. Но было слишком поздно. Я прошёл вместе с руководителями комитета по длинному закрытому коридору позади помоста, повернул влево и шагнул во что-то сюрреалистичное. Я в своё время повидал много камер и выслушал свою долю щелчков затвора. Ничто не шло ни в какое сравнение с этой сценой.

Когда я сел за свидетельский стол в центре урагана, у меня в голове звучал голос Патрис: «Думай о людях из ФБР; это зажжёт свет в твоих глазах». Так я и сделал. Я слегка запинался, и практически потерял контроль над своими эмоциями ближе к концу, когда говорил о людях из ФБР, но я говорил от чистого сердца:

Когда я в 2013 году был назначен директором ФБР, то понимал, что служу по воле Президента. Пусть я и был назначен на десятилетний срок, установленный Конгрессом, чтобы подчеркнуть важность того, чтобы ФБР находилось вне политики и было независимым, я понимал, что могу быть уволен Президентом по любой причине или вовсе без таковой.

И 9 мая, когда я узнал, что уволен, то по этой причине немедленно вернулся домой как частный гражданин. Но затем некие разъяснения, извращённые разъяснения, привели меня в замешательство, и всё больше беспокоили меня. Они привели меня в замешательство, потому что у нас с Президентом было много разговоров о моей работе, как до, так и после того, как он вступил в должность, и он постоянно твердил мне, что я отлично справляюсь с работой, и он надеется, что я останусь. И я неизменно заверял его, что собираюсь остаться и отслужить оставшиеся шесть лет своего срока.

Он постоянно твердил мне, что говорил обо мне с многими людьми, включая нашего настоящего генерального прокурора, и узнал, что я отлично справляюсь с работой, и что меня чрезвычайно любит персонал ФБР.

Так что меня привело в замешательство, когда я увидел по телевизору, как Президент говорит, что на самом деле он уволил меня из-за российского расследования, и узнал,

опять же из СМИ, что он в частном порядке рассказывает другим, что моё увольнение сняло огромное давление на российское расследование.

Меня также привело в замешательство озвученное публично первоначальное объяснение, что я был уволен из-за решений, которые принимал в год выборов. Для меня это не имело смысла по целому ряду причин, включая время и воду, что утекла с времён тех трудных решений, которые нужно было принять. Для меня это было полной бессмыслицей.

И хотя закон не требует совершенно никаких причин для увольнения директора ФБР, администрация тогда решила опорочить меня и, что более важно, ФБР, сказав, что организация находилась в замешательстве, что она плохо управлялась, что персонал утратил уверенность в своём руководительстве.

Это являлось ложью, простой и откровенной, и мне так жаль, что персоналу ФБР пришлось её слушать, и мне так жаль, что её сказали американскому народу. Я каждый день трудился в ФБР, чтобы помочь сделать лучше эту великую организацию. И я говорю «помочь», потому что ничего не делал в ФБР в одиночку. В ФБР нет незаменимых людей. Огромная сила этой организации состоит в том, что её ценности и возможности распространяются глубоко и широко. ФБР без меня будет в порядке. Миссия ФБР будет неустанно выполняться его людьми, и эта миссия — защищать американский народ и Конституцию Соединённых Штатов.

Мне будет очень не хватать являться частью этой миссии, но эта организация и её миссия будут дальше и после меня, и дальше после какой-то конкретной администрации.

Прежде чем закончить, я хочу обратиться к своим бывшим коллегам из ФБР. Но сперва я хочу, чтобы американский народ узнал эту истину: ФБР честное. ФБР сильное. И ФБР есть и будет всегда независимым.

А теперь, если можно, моим бывшим коллегам. Мне так жаль, что у меня не было возможности должным образом попрощаться с вами. Было честью всей моей жизни служить рядом с вами, быть частью семьи ФБР. И всю оставшуюся жизнь мне будет не хватать этого. Спасибо, что стоите на страже. Спасибо, что делаете так много хорошего для этой страны. Делайте это хорошее так долго, как только можете.

А теперь, сенаторы, я готов к вашим вопросам.

ЭПИЛОГ

Я пишу во время большой тревоги в моей стране. Я понимаю эту тревогу, но также верю, что с Америкой всё будет в порядке. Я предпочитаю видеть возможность наряду с опасностью.

Президентство Дональда Трампа угрожает многому из того, что есть хорошего в нашей стране.

Все мы несём ответственность за стоявший перед избирателями глубоко несовершенный выбор во время кампании 2016 года, и наша страна платит высокую цену: этот президент неэтичен и не связан правдой и институциональными ценностями. Его руководство транзакционное, движимое эго, и строится на личной преданности. К счастью для нас, некоторые этичные руководители решили служить и оставаться в высших эшелонах власти, но они не могут предотвратить весь тот ущерб от лесного пожара, каковым является президентство Трампа. Их задача — постараться сдержать его.

Я вижу много так называемых консервативных комментаторов, включая некоторых проповедников, сосредоточивших внимание на благоприятных инициативах в области политики или назначениях должностных лиц судов, с целью оправдания их согласия с этим ущербом, одновременно принижая влияние этого президента на основные нормы и этику. Это поражает меня своим лицемерием и моральной неправильностью. Лицемерие очевидно, если просто поменять имена и представить, что Президент Хиллари Клинтон вела бы себя схожим образом на посту. Я уже ранее говорил это, но стоит повторить: закройте глаза и представьте те же самые голоса, если бы Президент Хиллари Клинтон сказала директору ФБР, — «Надеюсь, ты сможешь оставить его в покое», — говоря о расследовании в отношении старшего советника, или практически каждый день говорила привычную легко опровергаемую ложь, а затем требовала, чтобы мы в неё поверили. Это лицемерие настолько густое, что практически вызывает мрачный смех. Я говорю это как тот, кто большую часть своей жизни проработал в правоохранительных органах, и служил президентам обеих партий. То, что происходит сейчас, это не нормально. Это не фейковые новости. Это не ладно.

Независимо от вашей политики, нельзя игнорировать ущерб нормам и традициям, которыми руководствуется президентство и наша общественная жизнь на протяжении десятилетий или, во многих случаях, с момента основания республики. Также неправильно бездействовать или, что ещё хуже, молчать, когда вам это хорошо известно, в то время как президент нагло стремится подорвать доверие общественности к правоохранительным органам, которые были созданы для того, чтобы держать наших лидеров под контролем. У каждой организации есть свои недостатки, но профессиональные прокуроры и агенты из Министерства юстиции и ФБР находятся там

не просто так — чтобы подняться над узкопартийными интересами и делать то, что правильно для страны, независимо от своих собственных политических взглядов. Без этого контроля за нашими лидерами, без этих учреждений, решительно стоящих на пути злоупотребления полномочиями, наша страна не может считать себя функционирующей демократией. Я знаю, в Конгрессе Соединённых Штатов по обеим сторонам прохода есть мужчины и женщины с чистой совестью, понимающие это. Но не все из них высказываются. Они должны спросить себя, чему, или кому они хранят высшую степень преданности: узкопартийным интересам или столпам демократии? Их молчание является соучастием — вот выбор — и где-то глубоко внутри они должны осознавать это.

Политики приходят и уходят. Судьи Верховного суда приходят и уходят. Но суть нашей нации в нашей приверженности ряду общих ценностей, берущих начало с Джорджа Вашингтона — сдержанности, честности, сбалансированности, прозрачности и правде. Если это ускользнёт от нас, только дурака утешит сокращение налогов или другая иммиграционная политика.

Но я предпочитаю быть оптимистом. Да, нынешний президент в краткосрочной перспективе причинит значительный ущерб. Пламя нанесёт вред важным нормам и традициям. Но лесные пожары, какими бы болезненными они ни были, обеспечивают рост. Они стимулируют рост, который был бы невозможен до пожара, когда старые деревья вытесняли новые растения из лесной подстилки. Посреди этого пожара я всегда вижу новую жизнь — живо интересующуюся, как никогда прежде, молодёжь, СМИ, суды, учёных, некоммерческие организации и все прочие части гражданского общества, ищущие причины для расцвета.

Этот пожар также предоставляет возможность заново сбалансировать власть между тремя ветвями нашего правительства, ближе к модели, задуманной отцами-основателями. Есть причина считать, что этот пожар ослабит президентство, а Конгресс и суды сделает сильнее, точно так же, как это сделал лесной пожар Уотергейта. В этом много хорошего.

Здравомыслящие люди в изумлении смотрят на выросшую вокруг нас порочную слепую приверженность. Вместо того, чтобы создать новую норму, при которой ложь широко признаётся, президентство Трампа спровоцировало концентрацию на правде и этике. Родители рассказывают своим детям о важности говорить правду, об уважении ко всем людям, об отказе от предрассудков и ненависти. Школы и религиозные учреждения говорят о лидерстве, основанном на ценностях.

Следующий президент, неважно, от какой партии, обязательно сделает акцент на ценностях — правде, честности, уважении и толерантности — так, как в этом не было необходимости американскому лидеру вот уже более сорока лет. Этот пожар вызовет рост чего-то хорошего.

Я написал эту книгу, потому что надеюсь, что она будет полезной людям, живущим среди

пожара, думающим о том, что будет потом. Ещё я надеюсь, что она будет полезной читателям ещё долго после того, как пожары будут потушены, вдохновляя их на выбор высшей степени преданности, на поиск правды среди лжи, и на следование этичному руководству.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Поскольку группа людей достаточно позаботилась, чтобы рассказать мне правду, я думаю, что эта книга будет полезна.

Моя любимая семья сделала эту книгу и меня лучше.

Киф Урбан и Мэтт Лэйтимер из «Джавелин» направляли меня на протяжении всего процесса и так многому научили, включая то, как писать книгу.

«Флэтирон Букс» и мой редактор, Эми Эйнхорн, отлично проталкивали меня через множество черновиков.

И, наконец, я признателен тем, кто учил меня, работал рядом со мной, и смеялся вместе со мной все эти годы. Вы знаете, кто вы. Спасибо вам за радость и путешествие, которое ещё не окончено.

ОБ АВТОРЕ

Джеймс Коми служил директором ФБР с 2013 по 2017 годы, и был назначен на этот пост Президентом Бараком Обамой. До этого он служил окружным прокурором Соединённых Штатов в Южном округе Нью-Йорка и заместителем генерального прокурора США в администрации Президента Джорджа У. Буша. Он живёт в Вирджинии со своей женой и семьёй.

ПЕРЕВОД

Перевод Геннадия Иванова

Автор перевода более 20 лет занимается любительскими переводами, в основном фэнтези. Буду признателен за отзывы, в частности, чтобы понять, насколько востребована политическая литература, и есть ли смысл браться за другие книги в данном жанре.
AlligatorNew@yandex.ru

* * *

notes

Примечания

1

Управление по борьбе с наркотиками. — прим. перев.

2

Федеральное агентство по алкоголю, табаку и оружию. — прим. перев.

3

Американский политический активист, проповедник, защитник прав чернокожих американцев. Активно участвует в акциях протеста против случаев расизма, дискриминации, нарушения гражданских прав. В 2004 году баллотировался от Демократической партии на пост Президента США на выборах 2004 года. — прим. перев.

4

Коллективный руководящий орган американской Коза Ностры, созданный Лаки Лучано в 1931 году. — прим. перев.

5

Термин, обозначающее принадлежность работника к рабочему классу, представители которого, как правило, заняты физическим трудом с почасовой оплатой. — прим. перев.

6

Цепь крутых отвесных скал вдоль западного берега реки Гудзон на северо-востоке Нью-Джерси. — прим. перев.

7

Пятнадцать литров. — прим. перев.

8

Девяносто один литр. — прим. перев.

9

Дебютный аллегорический роман английского писателя Уильяма Голдинга, вышедший в 1954 году. Считается одним из важнейших произведений западной литературы XX века. В военное время в результате авиакатастрофы на необитаемом острове оказывается группа детей, эвакуированных из Англии. Изначально культурное, цивилизованное общество, возникшее из детей и подростков, постепенно утрачивает связь с цивилизацией, общественными нормами и моральными принципами. Обнаружив в себе способности к охоте, дети буквально меняются на глазах: на их лицах появляются боевые раскрасы, а поведение постепенно приобретает все большую и большую жестокость. Охота на диких свиней со временем сменяется преследованием себе подобных. — прим. перев.

10

Planned neighborhood — планированный микрорайон, планированное соседство. Концепция, при которой сообщество решает, каким образом будет развиваться микрорайон — где будут строиться новые дома, магазины и офисы, где будут зелёные зоны, какими должны быть новые дома и т. д. — прим. перев.

11

Участок в Нижнем Манхэттене площадью 65 000 м², на котором до 11 сентября 2001 года располагался первоначальный комплекс зданий Всемирного торгового центра. — прим. перев.

12

Американская бизнесвумен, телеведущая и писательница, получившая известность и состояние благодаря советам по домоводству. В начале 2000-х разразился громкий скандал, завершившийся для неё тюремным заключением сроком на 5 месяцев за незаконное использование инсайдерской информации. — прим. перев.

13

Управление по контролю за продуктами и лекарствами. — прим. перев.

14

В американском футболе: пересечение мячом или игроком с мячом линии зачётного поля соперника. — прим. перев.

15

DAG, Deputy attorney general — заместитель генерального прокурора. — прим. перев.

16

Западное крыло — "рабочая" часть Белого дома. Именно здесь, в Овальном кабинете, работает президент США. Кроме того, в Западном крыле расположены Зал Кабинета, в котором проходят заседания Кабинета министров Соединённых Штатов; кабинет вице-президента США, офисы руководителя аппарата и вспомогательного персонала. В Западном крыле расположены также помещения журналистского корпуса Белого дома и зал, в котором проводятся брифинги и пресс-конференции. — прим. перев.

17

Рабочий кабинет президента США в Белом доме. — прим. перев.

18

Один из центральных персонажей знаменитого романа Г. Мелвилла «Моби Дик». Одноногий мрачный капитан, одержимый идеей убить гигантского белого кита. В конце романа погибает вместе со своим кораблём и большей частью команды. — прим. перев.

19

Национальная Ассоциация гонок серийных автомобилей. — прим. перев.

20

Позывной любого летательного аппарата Корпуса морской пехоты США, на борту которого находится президент США. Как правило, это один из 19 вертолётов авиаэскадрильи HMX-1 «Nighthawks». — прим. перев.

21

Старейшая и самая титулованная команда по американскому футболу. — прим. перев.

22

Конверт из толстой жёлтой бумаги. — прим. перев.

23

Глава Отдела генерального солиситора в Министерстве юстиции. Представляет исполнительную власть в Верховном суде по всем категориям дел, затрагивающим интересы США в целом и от имени правительства осуществляет надзор за ведением тяжб во всех апелляционных судах. — прим. перев.

24

Известная в стране личность (политический деятель, кинозвезда), которая в период войны во Вьетнаме сумела законным способом избежать призыва на воинскую службу, а сейчас является сторонником жёсткой внешней политики, что в итоге может привести к участию в конфликте американских войск. — прим. перев.

25

ATF (Бюро алкоголя, табака, огнестрельного оружия и взрывчатых веществ) — федеральное агентство Министерства юстиции США. — прим. перев.

26

Fast and Furious — «Быстрый и яростный», операция ATF с 2006 по 2011 годы, когда агентство умышленно позволило лицензированным торговцам огнестрельным оружием нелегально продать его, в надежде отследить это оружие до лидеров мексиканских наркокартелей, и арестовать их. Цель так и не была достигнута, и удалось вернуть лишь часть оружия. Остальное участвовало в уголовных преступлениях по обеим сторонам американо-мексиканской границы, включая убийство сотрудника пограничной стражи США Брайана Терри. После этого убийства информация стала достоянием общественности. — прим. перев.

27

Итальянский аналог блюда, больше известного в России как горячий бутерброд. — прим. перев.

28

Черные жизни важны — прим. перев.

29

Жизни полицейских важны — прим. перев.

30

Стремление к племенному обособлению; межплеменная вражда — прим. перев.

31

Идея о том, что после того как полицейские несколько раз оказывались в центре скандалов, они предпочитают вести себя осторожно и не попадать в поле зрения журналистов, что позволяет преступникам вести себя более дерзко. — прим. перев.

32

Американская настольная игра в виде набора кубиков 3x3 с изображениями сидящих за столом лицом к игроку знаменитостей. — прим. перев.

33

Мелкое преступление, судебно-наказуемый поступок. — прим. перев.

34

Сикрестировать (Seacresting it) — делать перерыв в самый критический момент реалити-шоу. Названо так в честь Райана Сикреста, часто и успешно применяющего этот приём на дедушке всех реалити-шоу, «Американском идоле». — прим. перев.

35

«Банда восьми» — распространённое в СМИ наименование группы из восьми членов Конгресса США, занимающейся вопросами разведки. — прим. перев.

36

Американский актёр, комик, участник комик-труппы, известной как «Братья Маркс». Разработал сценический образ, с которым не расставался долгие годы — чёрные нарисованные брови и усы, очки и сигара. Ведущей темой его актёрского мастерства являлась подсказка-автограф — «порхание бровей» Граучо Маркса. Перевалив через кульминационный момент, Граучо начинал помахивать бровями — вверх и вниз, чтобы стало совершенно очевидно, что рассказ окончен. — прим. перев.

37

“Ravenite” — общественный клуб в «Маленькой Италии» в Нью-Йорке, использовавшийся в качестве штаб-квартиры семейства Гамбино, где часто проходили тайные встречи мафии. — прим. перев.

38

“Palma Boys” — клуб, служивший штаб-квартирой босса семьи Дженовезе Энтони “Толстый Тони” Салерно. — прим. перев.

39

Человек, помешанный на чистоте. — прим. перев.

40

Стол, используемый президентами США в основном в Овальном кабинете Белого дома.
— прим. перев.

41

The Man — «Мужик», может иметь разные значения: власти, полиция, хозяин, белые. —
прим. перев.